



# СМЕНА

№ 5 МАРТ 1980

## СОЛНЦЕ НАД ТУНДРОЙ



# ДЕЛУ ПРАЗДНИЧНЫЙ



Владислав ЯНЕЛИС.  
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.  
Специальные корреспонденты «Смены»

**Т**ак повелось исстари, а с каких пор — старики и те не помнят: в конце второго месяца зимы, когда слабеют морозы и полярный день начинает теснить ночь, разливаются по тундре серебряным звоном колокольчики оленьих упряжек. Это спешат в поселки с дальних кочевий и баз кольские оленеводы, чтобы всем миром встретить праздник народов Севера. А что до поселков порой многие сотни километров пути по белой каменистой пустыне — не беда, дело привычное, были бы надежными нарты да быстрыми оленями.

Выезжают загодя, всякое случается в дороге: застигнет пурга, навалится густой туман, заметет снегом старые путевые вешки, на праздник все равно надо успеть, опоздаешь — не оберешься стыда перед односельчанами. К февралю стада собраны воедино, кормов хватает, до отела — самой горячей поры — еще далеко, так отчего бы не отдохнуть от многотрудных забот, не провести семью, не повидать друзей. Да и сам праздник — не пустая забава, главное его событие — гонки на оленьих упряжках, редкое по накалу и красоте, захватывающее зрелище, — собирает тысячи болельщиков. И кто из оленеводов не мечтает об алой чемпионской ленте как о высшем признании его мужества и профессионального мастерства.

Рассказывают, что когда-то победителю в оленьих гонках встречные весь год кланялись в пояс, его голос был решающим в спорах в выборе маршрута перехода стад, ему доставались самый жирный кусок за трапезой, лучшее место у очага. Так саамы чтили в старину самых ловких и сильных, всячески материализуя это свое почитание. Что касается почета, то чемпионы и сейчас не внакладе, уважение оленеводов к тем, кто владеет искусством побеждать в труднейшем состязании, по-прежнему велико. Ведь, несмотря на чисто спор-

тивные законы, по которым определяется чемпион, гонки во многом сродни профессиональному соревнованию мастеров своего дела, где сильнейший — он же самый опытный, умелый, а значит, достойнейший.

...Впервые попал я в Ловозеро — старинное саамское селение, ныне центр крупнейшего по площади района на Кольском полуострове, года четыре назад. Еще тогда удивила обустроенность жизни людей в поселке, удаленном на сотни километров от областного центра, окруженном озерами и лесами, за которыми начиналась бескрайняя тундра, тянувшаяся до Баренцева и Белого морей. Доходы крупнейшего в области оленеводческого хозяйства, государственные дотации дают возможность ставить жизнь Ловозера на широкую ногу, не хуже, чем в любом процветающем поселке где-нибудь на Украине, строить современные кирпичные дома, магазины, детские сады и школы, приобретать необходимую технику для облегчения труда оленеводов в тундре. Даже за тот малый срок, что минул после первого моего приезда в поселок, я заметил, что в контурах его прибавилось уростности за счет новых пятиэтажек, ухоженнее, наряднее выглядят главные улицы, больше на них машин, вездеходов. В особом почете здесь мотонарты — транспорт для оленевода, рыбака и охотника незаменимый. А промышляют здесь едва ли не все начиная с детских лет.

В последний день, оставшийся до праздника, нам повезло — застали у районного Дома пионеров самого Юрьева. О неутомимом собирателе саамского фольклора, бессменном руководителе кружка «Юный оленевод» я много слышал еще в первый свой приезд. Но познакомиться с Юрьевым тогда не удалось — он второй месяц кочевал по тундре со своей ребячьей оленеводческой бригадой. И вот удача — Юрьев оказался в Ловозере, а неподалеку от поселка юные оленеводы разбили настоящий ла-



СААМЫ — ИСКОННЫЕ ХОЗЯЕВА КОЛЬСКОЙ ТУНДРЫ.

# ВЕНЕЦ



**БРИГАДИР  
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ  
БРИГАДЫ ОЛЕНЕВОДОВ  
СЕМЕН ГАЛКИН.**

герь, где готовят оленьи упряжки к завтрашним стартам. К ним и собрался Павел Пантелеймонович.

— Ладно, — кивает Юрьев в ответ на наш молчаливый вопрос, — поехали вместе, только, чур, держаться крепко.

Он одет по всей оленеводческой форме: меховая малица, расшитые тоборки, рукавицы. За поясом нож с инкрустированной рукояткой. Юрьев трогает шестом передового оленя — крупного белого быка, — и полетела упряжка по мягкому серебристому снегу.

— И-и-е! — кричит Юрьев, подгоняя оленей. Потом поворачивается к нам, на бровях и над губами у него белый снежный пух. — Слышите, как поют нарты?

Мы прислушиваемся к скрипу полозьев, мелодичному и ровному, нарушаемому лишь фырканьем животных.

— Отчего это?

— Ель поет. Сделай нарты из другого дерева, и пропадет звонкость пастушьей песни, а без нее в тундре оленеводу грустно.

Возле двух чумов, скроенных на старинный лад, нас ждут десятка полтора ребят лет тринадцати — пятнадцати. На Юрьева сразу обрушился поток вопросов, он машет руками:

— Давайте по очереди.

Целый день в лагере кипит работа. Ребята загоняют оленей в корали, готовят упряжь, приводят в порядок нарты, а потом, усевшись возле общего очага, едят похлебку и пьют чай из алюминиевых кружек, слушают рассказы Юрьева об истории края, его людях, природе. Думаю, может, там еще и завораживает сердца ребят этот человек, что умеет одарить своих юных слушателей несметным богатством национальной мудрости, древней культуры их народа. К вечеру все как будто готово, упряжки выглядят празднично, и можно ехать в поселок, но никому не хочется покидать лагерь, где так весело и интересно.

Уже восемь лет существует кружок «Юный оленевод». Впрочем, «кружок» — это слишком скромно, его



**БЕССМЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ  
КРУЖКА «ЮНЫЙ ОЛЕНЕВОД»  
ПАВЕЛ ЮРЬЕВ.**



давно пора переименовать в школу, ибо число активных кружковцев давно перевалило за пятьдесят. Есть у кружка и своя база и свое стадо, пока небольшое — около 30 оленей. Здесь ребята на практике овладевают оленеводческой наукой, учатся готовить упряжь, обращаться с животными, мастерить нарты и выстаивать в борьбе с суровой природой. Учатся любить дело отцов и дедов своих, чтобы занять со временем их место в бригаде. Больше пятидесяти ребят, пройдя свои первые оленеводческие университеты в кружке Юрьева, уже работает в тундре. Профорентация — это одно, другое и главное — в кружке ребята постигают красоту своей земли, учатся беречь ее.

Возвращаемся в поселок вечером. Праздник уже загорелся яркими гирляндами на улицах Ловозера, рассыпался звонкими песнями по окраинам: это встречают вернувшихся из тундры оленеводов. Но главное все-таки завтра.

...На площади, откуда стартует праздник, было тесно от оленьих упряжек и зрителей. В последний момент из двух мурманских автобусов, чудом пробившихся к поселку через снежные заносы, вываливает около сотни городских фотолюбителей. Но подобраться к участникам гонок уже не так просто — их плотным кольцом обступают односельчане, дают пос-

ледние советы, подбадривают. В состязаниях примут участие представители едва ли не всех семейных династий Ловозера — Юлиных, Каневых, Галкиных, Рочевых, Яковлевых. У каждого спортсмена, почитай, не меньше тридцати единокровных болельщиков.

Но вот поднят флаг праздника, начался парад участников гонок. Гордо вскинув головы, словно чувствуя торжество момента, рысят олени, позванивая начищенными до зеркального блеска колокольчиками, красуясь праздничной упряжкой. Только в особые торжественные дни запрягают оленей в такие вот хомуты, обшитые алым сукном, усыпанные бисером, в выстроченные золотой нитью недоуздки, покрывают нарты шукурами, еще не потертыми в долгих поездках, лоснящимися свежим густым мехом. Да и сами гонщики в выходных малицах, затейливо расшитых тоборках.

Невозможно не восхищаться искусством саамских мастериц. Не зря едут люди за их работой из Красноярска и Перми, Читы и Элисты, Москвы и Петрозаводска. Идут на поклон к Федосье Клещевой и Аполинарии Голых, Анне Сорвановой и Федосье Юлиной, да разве уважить им всех заказчиков и почитателей их таланта! Давно уже назрела необходимость подумать о том, что надо сделать,



**ПОБЕДИТЕЛЕЙ ГОНОК ЧЕСТВУЮТ ВСЕМ МИРОМ.**



Рената ВЕРЕЖАНУ



**ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ**

Чтоб созидать,  
Наверное, надо родиться добрым.  
Чтобы встать и держаться  
На этой земле,  
Наверное, надо помнить  
О предках,  
Чьим отраженьем ты будешь.  
Чтоб убить,  
Чтоб живых уничтожить—  
Разве для этого  
Надо родиться  
И жить?

**ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ**

Жить всегда молодым—  
Это мыслить, лепить мечту,—  
Выше полдня с его дарами.  
Жить здоровым—  
По-моему, это принять  
В свою кровь колыбельную мамы  
И дыханье парной борозды.  
Жить инертным  
К сиянию дня  
И к рождению солнца—  
Предоставь это плесени  
Или болоту:  
Быть равнодушным к всему.

**ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ**

Если я—  
Молодое начало.  
Если я—  
Первый цвет деревца.  
Если я—  
Праздник прекрасный,  
То приметы мои не плохи,  
Значит, можно меня полюбить.

**ОКТАБРИНА**

Время мыслит, сопоставляет...  
Может, это Нева вздыхает?  
Может, это рассвет багровый  
Вытквал праздничный цвет «Авроры»?  
Крейсер силой могучей храним:  
Реет маковый парус над ним.  
Вся природа единством полна:  
Тот же цвет у рубашек из льна,  
Надевай ее и внеми  
Теплой ноте самой земли,  
У истоков невзрачный лен  
Небом чистым был озарен,  
Путеводная красная нить  
Из того же льна, может быть...

**НОЯБРЬ**

Да, стрелял в меня не раз  
Свергнутый жестокий класс,

Поднимаются все выше и выше дома на семи холмах; опоясанных так крепко лесами, словно лесам этим дано спрятать холмы от остального мира, но дома поднимаются выше и выше, а там открывается прекрасная панорама к вольному Днестру. Здесь, в самой северной точке Молдавии, и выросла Рената Вережану. В Кишиневе она окончила инженерно-экономический факультет политехнического института имени С. Лазо и поступила на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького, а работает Рената в Министерстве мелиорации и водного хозяйства Молдавии.

Недавно всесоюзный читатель познакомился с поэмой Р. Вережану «Алфавит», ее стихи напечатали журнал «Дружба народов» и «Литературная газета».

Не знаю, как долго будет предана Рената Вережану точным наукам, но пока симбиоз математики и поэзии в ее душе давал хорошие урожаи.

После обсуждения в Союзе писателей Молдавии первой книги стихов Ренаты Вережану, после знакомства с рукописями ее новых произведений я твердо верю и в мечты и в труды этой девушки, влюбленной в математику и поэзию.

Александр КОЗМЕСКУ

# ОТРАЖЕНИЕ

МОНОЛОГИ

Говорят: Созидатель, Октябрина, Ноябрь, День вчерашний,  
День сегодняшний, День завтрашний

Главил муки на огне,  
Вызывая гнев во мне.  
Враг коварен—я упрям:  
День мой молод и румян.  
Клеветой меня косили—  
Мой народ не обессилел.  
Всходит счастье на порог—  
Это он себе помог.

**СОЗИДАТЕЛЬ**

Граница... Все ль ее известны рубежи?  
Она проходит через сердце женщины,  
Рожающей ребенка в день счастливый.  
Граница—грань двух рук в рукопожатье,  
Граница держит сердцевину слова,  
Того святого слова, что вовек  
Влюбленные  
Стесняются шепнуть своим любимым.  
Или граница дня—удачный полдень,  
Удача землекопа, что нашел родник  
На дне колодца, вырытого им  
На поле близ границы с Бессарабией,  
Где проходила «Искра» тайный путь.  
Вся в плачах-ранах, эта вот граница  
Хотела, жаждала одеться в блузу,  
Скровленную из мирных, ясных дней,  
Расшитую Иляной и Марией  
И многими другими матерями,  
Чьи дети их святыней почитают.

**ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ**

Я фантазировал—моя мечта  
Вертелась подочкой в крутом теченье,  
Река бурлила, не было спасенья,  
И человек мне встретился тогда.  
Он смелой мыслью,  
Хлебом ясных знаний  
Увлел меня,  
И свет взошел над нами.

**ОКТАБРИНА**

Называли меня сестрою  
Зори, аисты над бороздою.  
Звали матерью молодожены,  
Чьи ладони в росе студеной.  
Завершеньем звали хлеба  
И дорога, что вдаль пролегла.  
Я надежда для дальней звезды,  
Для пустыни, ждущей воды.  
Называли меня прозреньем  
Дух высокий и размышленьем.  
А с дарами песен и сада  
Мы встречались, как смысл и награда.  
Лишь глаза человека и дня  
Называли любовью меня.

**НОЯБРЬ**

Одарен я искусством одним—  
От рожденья мне сила дана:

Прикоснусь—бороздка морщин  
На лице молодом не видна.  
В материнской печали земной  
Мой приход означал избавленье,  
А для детского ощущение—  
Это ласка природы самой.  
Проклинала меня клевета—  
Заходил я в худые углы.  
Отступала, стыдясь, темнота,  
Выходили слепые из мглы.  
Не пугала вражья пальба—  
Плохо целились, я выживал,  
Из робеющих душ выжимал  
Вековые страхи раба.  
Гнал угрозу извечной нужды,  
Из сознания—тупую усталость,  
Гнет, болезней, голодной беды—  
Все лишь в памяти это осталось.  
И ко мне повернулись лицом  
И Сибирь и Памир снегородный—  
Старый кряж, что казался вдовцом,  
Обручился с любовью народной.  
И днестровские кодры, звена  
Чистой песней гайдуковской свирели,  
На рассвете встречали меня—  
Мы испуганы в обнов купели.  
Был июнь хлебом новым душист...  
Вдруг метнулась рогатая тень:  
Обезумевший подлый фашист  
Окравил мой ясный день.  
Сколько принял народ-исполин,  
Но воспрянул, и был он высок.  
Я прошел за Дунай, на Берлин,  
Выврал рабство, надежду зажег.

**СОЗИДАТЕЛЬ**

Казались уши марширующих тупиц  
Ушами возмнившего осла,  
Умеющими слушать крик приказа,  
Но не движенье времени вперед.  
Все им заслоняли каски, каски,  
Скрепящий знак,  
Несущий только смерть.  
Живое избегало встречи с ними,  
И даже голубь, что воспет Пикассо,  
К их медным лбам  
Хвостом не прикасался,  
Их презирал с известной высоты...  
Могу представить, что душа людская,  
Рождаясь, ясный облик принимает.  
Великий Шостакович—в нем  
Был заключен скрипичный дух струны  
Иль ноты в партитуре мира...  
Тогда скажите, кем родились где-то  
В людском обличье Гитлер и Колчак?

**ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ**

Мои воспоминания для вас,  
В ком молодость забывчива, наивна:  
Напоминаю и смотрю призывно  
И каждый день,  
И каждый год, и час.

чтобы развивалось старинное искусство, наполнилось бы новыми молодыми талантами, радовало, удивляло, спасало от стужи не только поселая.

Сделав круг почета, выходят упряжки на старт—к краю огромного белого поля. А за ними спешат самые истые болельщики, торопясь занять лучшие места вдоль трассы. Вдруг, как по волшебству, на пути вырастают из сугробов затейливо расписанные терема и избушки, откуда тянет манящими запахами рыбы и меда, оленины и блинов: «Подходи, народ, не жалея живот!» Что ж, время еще есть, пока чистят трассу от напавшего за утро снега, можно уважить радушных, хлебосольных хозяек.

Но уже стартуют первые упряжки, уносятся вдаль, за густую завесу белых хлопьев, слышен только хруст снега под полозьями нарт и крики погонщика. Стартует Канев. У него упряжка заметная—быки крупные, сильные, послушные хозяину. Он проходит трассу легко, без сбоев. Возвращается весь в седине инея, первым делом протирает очки, залепленные снегом, бросает дымящуюся малицу на нарты, идет узнавать свое время.

Пока он был на трассе, комментатор рассказывал о Каневе тысячам людей, собравшимся на поле гонок: «Потомственный оленевод, победитель многих соревнований, помощник бригадира лучшего производственного коллектива совхоза «Тундра».

...Осенью, когда внезапно ледяной коркой накрыло ягель на огромном пространстве и стадо раскололось в поисках корма на несколько частей, Семен Канев и комсорг бригады Федор Кириллов пошли с одной из них, не успев запастись продовольствием. Несколько дней и ночей они без пищи, без горячего питья шли за животными, Валились с ног от голода и усталости, но не потеряли ни одного из тысячи оленей. О таком в комментарии рассказывать на праздниках не принято, а жаль, может быть, поинтересовались бы гости поселка на невысокого, остролицего, неприметного внешне человека.

Вскоре наступает черед женщин. Им повезло, снег перестал, на небе, уже безоблачно-голубом, огромным золотым шаром пылало солнце. Трасса открылась до самого горизонта алыми каплями флажков по обеим ее сторонам. У женщин дистанция та же, что и у мужчин, но оленей в упряжке на одного меньше, чтобы легче было удерживать разгоряченных животных на повороте.

А праздник разрастается, входит в свой зенит, заливая весельем Ловозеро от края до края. Спортсмены уже превращаются в лихих ямщиков, катая по поселку всех, у кого есть охота. Несутся олени упряжки под россыпь гармоник, перезвон колокольчиков и... пересвист транзисторов—цивилизация! Прямо на улицах наступают друг на друга в лихом переплясе пары, и тут же в искрящемся на солнце снегу катаются ребята, а те, кто постарше, сооружают огромных размеров снеговика. Какой же без него зимний праздник!

А победил все-таки Канев. Он показал лучшее время в гонках на всех дистанциях и в буксировке—наиболее сложном виде соревнований. Еще одной алой чемпионской лентой стало в бригаде больше. Теперь лучшим гонщиком предстоит показать свое искусство в Мурманске, где по традиции финиширует праздник народов Севера, светлый праздник, радостный, рабочий и всегда новый. А что не об одном празднике наш рассказ, так это можно понять,—праздники лишь венец, роздых в человеческих заботах. Но потому и красен венец, что заботы эти трудны и важны.

## ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Я в вас—источник ваших дум,  
Нерв мыслей: думайте, мечтайте  
И мне свое движение передайте,  
Чтоб был во мне ваш благотворный ум.

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Мечтаю быть счастливым, молодым,  
У времени днем радости считаться.  
Не уподоблюсь я устам таким,  
Которые не могут улыбаться.

## НОЯБРЬ

Будь сначала, мужчина, землей,  
Прежде чем человеком явиться  
И небесным лучам удивиться,  
Ты подумай о доле земной.  
Выбирай свою цель, назначение,  
А потом заявляй о рождении

## ОКТАБРИНА

О женщина, мечтающая о любви,  
В себе огонь иль искру оживи,  
Пройди сквозь холод, слабость одолей,  
Прими на плечи стук косых дождей,  
Изведай вкус железа, гибкость ивы,  
Узнай приливы сна, его отливы,  
И если станешь пламенем горячим,  
Стань матерью...

## СОЗИДАТЕЛЬ

Откройте дверь сегодняшнему дню—  
В нем сердце времени воспламенилось.  
Но и мечта из пламени взошла.  
Откройте двери завтрашнему дню—  
Его приход на молнию похож,  
Но и мечта несет заряд огромный...  
Не будем горевать, что не успеем  
Прочесть все книги—важно тут  
Стремленье.  
И не узнать нам, кто прочтет ту книгу,  
Что наши внуки в радости напишут.  
Дано иль нет нам все предугадать?  
Не думал простодушный понедельник,  
Что среду очастливит звездный час—  
Космический полет в тот день родился.  
Так будущая мать не говорит:  
«Ношу я дочь», а говорит: «Ребенка».  
Не знает полдень, кто его поэт,  
Кто музыку про свет его напишет.  
Соседи деревенские дружны,  
Случись—и дальний выручит в беде.  
Они живут, не мудрствуя лукаво:  
«Чем лучше быть—  
Стеной иль крышей дома?»  
Они живут, растят и убирают.  
Был гением, наверно, человек,  
Назвавший счастьем путь к своей мечте.  
Я счастлив, что взошла и отразилась  
Моя мечта в глазах людей земли.

## ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Пусть здравствует, кто истину открыл:  
«Цена краюхе хлеба—день труда».  
Но какова же стоимость тогда  
Той капле пота, что на пашню лил?

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Вбираю упования и стремленье,  
И эту боль—она пока со мной.  
Хочу, чтоб сердца вашего биенье  
Совпало с ритмом радости самой.

## ОКТАБРИНА

Тишины прошу, тишины.  
Узнали?  
Это материнские шаги  
Устали.  
Тишины прошу, тишины.  
Вы рады?  
Надевают юные сады  
Наряды.  
Тишины прошу, тишины.  
Ощутили?  
Вас грядущие победы  
Окрылили.  
Тишина разлилась,  
Зов неслышный разносит:  
Это солнце, земля  
О любви вашей просят.

## ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Радость мамы—мои ль ликованья:  
Свет и тени летящих стрижей...

То ли корень, то ль знак прелинания  
В мокрой глине, в разрытой меже?  
Никогда, никогда не пойму я,  
По грамматике иль вопреки  
Мама ставила ту запятую  
В нужном месте дошедшей строки.  
Плачу ль я иль то отчие слезы  
Над поломанным мертвым кустом?  
Это вихри снесли или грозы?  
Только память кричит о другом.  
Помню веток кривые изломы  
И ореховый стон у крыльца—  
Это прошлое отчего дома,  
Это молодость, горе отца.

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Приду я к вам—узнаете меня?  
Узнаете ль в день обмолота хлеба?  
Длинней в году вы не знавали дня—  
Богат я буду, как ни разу не был.

## ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Когда я в жизнь  
Из дома уходил,  
Мне говорили:  
«Ты красивым был».  
Когда ж над миром  
Я всходил светло,  
Заметили:  
Мне Время помогло.  
Где я сейчас?  
Загадка непростая:  
Днем нынешним,  
Наверно, прорастаю.

## ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Я всхожу—встречает  
Солнце в ярком свете:  
Не само ли солнце—  
Радостные дети?  
Буду я захвачен  
Мыслью и движеньем.  
В каждом деле вашем—  
Предков отраженье.  
Пусть возрастет и будет  
Все, о чем мечтается,  
Каждое творение  
Счастьем увенчается.

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Будет в крови  
Только плач небес  
При заходе.  
Полным любви—  
Солнечный праздник  
В народе.  
Всепобеждающая  
Доброта  
Будет в каждом живом  
Разлита.

## СОЗИДАТЕЛЬ

Я убежден, что завтра—значит, рядом.  
Иначе как догнать движение земное?  
Ведь не топтаться ж на одной тропе?  
Я верю: все мечтания и сны  
Сейчас проклюнулись  
Росточком из земли,—  
Так зреет в нас любовь и вырастает.

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Вы верите в меня?  
Так дети верят в сказку...

## СОЗИДАТЕЛЬ

Возможно, сказка—день всеобщих грез...  
Но эта сказка—плод моих усилий.  
Она моя. Она как солнце, льнущее к окну,  
Увитому цветущим виноградом.  
В нем бодрый дух напевов гайдуков,  
И мой народ свой день счастливый  
Встретит,  
Его плоды пожнет и насладится,—  
Как пьют из гроздьев  
Виноградный сок.

## ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Я продолжаю, добрый человек.  
Ты слушай сказку, зорким окажись:  
Не я шепчу—рассказывает жизнь  
И ты, ее свершитель,—  
Человек.

Перевела с молдавского  
Наталья ДАРДЫКИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

## № 5 (1267) МАРТ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:  
ДОЧЬ  
ПОТОМСТВЕННОГО  
ОЛЕНОВОДА  
ИСКУСНАЯ  
РУКОДЕЛЬНИЦА  
АНАСТАСИЯ  
ДАНИЛОВА

Фото  
Владимира  
ЧЕЙШВИЛИ

Репортаж  
«Делу праздничный  
венец»  
на 1-й странице.

- 1 «ДЕЛУ ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕНЕЦ». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 2 НОВОЕ ИМЯ. Рената ВЕРЕЖАНУ. Поэма «ОТРАЖЕНИЕ».
- 4 ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ. «ЭВМ В СПОРТИВНОЙ ФОРМЕ».
- 6 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН. К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. Валентин ЧИКИН. «СЕГОДНЯ ВИДЕЛ ГОРЬКОГО...»
- 8 Рассказ Тынымбая НУРМАГАМБЕТОВА «СЛУШАШ».
- 12 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ. «БРИГАДА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ». Письма, статьи, высказывания.
- 19 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».
- 20 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!»
- 22 «А ЧТО У ВАС?» Информационная страница «Смены».
- 24 Марина БАЗАВЛУК. «ВОСХОЖДЕНИЕ». Портрет режиссера Ларисы ШЕПИТЬКО.
- 28 Елизавета ТРЕНЕВА. «МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ ТВ».
- 30 К 35-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ. Иван ПОЛУЯНОВ, Бронислав ГРИЩУК. «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ И ДЕНЬ СМЕРТИ ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА».
- 32 ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТOKOв. Второй тур.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1980 г.



Михаил КАЗАКОВ.  
Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

# ЭВМ В СПОРТИВНОЙ ФОРМЕ

В Большом манеже Центрального института физкультуры тренировались члены сборных страны: барьеристы, прыгуны тройным, спринтеры. Они лихо брали барьеры, отрабатывали толчок, совершали рывки. Но мое внимание вначале привлекла необычная женщина. Необычная, потому что до этого мне никогда не доводилось видеть женщин со штангой в руках.

— Она не спортсменка, а балерина, — объяснил кандидат физико-математических наук Сергей Алешинский. — Впрочем, спорт и балет, по-моему, близкие родственники.

Рита Левина — балерина театра имени Станиславского — недавно стала мамой, и сейчас ей необходимо быстро восстановить форму. По совету друзей она пришла в спортзал, где ей «прописали» типично спортивный комплекс восстановительных упражнений.

Главные элементы комплекса — кросс и штанга.

— Сейчас я приседаю со штангой в пятьдесят килограммов, а пришла — не могла присесть и с двадцатью... Мне пообещали, что все это не приведет к огрублению форм тела и я не стану походить на штангиста. — Рита улыбается и говорит, не прерывая упражнений. — Кажется, обещания сбываются.

— Отдавая должное эстетическим достоинствам очень любимого мною балета, — прокомментировал ее слова Алешинский, — должен заметить, что всегда лидировавший балет в последние десятилетия здорово отстал от спорта. Оказалось, что у артистов балета слишком большой процент травм, а их тренировочные упражнения, сами по себе очень красивые, в функциональном отношении почти ничего не дают.

Этой весьма суровой оценке можно верить не только потому, что выставил ее научный сотрудник лаборатории биомеханики.

Несколько лет назад Алешинский работал в московском ансамбле «Балет на льду» и только думал об аспирантуре. Возмож-



но, кто-нибудь еще помнит его номера «Шла девица за водой» и «Адам и Ева», где он был... Евой. Почти двухметровая Ева и коротышка Адам... Номер пользовался успехом. Но мало кто из зрителей догадывался, что за плечами солиста мехмат МГУ и диплом с отличием.

Он катался на коньках и думал о структуре движений. Дело в том, что человек уже почти весь математически описан. Макушка головы при ходьбе выписывает «восьмерку». Есть своя «кривая» и у бедер. Подведена научная база и под житейскую мудрость «не ходи пузом вперед — ходи на полусогнутых» — так, оказывается, энергетически выгоднее.

Чтобы продемонстрировать, для чего нужны все эти расчеты, мне показали фильм об экзоскелетонах — электромеханических усилителях мышечной деятельности. Человек надевает на себя кольчугу из рычагов и проводов, включает ее в электрическую сеть — и становится могучим, как Гераклес. Правда, пока даже самые выносливые выдерживают внутри экзоскелетона не более пятнадцати минут. Ведь, став Гераклесом, человек оказывается

Чисто механически этот вид спорта проще других, а значит, яснее все закономерности, из которых он составлен. В громадном институтском манеже спринтеры и стайеры — по дружбе — делали сотни забегов. И Сергей, опутанный, как Лаокоон, километрами бумажных графиков и кинолент, полтора года трудился над математической моделью идеального спринтера. Но зато теперь можно, задав вычислительной машине параметры спортсмена, начертить ему оптимальный график бега.

Возможно, это уже ближайший

как перевести на язык цифр то, что происходит на хоккейной площадке. Составленная им по просьбе хоккеистов программа — один из элементов большой работы, проводимой кафедрой биомеханики, которой руководит профессор Владимир Зациорский.

Сейчас на кафедре закончена проверка информативности метода для определения физической готовности спортсменов. Старший тренер московского «Динамо» уже прислал в институт акт о его внедрении. Кажется, в хоккее наконец появились объективные комплек-

#### ФОРМУЛА СТАРТА.



агноз» и для большей надежности вычерчивала профили, указывавшие спортсменам, что именно они сделали неудачно в том или ином упражнении.

Однажды на тренировке Янис Лусис метнул копье на сто метров, превывсив на шесть метров мировой рекорд. К сожалению, бросок был тренировочный. Но Лусиса больше несостоявшегося рекорда огорчила случайность этого достижения. Но случаен ли этот бросок? И он поехал к Зациорскому с просьбой помочь разобраться в случившемся. В манеже Института физкультуры устроили площадку с датчиками, с нескольких точек фиксировали поведение мышц, регистрировали моменты сил на отдельных мышцах в разное время. И построили методику тренировок, благодаря которой олимпийский чемпион Янис Лусис улучшил свои результаты.

Анализом движений сейчас занимаются многие. И важны эти иссле-



**ПРОФЕССОР  
ВЛАДИМИР ЗАЦИОРСКИЙ  
СО СВОИМИ УЧЕНИКАМИ.**

**АСПИРАНТЫ ИРИНА КАРТАШЕВА  
И ЯАН ТИЙДУС ИЗУЧАЮТ  
СТЕПЕНЬ ВЫНОСЛИВОСТИ  
СПОРТСМЕНА.**

**ВРАЧ СТАЛ ПЕРВЫМ  
ПОМОШНИКОМ ТРЕНЕРА.**



день спорта — научное планирование наивысших достижений.

А на другом конце Москвы по бокам хоккейной площадки Дворца спорта «Динамо» сотрудники лаборатории расставили портативные лазеры и счетчики импульсов. На льду молодежная сборная страны под руководством Виталия Давыдова отрабатывала бег «змейкой», рывок с ускорением и другие приемы. Из-за щитов ограждения за хоккеистами внимательно наблюдали точные приборы.

Через полтора часа данные приборной съемки отправили в институт, и они попали к трудившемуся возле своей мини-ЭВМ Сергею Алешинскому. Он первым придумал,

ные критерии готовности игрока к матчу.

— Самое главное для тренера — знать, кто и в какой форме сейчас находится, — считает Давыдов, — чтобы правильно спланировать учебно-тренировочный процесс на любом этапе подготовки команды. Хочу отметить, что бригада помогавших нам ученых внесла большой вклад в успех молодежной сборной на прошлом чемпионате мира. После тестирования нам дали развернутую картину физических и функциональных возможностей каждого игрока, и мы точно знали, с



кем и как работать. Несомненно, рекомендации ученых помогут нам успешно выступить и на Белой Олимпиаде.

...Спортсмены в институтском манеже бегали от одной приборной станции до другой, лазерный луч фиксировал их перемещения. А вычислительная машина ставила «ди-

**С ПОМОЩЬЮ ДАТЧИКОВ  
УЧЕНЫЕ АНАЛИЗИРУЮТ  
ОПТИМАЛЬНОСТЬ  
СПОРТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ.**

ограниченным в своих движениях, в организме накапливается усталость. Как-никак наше тело обладает 250 степенями свободы, а рука — 34. Машиностроение пока и близко не подошло к созданию подобного аппарата, хотя уже существует множество промышленных роботов, имитирующих те или иные движения человека. В основном это «руки».

Мы сидим в лаборатории, тесной от множества различных хитроумных аппаратов, и Сергей вспоминает, как он решил оставить сверкающий лед и вернуться к науке, которой увлекся еще на втором курсе университета, — к биомеханике.

Примерно на середине нашей беседы включился графопостроитель, воспроизводящий в зрительных образах решение, предложенное машиной. Сергей склонился над лентой, по которой бежал человек, нарисованный цветными грифелями. Машина расставила крестики в центрах масс «идеальной» картины бега и показала отклонения, какие были у спортсмена. Такого анализа не делает ни один тренер. Иная степень точности.

Алешинский и его товарищи начали свои исследования со спринта.

Продолжение на 11-й стр.

Валентин ЧИКИН,  
лауреат премии  
Ленинского комсомола

# «СЕГОДНЯ ВИДЕЛ ГОРЬКОГО...»

## Слово о слове

Ранним июльским утром поезд, прибывший по обычному расписанию из Москвы и доставивший среди сотен самого необыкновенного пассажира, медленно входит в свою вокзальную гавань. На третье лето после памятного «сенокоса» в Разливе Владимиру Ильичу удается вырваться, по чрезвычайному обстоятельству, на свидание с родным — революция сроднила — городом. Вырваться всего на один день и, как оказалось, на последнее свидание. В Петрограде, который еще полгода назад грозила задуть контрреволюция, интервенция, — торжественное открытие Второго конгресса Коминтерна. Почти семьдесят делегаций из сорока стран имеют твердое намерение от октябрьского рубежа закладывать программные основы Коммунистического Интернационала. Владимиру Ильичу волнуется радостно от крепких объятий рабочих делегатов на перроне и от счастливых улыбок рядовых пролетарских бойцов, знакомых по первым революционным дням, и оттого, что день этот поставит его на самый многолюдный перекресток, на перекресток встреч с прошлым и будущим. За три десятка лет, с самой юности, сколько узлов, сколько нитей в душе завязано, сколько добрых друзей хотелось бы теперь разглядеть поближе... Но впереди всего один день напряженной работы на ответственном политическом конгрессе, где еще масса открытых вопросов, так все неоднозначно. Успеть бы сделать самое необходимое. И непременно повидаться с Горьким — Алексей Максимович будет ждать; не выкроится просторный разговор по душам, но хотя бы перемолвится, подвинуть некоторые дела; что же до его «беспощадных вопросов», то и сама обстановка тут кое-что прояснит...

До открытия конгресса надо еще заехать в Смольный, убедиться, все ли готово, имеется ли полный и точный материал — тезисы, документы, которые слал сюда весь июль; как с переводками и переводчиками, со всем рабочим порядком заседания.

Пока шли разговоры по кабинетам, в Актовом зале Смольного собралось немало зарубежных делегатов — они попросили нового Председателя ВЦИК дать им ознакомительный урок истории, и Михаил Иванович Калинин рисует впечатляющую картину того, что и как происходило здесь около тридцати месяцев назад. Неожиданное появление в Актовом зале Ленина вызывает бурный всплеск энтузиазма, многоязыкий гомон приветствий, восклицаний, вопросов, и вскоре все выплескивается в мощное, понятное и близкое всем дыхание «Интернационала». Боевой гимн пролетариев земли в этот день нескончаемо плывет над Невой. Он звучит и в рабочих приветственных колоннах и по пути на конгресс, куда Владимир Ильич направляется вместе с делегатами: «Интернационалом» встречает и Таврический...

Члены исполкома занимают места в президиуме, поднимается на возвышение и Владимир Ильич. Оглядев зал, вдруг останавливается и быстро спускается в партер, идет к амфитеатру. Он узнает своего первого питерского кружковца. Виктор Андреевич Шелгунов — рабочий-революционер, пришедший за Лениным в «Союз борьбы», разделивший участь первого заточения и первой ссылки, стойкий большевик, талантливый агитатор, правдист, все силы беззаветно отдавший подготовке революции, пришел к Октябрю совсем разбитым болезнями, ослепшим... Соседи что-то шепчут Виктору Андреевичу, и он поднимается навстречу Ленину: крепкое братское объятие — не надо ни слов, ни восклицаний — красноречиво само по себе.

Здесь что ни встреча, что ни личность, то живая страница революционной истории, самой ленинской биографии. А есть люди и судьбы, с которыми соединено, сплетено очень многое в жизни, и весьма существенное. Вот Горький... Как радостно видеть его на мировом коммунистическом конгрессе... Пятнадцать лет назад именно здесь, на невских берегах, произошла их первая встреча, и тоже по особому поводу, предложенному историей.

Надвигался мощный вал первой русской революции. Главный штаб партии надо было передвинуть как можно ближе к огненным линиям баррикад. Заседание Центрального Комитета, которому предстояло обсудить вопрос о подготовке вооруженного восстания, собирается на квартире, где живет пролетарский писатель. Впервые они друг перед другом — Ленин и Горький... Этот миг воскресит потом горьковская память: «Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом и ухватками мордвина. Сначала как-то все не шло у нас, а потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись и сразу обоим стало легко говорить». Разговор — о московских событиях, о гибели Баумана, о настроении масс, о вооружении рабочих, о проявлениях студенчества, интеллигенции... Горький колоритно, свежо рисует сцену за сценой, а Ильич — весь внимание: какие важные детали, как метко характеризует людей, как зорко, доверителен, обаятельно прямодушен.

В боевой лихорадке революционной осени 1905 года зарождается их творческое содружество. Пять недель под носом у царя и всей его опричнины в Петербурге выходит легальная большевистская газета «Новая жизнь». Бразды редакторского правления — у Владимира Ильича. В работу вовлекается целая плеяда талантливых партийных публицистов — Луначарский, Ольминский, Воровский. Особое место отводится выступлениям Горького, подкрепившего большевистскую линию своими «Заметками о мещанстве». И у Владимира Ильича были все основания сказать тогда: газета стала «самой широкой трибуной для нашего воздействия на пролетариат». Из номера в номер — тринадцать статей на восемнадцать номеров — публикуются его принципиальнейшие работы: о реорганизации партии, об отношении пролетариата к крестьянству, к армии, к религии, к новым органам власти. И среди важнейших вопросов революционной страте-



В. И. ЛЕНИН И А. М. ГОРЬКИЙ В ГРУППЕ ДЕЛЕГАТОВ II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА У ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА. ПЕТРОГРАД. 19 ИЮЛЯ 1920 ГОДА.

гии и тактики, волновавших Владимира Ильича, поставлен вопрос об отношении партийной организации к литературному делу, о принципе партийности в литературе. Именно тогда появилась в свет небольшая газетная статья, ставшая классическим произведением.

Помимо сокровенных симпатий, возникших с первых минут, Лениным и Горьким непременно должно было владеть сознание: не им ли самим — вождю революции и популярному пролетарскому писателю — предстоит преподать пример того, как надо ставить литературное дело на принципе партийности, как возможно соединить индивидуальную свободу творчества с необходимостью идейного воздействия. Они тогда еще не знали, в каком доверительном и принципиальном тоне будут обсуждать достоинства и пробелы «Матери», спорить об ошибках «Исповеди», выстраивать конструкцию «Дела Артамоновых», но им уже ясно: здесь скрепляется не только партийный союз для совместного действия, но и заключается союз духовный, союз партийной мысли и художественного слова.

Потом возникнет непростой философский спор, «драка с махистами», и никому с таким доверием и обстоятельностью Владимир Ильич не будет излагать своих мотивов и решений в «богоборческих битвах», как Горькому. Он знает художественную жажду исканий, понимает человеческие симпатии Горького, видит его смятенность и всегда оставляет широкий простор для выбора. Для людей, близко наблюдавших тогда их отношения, не может быть двух мнений, двух оценок. Луначарский изысканно отметил: когда Алексей Максимович вместе, мол, с нами, «блуждавшими философами», «сделал излучину» на прямом своем пути, Ленин «ни на одну минуту своей любви к Горькому, своей веры в него не ослабил».

Возникли и другие излучины. Послефевральское горьковское послание временщикам, в котором он уповал на то, что





# СЛУШАШ

РАССКАЗ

## 1. Рассказ студента

Закончились приемные экзамены. Этот месяц прошел для меня, как в тумане,—даже не верилось сначала, что я зачислен-таки на первый курс политехнического института.

До начала занятий оставалось целых две недели, и я заспешил в аул—после всех тревог и волнений хотелось поделиться радостью со своими стариками, побывать дома. Честно говоря, я еще и сам тогда не знал, как проведу это время.

Дня через три, когда первый восторг по поводу моего счастливого поступления в институт немного поутих, дома меня стала одолевать скука. Теперь я уже только и мечтал о той минуте, когда с новеньким портфелем в руке войду в учебную аудиторию.

Отец, видимо, заметил, что в ауле мне не сидится, и как-то раз сказал за ужином:

— Знаешь, сынок, я вижу, времени у тебя свободного достаточно, поезжай-ка ты в горы, к родителям Зайкуль. Погостишь там у сватов. Родня, она ведь только тогда и родня, пока навещаешь друг друга. Парень ты уже взрослый, пора и тебе знать своих родственников.

Сватов наших я еще в глаза не видел, но отказываться от поездки не стал—все веселее, чем дома сидеть. А тут еще Зайкуль, моя сноха, каждый божий день донимает: съездил бы, мол, к нашим, разузнал, как они там. Сестренка у нее младшая, оказывается, уехала в Алма-Ату, вот Зайкуль и не терпит узнать, поступила она или нет.

Чудная у меня сноха, в первый день, как я приехал, подходит ко мне и спрашивает:

— Ты там в городе случайно не встречал нашу Слушаш?

А даже если и встречал, как бы я ее мог узнать, если до этого ни разу не видел?

На следующий день я с одним стариком табунщиком из нашего аула поехал верхом в Каратау. Старик этот был на редкость болтливый. Ехали мы целый день, а он за все время хоть бы на минуту замолк. Какой только ерунды не наговорил мне по дороге!

Для начала старик заинтересовался, в какой институт я поступил, а когда узнал, что я буду инженером, спросил:

— Инженеры, это которые скот лечат или которые в земле копаются?

Пришлось объяснить, что я буду инженером-строителем.

— Теперь ясно, что же ты сразу так не сказал,—обрадовался табунщик и потом битый час, поглаживая бороду, толковал мне про то, что следующим летом собирается выстроить новый дом в усадьбе колхоза. Я и носом клевать начал, а он все перечисляет, сколько ему леса предстоит достать да саманных кирпичей отлить.

Наконец тема строительства была исчерпана. Я уже вздохнул про себя с облегчением, но тут старик начал мне на жизнь сетовать, дескать, стар стал, пора внуками обзаводиться, да вот беда—сын никак не женится. Он, оказывается, уже и сватал за него несколько раз, да все безуспешно.

— Я тут в округе всех девушек на примете держу. Дочка ваших сватов, разве что балованная немного, а так девушка хорошая,—сказал вдруг старик ни с того ни с сего. Я подумал, что наверняка он имел в виду Слушаш, но тогда не придал этому значения.

До джайлау, где находился аул сватов, мы добрались только к вечеру.

Хозяйка вышла навстречу. После того, как мы поздоровались, старик табунщик принял важный вид и представил меня:

— Вот, свата вашего молодого привез, принимайте!

Сватья ойкнула, всплеснула руками и принялась меня обнимать.

— Ах ты, боже мой! Что же ты, сынок, молчишь до сих пор? Ну, рассказывай, что у вас нового?

Сват тоже заулыбался и сказал:

— Как же, слышали мы про тебя. Значит, ты и есть Мейрам? Молодец, что приехал, джигиту так и положено—по гостям разъезжать.

Потом, как водится, хозяйка стала подробно расспрашивать, все ли у нас в ауле в порядке, все ли живы-здоровы, ну и про дочку свою, понятно, спросить не позабыли.

— Она там хоть вспоминает нас? Привет, говоришь, передает... Видать, соскучилась девочка,—сказал сват будто невзначай, а потом заново принялся выпрашивать про то, о чем я ему уже говорил.

И так до тех пор, пока не подали ужинать.

Сразу после ужина начали укладываться спать.

Старый табунщик попросил себе два одеяла и, сославшись на хворь, один устроился спать в юрте. Остальные расположились под открытым небом.



Рисунок  
Валерия СМЕРНОВА

Заснуть я не мог долго. Со мной всегда так бывает на новом месте. Да тут еще прохладный горный воздух, такой непривычный после душных ночей в степи, совсем разогнал сон.

Из юрты уже давно доносился храп табунщика. Я еще и одеяло на себя натянуть не успел, а он уже храпеть начал.

Хозяйка лежала под навесом, шагах в двадцати от меня, но в тишине я все равно слышал, как они переговаривались вполголоса.

— Что-то Слушаш не возвращается,—хрипло проговорил старик.

Я только теперь вспомнил про сестренку Зайкуль.

— Шофер молоковоза приезжал в обед, целый час уговаривал ее. Вечер у них там в поселке, что ли,—сказала старуха.

«Значит, уже приехала из Алма-Аты. Интересно, поступила она в институт или нет?»—подумал я и даже хотел спросить вслух, но постеснялся, ночь все-таки.

— Ох, не нравится мне этот парень,—снова послышался голос отца Слушаш.—Больно хитрые у него глаза.

— Сказали, к ночи вернутся. Привезет уж, наверное.

— Слушаш тоже хороша, нет сказать, что голова у нее болит или еще чего придумать. Будет теперь ездить ночью иззад-вперед.

— А что поделаешь, подросла девочка. Теперь и меня уже не так слушается. Стану ее ругать, так ты сам заступаешься, слова сказать не даешь.

— Ехе-е-е,—сокрушенно вздохнул старик.—И эта выросла. Растили ее, баловали, а настанет день, и сбегит наша любимица с каким-нибудь олухом. Так оно и будет, помни мои слова, старуха. Да тут еще этот старый хрыч зачастил. Неспроста он к нам навевается.

Я понял, что сват говорит о табунщике, и только теперь догадался, почему тот всю дорогу расхваливал Слушаш.

— Старуха, ты там про Зайкуль не спрашивала? Есть у нее что-нибудь на уме?—снова заговорил сват.—Первого они, конечно, нам дадут. Самим-то сначала трудно будет с младенцем.

— С ума сошел, старик! Дочка четыре месяца как замуж вышла, а ты хочешь, чтобы я спрашивала, в тягости она уже или нет.

— А кто его знает? По мне будто четыре года прошло с тех пор, как она от нас уехала, а не четыре месяца.

Мне показалось, что голос у старика дрогнул.

Утром я проснулся от голоса хозяина—сват будил дочку.

— Слушаш, а Слушаш, проснись, пора бы тебе вставать!

Надо же, когда она успела прийти? Слушаш, оказывается, тоже спала неподалеку от юрты. Видать, поздно вернулась, раз никак не хочет подниматься. Старик продолжал настаивать:

— Доченька, дома воды ни капли не осталось. Сват молодой к нам приехал, тут дел невпроворот, барашка надо успеть зарезать. Да старуха еще расхворалась не вовремя.

Сват махнул рукой и, что-то бормоча себе под нос, стал подниматься вверх по косогору.

Солнце, оказывается, уже поднялось над ущельем. Я встал и быстро оделся. Слушаш сидела одетая возле своей постели. Она увидела меня, улыбнулась и слегка кивнула головой, я заметил, что лицо у нее все еще сонное.

Из юрты, потягиваясь и кряхтя, вышел старик табунщик. Он увидел Слушаш, перестал потягиваться и заговорил елеинным голоском:

— Здорова ли ты, милочка?





километров? Хорош парень — сам от горшка два вершка, а не испугался. Ведь всякое могло случиться.

Слушаш хлопотала возле своего братишки, помогала ему раздеться. С перепугу она его ругать начала, ты что, мол, сдурил — на ночь глядя по горам лазить, зачоченел бы где-нибудь на полпути. А потом вдруг сказала жалеючи:

— Раз уж захотелось прийти, мог бы попросить Айдабека — он бы привез. Кабылбек отвернулся в сторону.

— Нашла кого просить! Да я теперь в жизни к нему в машину не сяду. Близко его к нашему дому не подпущу. Я на него собак натравлю!

Я не знал, куда себя девать. Так и сидел молчком, даже пошевелиться не посмел.

Слушаш уложила братишку под одеяла, потом хотела накормить его горячим, но он не поднялся.

— Заболел мальчишка. У него все тело горит, — сказала Слушаш, и я понял, что она испугалась за братишку.

И только тогда кое-как опомнился.

— Может, за врачом съездить? — спрашиваю.

— Не знаю... Может, и надо, — сказала Слушаш.

Кабылбек лежал лицом к стенке, он так и не повернулся ко мне. Тогда я понял, что лучше всего уйти отсюда, взял свою одежду и вышел.

Кабылбек действительно заболел, целую неделю не поднимался с постели.

С тех пор я долго не мог появиться перед Слушаш, а когда наконец приехал к ним на зимовку, старик сказал мне без всякой злобы:

— Что же ты, парень, обманул нашего мальчиша? Я-то тебя считал хорошим джигитом...

А мать Слушаш все свои обиды в лицо высказала:

— Значит, ты, дружок, ждал, пока мы на базар уедем? С добрыми намерениями так не приходят. Теперь у нашего порога тебе делать нечего! Сам виноват!

С тех пор я там больше не появлялся. А весной призвали в армию. От Слушаш у меня не было никаких вестей, а написать я ей стыдился. И потом мне почему-то всегда казалось, что попадись письмо мое Кабылбеку, он его тут же изорвет в клочки.

Когда я вернулся из армии, мне чуть ли не в первый же день сказали, что Слушаш теперь замужем. А где и за кем, я и не спрашивал. Зачем об этом знать и думать?

И вот снова встречаю Кабылбека.

Едем мы молча. Вовсе не оттого, что мне неохота разговаривать с Кабылбеком. Я бы уже давно спросил его по порядку и про Слушаш и про то, как они живут там, на джайлау. Но почему-то не знаю, как начать разговор.

А вот Кабылбек, гляжу, не очень-то стесняется: озирается по сторонам, на сиденье ерзает, а сам нет-нет да и поглядит в мою сторону.

Мы спустились в ущелье. Дорога здесь размытая, и потому машину начало трясти. Слышу, Кабылбек предупреждает: «У меня здесь бутылки в сумке». Пришлось сбавить ход.

— А где сейчас ваш аул?

— На Тастыбулаке. У нас ведь каждый год там джайлау. — Кабылбек придвинулся поближе ко мне.

— Я, дяденька, из магазина возвращаюсь. К нам Слушаш в гости приехала и жезде\* тоже.

Мне показалось, что Кабылбек чуть ли не гордится, что жезде к нему в гости приехал.

— Это они первый раз приезжают. Отец барана зарезал. А меня послал за продуктами в магазин и еще сказал, чтобы я там в поселке всю родню оповестил.

— И что же ты, пешком в поселок ходил?

— Нет, меня шофер, который гостей привез, подбросил.

Глаза у Кабылбека засияли, когда он начал мне про гостей рассказывать, видно, и в самом деле он им рад.

— Вы, наверное, еще не знаете моего жезде? Его зовут Куандык, он в соседнем колхозе трактористом работает.

— Наверное, хороший парень? — спрашиваю у него так, лишь бы молча не сидеть.

— Хороший, я его люблю. А до чего же было интересно, когда Слушаш за него замуж убежала! Родители тогда целыми днями плакали. Отец в первый день забросил все и даже отару не погнал на выпас. Так и бродили овцы возле аула. А я и не думал плакать.

— Почему?

— А зачем плакать? Я ведь давно знал, что Слушаш выйдет за Куандык. И в ту ночь, когда она убежала из дому со своим чемоданчиком, я не спал, все видел. И видел, что она в тот день собирала вещи, и нарочно не спал.

У меня от этих рассказов все внутри гореть начало. Наверное, это и есть ревность. Чувствую, что начинаю ненавидеть этого сопляка. Так, будто в жизни у меня не было другого такого врага. Захотелось даже остановить машину и выгнать этого щенка. Кое-как сдержался. А мальчишка все про своего жезде треплется:

— Мне лично Куандык с первого дня понравился. А видели бы вы, как мама возмущалась! За тракториста вонючего, говорит, выскочила, негодница! Да я ей все космы повытаскаю! А отец ее успокаивает: «Ну, что ты говоришь, старая. Если и пахнет от него керосином, так то ж одежда. Не с рождения же его в керосине купали».

Зимой Куандык два раза нам сено привозил на тракторе. Отец все радовался. «Как хорошо, — говорит, — зятя-тракториста иметь!»

Потом и мама успокоилась.

А сейчас они его больше, чем меня, любят.

Скоро Кабылбек стал собираться — взял сумку за ручки и отодвинулся, чтобы сподручнее было вылезать. Потом посмотрел на меня и спрашивает: «Может, заедем к нам?» Я покачал головой: нет, мол.

Кабылбек не настаивал.

Когда я остановил машину, мальчик сначала сам спрыгнул на землю, потом двумя руками осторожно спустил сумку.

— Спасибо, ага!

Я через силу улыбнулся и кивнул ему на прощание. Кабылбек взял сумку, а потом вдруг обернулся ко мне:

— Ага, сказать Слушаш, что я вас видел?

Гляжу на него — вроде не смеется, не издевается, серьезно спрашивает.

— Как хочешь, Кабылбек...

Мальчик улыбнулся и зашагал со своей сумкой к аулу.

Я долго смотрел ему вслед, и в ту минуту он показался мне взрослым парнем.

Перевод с казахского Ерлана САТЫБАЛДИЕВА.

## ЭВМ В СПОРТИВНОЙ ФОРМЕ

Начало на 4-й стр.

дования не только для спортсменов. Но именно профессор Зациорский в шестьдесят седьмом году произвел сенсацию в изобретательском мире, получив авторское свидетельство на... способ тренировки. Он предложил планировать не нагрузку, а ответную степень физиологических реакций. Появились на свет специальные устройства, названные кардиолидерами. Если частота пульса у спортсмена отличается от заданной прибору, раздается звуковой сигнал. Тогда надо остановиться и откорректировать свои движения.

Помимо спорта, кардиолидеры нашли уже широкое применение в восстановительных тренировках после инфаркта миокарда. Сейчас многие спортсмены раньше времени уходят из спорта, уходят главным образом из-за постепенно накапливающихся микротравм. Но «спортивный век» человека можно значительно продлить, если создать научно обоснованную методику тренировки отдельных групп мышц.

Зациорский долго наблюдал за тренировкой молодых спортсменов, не вмешиваясь в действия тренеров. Потом улыбнулся: «Когда я после некоторого перерыва снова пришел в спортзал, кое-чему научившись в лаборатории профессора А. А. Тер-Ованесяна, то чуть ли не отталкивал тренеров, показывая спортсменам, как надо делать то или иное упражнение. Но со временем самонадеянность становится меньше. Движение человека до сих пор таит много загадок. Идет процесс накопления знаний о нем. От Авиценны, через трактат Бальзака о человеческой походке к Дарвину, Павлову...

Двадцать с лишним лет назад, оказавшись четвертым на первенстве страны по акробатике, мастер спорта Владимир Зациорский задумался над несправедливостью природы, выделяющей избранных, и над поисками оптимума. Чтобы достичь совершенства движений, он даже подумывал уйти в цирк. Но три курса механико-математического факультета, предшествовавшие институту физкультуры, направили его на иной путь.

Молодой профессор первый раз привлек к себе внимание десять с лишним лет назад, опубликовав монографию «Физические качества спортсмена (основы теории и методики воспитания)». Через три года выходит «Кибернетика, математика, спорт». Сейчас обе книги переведены на многие европейские языки.

Приглашенный в качестве почетного гостя на симпозиум биомехаников США, созданный Пенсильванским университетом, Владимир Михайлович познакомился там с Мелвином Ремеем, талантливым молодым ученым из Калифорнии, который произвел любопытные расчеты «сальто вперед» при прыжках в длину. Незадолго до этого симпозиума подобное сальто начал делать

один шведский спортсмен. Прыгал он плохо, и аспирант Зациорского Игорь Тер-Ованесян опубликовал критическую статью об этом способе прыжков.

Но вот американец показал Владимиру Михайловичу расчеты, докazyвавшие, правда, в общих чертах, перспективность нового приема... Тогда профессор с аспирантом решили повнимательней изучить прием, провели серию экспериментов, тщательно выверяя эпизод за эпизодом оригинальный спортивный сюжет. И вскоре сальто стал прыгать ученик Тер-Ованесяна Алексей Переверзев, на очередном зимнем первенстве страны показавший неплохие результаты. Исследователей интересовало, насколько больший момент силы требуется, чтоб перевернуться в воздухе. По расчетам получалось, что если человек может прыгнуть старым способом на восемь метров двадцать сантиметров, то сальто прибавит ему по крайней мере тридцать сантиметров. Правда, практикой эту формулу спортсмены еще не подтвердили.

Стали снимать прыгуна, рассчитывать силы и скорости... Исследования вооружили спортсменов и тренеров новейшими методиками тренировок. Зациорский как-то пошутил, что если двадцать лет назад тренер был знахарем, то нынешний тренер — врач. Но исследования кафедры биомеханики Центрального института физкультуры важны не только для спортсменов. В его лаборатории обращаются за помощью инженеры, занимающиеся созданием манипуляторов, врачи, математики, физики... Совершенствование всевозможных автоматов сейчас, когда усилилось внимание к условиям труда человека, приобретает особую важность. Есть опасные среды, куда человека не пошлешь, есть операции, несложные по механике, но постепенно отупляющие исполнителя и не обеспечивающие качества работы. Все нынешние механические системы, на которых воспроизводится движение человека, имеют очень небольшое число степеней свободы. Даже такая великолепная вещь, как протез с биоэлектрическим управлением.

Один из участков большого «белого пятна» и освоил Алешинский, ставший кандидатом физико-математических наук на «физкультурной тематике». Он создал математическую модель, на основе которой можно рассматривать произвольные движения человека.

Сейчас у Владимира Михайловича Зациорского счастливый период, когда по крайней мере половину его аспирантов надо не подгонять, а скорее сдерживать. У каждого накопился запас собственных идей и расчетов. И есть почти безграничная вера в своего руководителя, который, как они шутят, уже сейчас знает, какие именно ошибки будут у аспиранта в первой главе диссертации.

...Вот Алешинский в очередной раз вставил ленты с программой в считывающее устройство ЭВМ. Оно «переварило» задание, и самописец принялся рисовать. На бумажной ленте появились различные стадии прыжка в длину. Инструкция спортсмену готова.

Можно прыгать.

\* Жезде — муж сестры.

...Мы будем работать,  
чтобы вытравить  
проклятое правило:  
«каждый за себя,  
один бог за всех»...  
Мы будем работать,  
чтобы внедрить  
в сознание, в привычку,  
в повседневный  
обиход масс правило:  
«все за одного  
и один за всех».

В. И. ЛЕНИН



## СМЕНА

Коллективный  
критический анализ:  
работа в тягость, работа в радость

Слово и дело. Образ мыслей и образ жизни, действия... Коллективный читательский анализ проблемы «Работа в тягость, работа в радость» из одиночных выступлений в журнале (№№ 17, 18, 21 за 1979 г.) вылился в серьезную дискуссию в последующих номерах. Заинтересованно, с привлечением широкого жизненного материала высказывают свою точку зрения на важнейшие вопросы времени — **качество нашей работы и активность гражданской позиции каждого** — молодые производственники из Омска, Хабаровского края, Коломны и опытные наставники из Ташкента, Владивостока, комсомольские работники из Горького, Белгорода, Днепропетровска, журналисты Москвы, Челябинска, Ленинграда... Направляя этот, уже можно сказать, состоявшийся разговор на страницах «Смены», редакция в нынешнем, завершающем году пятилетки, являющемся годом ленинского юбилея, годом подготовки к XXVI съезду КПСС, заострила внимание на таких темах: **«Совесть как категория экономическая» и «Новичок: проблемы, требующие решений»** («Смена» №№ 1, 3). Они, смыкаясь в ряде компонентов, требуют, на наш взгляд, своего продолжения в теме нынешнего номера — **«Бригада как образ жизни»**, теме, позволяющей рассматривать процесс становления и развития личности молодого рабочего в условиях перехода на бригадный подряд.

Мы вновь приглашаем читателей к откровенному, предметному обмену мнениями, опытом, ибо в плодотворности такого обмена — залог успешной работы на конечных рубежах десятой пятилетки.



## ОДНА ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

После того, как проведут экскурсию по предприятию, расскажут о его трудовых традициях, под оркестр посвятят в рабочие, — после всего этого завод еще не станет новичку родным. И плохо, если окажется, что посвящение было первым и последним «мероприятием» комитета комсомола и профкома для молодых рабочих.

Но пусть будет так: у новичка появится шеф — опытный наставник. Он многое даст, во многом поможет, однако он не в силах заменить тех радостей, которые может дать трудовой коллектив — прежде всего коллектив единомышленников, сверстников. Вот почему мне кажется, **надо переходить на коллективное шефство комсомольско-молодежных бригад над новичками.**

Мне вспомнилась комсомольско-молодежная бригада слесарей-инструментальщиков с завода низковольтной аппаратуры из города Дивногорска Красноярского края. И вспомнилась потому, что в бригаде есть добрая традиция: берет она к себе ребят-призывников и до ухода их в армию успевает подучить профессии, а главное — помочь пройти стадию адаптации. В армию провожают всей бригадой, напутствуют, ждут возвращения.

Комсорг В. Атрашкевич всегда помнил о том, что члены бригады В. Стальмах, Г. Кудрявцев — также и члены комсомольской группы. С ними велась переписка, за них выполнялась норма. Ребята вернулись на завод, выросли как специалисты, сейчас они имеют 4—5-й разряды. В Стальмах закончил машиностроительный техникум. У него и у Г. Кудрявцева появились семьи. Оба молодых рабочих утверждают, что их сделала людьми бригада.

Вера ПЕНЗИК,  
слушатель ВКШ

# БРИГАДА

ЗНАНИЯ, ОПЫТ —  
НОВИЧКАМ.



**Важнейшая задача комсомольских организаций изыскивать и приводить в действие наиболее эффективные средства, формы и методы достижения каждым молодым тружеником, комсомольско-молодежным коллективом высоких конечных результатов.**

Из постановления VI пленума ЦК ВЛКСМ

**Зиновий МАЛКИН,**  
кавалер орденов Ленина и  
Трудового Красного Знамени,  
заслуженный строитель РСФСР,  
председатель районного совета  
наставников, бетонщик СУ-1  
«Главладивостокстрой»

## ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДИСЦИПЛИНЫ

**К**огда наша бригада первой в главке перешла на бригадный подряд, мне здорово помогло то, что в свое время, еще до войны, я закончил бухгалтерские курсы и свободно ориентировался в нарядах, расчетах, финансовых делах. Вначале — это было в Комсомольске-на-Амуре — работал арматурщиком. В 1962 году переехал во Владивосток. Был уже бригадирский опыт, но на новом месте, где меня еще никто не знал, начинать пришлось все заново.

Начал я с того, что пригласил в бригаду новых людей — плотников, бетонщиков, сварщиков. Этим «убивал двух зайцев»: во-первых, подбирая единомышленников; во-вторых, мог создать комплексную бригаду, чтобы заниматься не только однообразной арматурной работой, а брать полностью весь нулевой цикл строительства. «Старичков» на правах бригадира обучал смежным профессиям сам. Всемером мы больше по мелким объектам работали; когда бригада стала комплексной, поручили нам первое большое дело — строить фундамент крупной котельной во Владивостоке. Это я считаю точкой отсчета новой биографии бригады.

При нашей специфике подземных работ есть одно необходимое условие — абсолютная честность. Скажем, если допущена ошибка при строительстве самого здания, то это видно невооруженным глазом. А у нас работы скрытые; все проконтролировать не всегда возможно, поэтому халтура вдвойне опасна.

Конечно, ошибиться может каждый. Но хуже, если он не найдет мужества признаться в этом, подумает: «И так сойдет». Работая в одиночку, он единолично и отвечал бы за халтуру. В бригаде безответственность одного ложится на всех — и в моральном и в материальном смысле. Не скажут, что плохо сработал один, скажут, что плохая бригада.

За низкую оценку объекта премии срежут также всем... Вот почему честность, хорошую моральную атмосферу в бригаде я считаю таким же необходимым условием, как и профессиональные знания. Каждый должен полностью доверять товарищу.

Бригада как коллектив рождалась трудно: традиций еще никаких не было, люди еще как следует не притерлись друг к другу, дисциплина прихрамывала. Начиная бригадирствовать, я прежде всего повел жесточайшую борьбу против пьянства. Объявил всем: малейший запах — отстраняю от работы, записываю прогул.

Доказывать свое приходилось порой нелегко, кое-кто мое предупреждение всерьез не принял: мол, погугает бригадир и забудет. Один случай решил все...

Заметил я как-то трех ребят, возвращавшихся с обеда; насторожило то, что, увидев меня, они вдруг спрятались за кран. Что же, стою, жду. Наконец, не выдержали, вылезли из своего «убежища». Я принял их и говорю: «Переодевайтесь — и по домам» (в таких случаях долгих разговоров не веду, разговор будет на следующий день). Двое без слов отправились в бытовку, а третий, Витя, «завелся»:

— Да ты что, бригадир, я ж вполне в норме!  
— Завтра поговорим, — отвечаю.

Витя оглянулся, поднял с земли кувалду:

— Уходить, значит?

— Хоть убей, — говорю, — а до работы не допущу.

Кувалду он все-таки кинул. В сторону. Сил-то у него было много, а вот выдержки оказалось меньше... А мне очень важно было дать понять Вите да и всей бригаде, что компромиссов в отношении между людьми не признаю.

Вторая трудность, с которой я столкнулся, — это то, что сейчас называют адаптацией

новичка в коллективе. Да будь наставник хоть семи пядей во лбу, в одиночку, без помощи всей бригады он бессилён сделать так, чтобы этот процесс прошел быстро и безболезненно для новичка. Попробую пояснить.

Однажды не вышел на работу новичок Миша. День его нет, другой. Мог, конечно, и заболеть, но на всякий случай решил съездить к нему домой. Жил он далеко, за городом, и я отправился с первой электричкой. Миша еще спал, когда я вошел в комнату, и, помню, страшно удивился, проснувшись. Никакой болезни и в помине не оказалось. Просто я, видимо, не учел, что характер у него обидчивый, до крайности самолюбивый. Внимания-то я ему уделял много, но прозевал тот момент, как кто-то под горячую руку обругал Мишу. И вот — реакция... Вся моя с ним педагогическая деятельность пошла насмарку... Вот тогда я еще раз остро почувствовал, как много зависит от микроклимата в коллективе.

На работу мы приехали вместе. В тот же день я собрал отдельно одних «старичков» и договорился: откуда бы ни пришел новичок, какой бы он ни был — ни одного худого слова в глаза и за глаза. Ошибки, конечно, будем исправлять, но только тактично, не ущемляя достоинства.

...Неожиданно возникла еще проблема: бригада и семья одного из рабочих стали непримиримыми противниками.

Когда я взял в бригаду 16-летнего Володю Г., то он сначала мне казался парнем, как говорят, без проблем. Претензий к нему никаких не возникало, но вскоре меня начало смущать одно: интуитивно стало казаться, будто Володю что-то гнетет.

Придя к нему домой в первый раз, я застал там развеселую вечеринку. Я не ханжа, но когда увидел то же самое и во второй и в третий приход, то понял, что спасать Володю

нужно прежде всего от семьи, потому что и он начал втягиваться в чуть ли не ежедневные застолья. На работе, в бригаде — один человек: исполнительный, добросовестный, неплохой товарищ. А дома... В бригаде мы его старались не ругать, не ранить самолюбие; я только осторожно напоминал ему, что он в ответе за младших братьев. Но когда старший его брат забрал детей к себе и Володя остался вдвоем с отцом, я временами готов был признаться в своем полном бессилии. Помните, что речь шла уже не только о судьбе одного человека, но и о том, достаточно ли сильна духом наша бригада, чтобы его отстоять. Дважды мы терпели поражение: Володя уходил из бригады, даже уезжал из Владивостока. Но в третий раз он вернулся уже навсегда. Значит, правда оказалась на стороне бригады, мы были сильнее.

Плохо, когда люди в бригаде связаны только работой: закончился день — и до свидания. Я ведь рассказывал не о таком уж исключительном случае. Разве не бывает, что в бригаде человеку стараются внушить одни представления о чести, порядочности, а дома он видит совсем другие нормы жизни? А иногда из-за этого человек начинает применяться к обстановке, лицемерить: внешне принимать образ жизни бригады, внутренне посмеиваться над ним.

У нас в бригаде семьи новых рабочих быстро становятся как бы «нештатными» членами коллектива. Вот только одна из традиций: каждый год в День строителя мы заказываем автобус, берем палатки и выезжаем в лес, на реку. Вместе с женами, детьми. Часто бывает, что в неофициальной обстановке человек раскрывается как-то по-новому, а дружеский вечерний разговор у костра теснее сближает людей, чем какие-либо педагогические беседы. Нет, я в это время не приглядываюсь специально к людям; забываю о том,

# КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

что являюсь наставником молодежи, не думаю о нравственном воспитании. Просто отдыхаю и веселюсь вместе со всеми...

Уже много лет мы работаем на один наряд. Эта форма давно всеми одобрена. Но возникает сложность, о которой часто забывают: конфликты, возникающие с новичками в бригаде. Поначалу, когда коллектив еще не сдружился, и у нас такое бывало. Не секрет, что новичок, пусть он даже выпускник ПТУ, свой разряд не всегда сразу оправдывает: навыка еще не хватает. Коэффициент трудового участия полностью проблемы не решает, во всяком случае, в строительстве. Ну, и начинаются разговоры: дескать, за чужой счет живет. Каково это услышать подростку, нетрудно понять. Стерпеть? Или сразу уйти из бригады?

А мог ли я, предположим, дать команду прекратить подобные разговоры? Нет, конечно. Потому что ни приказы, ни призывы к сознательности не помогут — убеждать надо не словами, а делом. Как же сделать, чтоб никто из членов бригады не чувствовал себя обиженым, обделенным? Как защитить права новичка и в то же время кадровых рабочих достойно поощрять?

До 40 процентов зарплаты у строителей составляют различного рода премии. Вот эти-то проценты постепенно перешли как бы в мое распоряжение.

Спросит: а правильно ли это? Убежден, что правильно, при одном обязательном условии: право на единоличное решение в таком деликатном вопросе надо завоевать. Иначе, кроме обид и конфликтов, ничего не получится. Поэтому я не старался сразу же навязать коллективу свою волю. Шел к этому постепенно.

Где-то до семидесятого года вопрос о распределении премий решали советом бригады. Но будем откровенны: у каждого члена совета свои симпатии и антипатии в бригаде, и это невольно влияет на решение. По-человечески можно понять: кому-то неловко голосовать за наказание товарища, у другого — иные причины. К тому же бригада обычно раскидана по нескольким объектам, и не все знают, как работают люди в других звеньях. Но ведь и у меня, у бригадира, могут быть личные пристрастия? Нет, не могут — не имею права на это. Но мне еще предстояло доказать бригаде свою полную объективность. Дело это непростое, поэтому и заняло не один год.

Я завел такой порядок: в начале каждого месяца собирал всю бригаду, зачитывал таблицу — кто как работал в прошлый месяц. Объявлял все невыгоды на работу, нарушения техники безопасности и так далее. И для себя установил строгие правила, отчитывался перед бригадой во всем: например, если часть рабочего дня присутствовал на каком-либо совещании, то приносил об этом справку.

Полная честность в отношениях, подробная информация обо всем происходящем в коллективе, отсутствие компромиссов и поблажек кому бы то ни было — и ребята дали мне право на единоличное решение: «Давай команду сам». Это, я считаю, не столько заслуга бригадира, сколько доказательство зрелости бригады, которая не боится доверить своему товарищу такое право. Но если бригадир не оправдает доверия, начнет вести какую-то двойную игру — рабочие могут его и наказать, проголосовав против. Дело в том, что в начале каждого года мы проводим бригадное собрание. В протоколе собрания два пункта. Первый — наши обязательства. А во втором записывается, что коллектив поручает бригадиру вести все работы, заключать договоры на подряд; бригада доверяет бригадиру распределять все виды премий в соответствии с разрядами и разрешает удерживать до 100 процентов премии за нарушения трудовой, технологической дисциплины. Протокол действителен, когда под ним стоят подписи всех членов бригады. Слишком жесткие правила? Я могу сказать одно: от нас ушел только один человек, недовольный такими правилами. И больше у нас не было ни конфликтов, ни разговоров о том, что кто-то получает не по заслугам. К новичкам-первогодкам мы договорились предъявлять требования несколько мягче.

За время моего бригадирства через бригаду прошло 64 новичка. Какой-либо системы, обязательных правил в приеме новых людей я не выработывал. Как принимаю новичков? Да, в

общем, ничего особо примечательного. Познакомлюсь, покажу альбом «Путь бригады» — есть у нас такой альбом, местные журналисты помогли оформить. Что еще? В первые же годы становления бригады поставил условие руководству управления: все перемещения людей по объектам возможны только с санкции бригадира.

В первые дни, я знаю, принято закреплять наставника за учеником (или наоборот, ученика — за наставником). В нашей бригаде так не делается, потому что как можно одного человека закрепить за другим? Простая житейская вещь: а если ученику не по душе его будущий наставник? Можно ли в таком случае навязывать ему учителя? Я думаю, искусство настоящего наставника в умении так подобрать ключи к душе молодого парня, чтобы он сам к тебе подошел. Подошел посоветоваться даже не по рабочему, а по личному вопросу. Вот тогда ты можешь назвать себя наставником. Но ученику совсем не обязательно знать, что ты являешься наставником... Уточню, что это не касается обучения профессии. В смысле профессионального обучения и я могу сказать новичку: «Вот, такой-то рабочий покажет тебе, как обращаться с вибратором». Но наставником в полном смысле слова я его не назову. Наставника ученик должен выбрать в бригаде сам. А мы ему в этом, конечно, обязаны помочь. Если же свести все к передаче профессиональных приемов, то получится не наставничество, а обыкновенное обучение.

Год назад меня выбрали председателем стройкома стройуправления. Посмотрел я список наставников — 23 человека записано. Но я-то всех людей хорошо знаю и вижу, что в этот список даже любители спиртного попали! А настоящих, истинных наставников — от силы человек шесть. Спрашиваю: как же так можно?! Да вот, оправдываются в стройкоме, «сверху» список наставников потребовали...

Надо сразу договориться, что нам нужно: наставники или список наставников?

...Не так давно я передал бригаду, которой руководил с 1962 года, своему же ученику Славе Диденко. Дело прошлое, но когда лет тринадцать назад Слава появился в нашей бригаде, несладко нам с ним пришлось. В основном из-за характера его — вспыльчивого, резкого. Я тогда еще подумал, как бы не развалил мне Слава бригаду. Чувствовал, что этот парень из тех людей, кого называют неофициальными лидерами. Только куда этот «лидер» поведет — еще вопрос...

Но я отдаю должное: с моей ли помощью, нет ли, Слава нашел в себе силы справиться с характером, твердо стать на ноги, завоевать настоящий авторитет. Сейчас он депутат крайсовета, наставник молодежи. Почему я решил передать ему бригаду? Ну, возраст уже пенсионный, надо давать дорогу молодежи, и Славу я давно исподволь к бригадирству готовил. Кроме того, когда избрали председателем стройкома стройуправления, попросили заняться подготовкой наставников и в других бригадах. В своем же коллективе я остался кем-то вроде помощника-консультанта. Помогаю Славе, работаю с молодежью.

...Что же такое бригада? Группа людей одной профессии? Нет, нам мало того, что мы вместе строим тот или иной объект. Обыкновенные шабашники тоже работают сообща, но их и наши цели, заботы — разные. Мы сознательно берем на себя то, что не записано ни в каких производственных планах: возьмемся с трудным подростком; принимаем на выучку новичков; помогаем товарищу найти свое место в жизни; добиваемся передовых методов организации труда... Зачем нам все эти «лишние» хлопоты? Очень просто: хотим быть хозяевами своей жизни, не холодными ремесленниками.

Не об этом ли и строки нашей новой Конституции, где говорится о трудовых коллективах? Читаю их и думаю о всем пути нашей бригады, о том, как шли мы к тому, что теперь записано в Основном Законе. Давайте вспомним еще раз: «Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации».

## Михаил ФОНОТОВ

Андрей рассказывал мне о морских приключениях, а я вдруг подумал о... заводской бригаде.

Летом, собрав «бригаду» добровольцев, Андрей Ильичев плавал на самодельных плотах по Каспийскому морю.

— И знаете, что в нашем путешествии было самым неожиданным? Мы сами. Наше поведение. Наша психология...

Был такой случай. Сильно штормило. Андрей стоял на вахте. Двое, укравшись полиэтиленовой пленкой, спали. Гудело ночное море. Плот взмывал вверх, падал, вновь набирал высоту, и волны одна за другой с неотвратимой ритмичностью окатывали «палубу». Несмотря ни на что, хотелось спать.

Андрей мог смениться, но не сменился. Сначала подумал: часок еще подежурю. Потом как-то втянулся: где час, там и два. И остался у руля до утра.

Утром ребята встали, сразу кто чем занялись. Андрей был возбужден, но вдруг настроение у него упало. Они ничего не заметили! Как будто ровным счетом ничего не произошло. Он всю ночь промаялся вместо них — и все как будто в порядке вещей. Никакого намека хотя бы на то, что замечено, не говоря о благодарности.

Благодарности? Это слово раздражало еще больше. Разве он рассчитывал на благодарность? И все-таки было какое-то смутное ощущение, будто ребята перед ним... нет, не в долгу, а он их благородно прощает за что-то...

В своих чувствах Андрей разобрался уже на берегу, а разобравшись, очень удивился сам себе. Чему же верить — чувству, которое требовало благодарности, или сознанию, которое на спасибо не рассчитывало?

А я подумал: вот тебе и КТУ, коэффициент трудового участия! Даже добровольная вахта, оказывается, может создать конфликтную ситуацию. А если в цехе кто лишний раз перекурит? Все конфликты отсюда — от того, как делить и учить работать. Вообще. И в частности — в бригаде, имеющей один наряд на всех.

Мы часто сетуем на то, что наше «трудовое участие» не замечено и не отмечено. Женщины клянут кухню с ее неблагодарными хлопотами. Мужчины тоже в обиде: вкальваешь вкальваешь, и никто даже спасибо не скажет.

А как хотелось бы? Поставить над каждым учетчика, чтобы костышками отстукивал: забил гвоздь — зафиксировано, перетащил доску — учтено? Не так ли?

Нет, не так. Учетчик нам не понравится.

Как же иначе?

**Бригадир Виктор Зорин:**

— Попался и нам как-то один из тех самых, которые ни себе, ни другим. За простачком нас принял. Один раз приходится с похмелья, второй раз является того хуже — что-то сказать хочет, а язык не слушается. Настроился, видимо, на то, что мы с ним долго возиться будем. А мы как-то собрались тихонько и говорим ему: пора, мол, заявление писать. Глядит, делать нечего — садится, пишет. Как дошел до даты, мы останавливаем: дату мы сами поставим, как только придешь еще раз тепленький.

А иначе нельзя. Тут педагогика известная — строгость.

На субботнике вы не сразу взялись за лопату, хотя некоторые уже усердно работали. Вы шутили, остряли, кого-то подначивали, нарочито долго высчитывали объем работы, намечали сроки.

Вас никто не понуждал, кажется, никто и не замечал, что вы уже полчаса балагурите, но сами-то вы вдруг почувствовали некоторую неловкость: лентяем, может быть, в глаза и не назовут, а про себя подумать могут. Вы берете лопату, втягиваетесь в работу, увлекаетесь — пот на лбу. Многие уже отдыхают, а вы вовсю орудуете. Впрочем, стол, хватит, пусть ваше усердие не выглядит вызовом — вы тормозите, чтобы «не показывать себя»: во, мол, какой работяга...

В бригаде людей связывают силовые линии, которые чувствует каждый нормальный человек. Какие-то импульсы дают вам безошибочно понять, довольна бригада вами или нет. (Если, конечно, вы нормальный человек. Встречаются и такие, у которых не развита эта способность к чтению мыслей на расстоянии, эта телепатическая чувствительность. Это и есть лентяи.)

Без всяких там учетчиков, счетчиков, датчиков бригада прекрасно знает меру труда каждого. Она не мелочится и коэффициентом занудливо не грозит. Ей безразлично даже, сколько. Ей важнее всего одно: сделал, сколько мог. По способности.

**Бригадир Виктор Зорин:**

— Нет, не каждое лыко в строку. Бывает, пришел парень на смену кислый, вялый. Работает не так быстро, как всегда. Помалкивает.

# СИТУАЦИИ

А мы ничего. С упреками-намекми не подступаемся, как судья на ринге, не отсчитываем секунды, нотаций не читаем, не лезем с расспросами. Виду не подаем.

Зато знаем, что и тот усек: бригада простила. Поняла. На первый раз. Может простить и дважды и трижды. Но однажды выдать за все. До того лучше не доводить. Авансы лучше сразу возвращать. Да и как иначе — стыдно же...

Есть у нас деталь сложная, дорогая. Двадцать две резьбы надо нарезать. Не дай бог запороть такую деталь. А запороть недолго. Поэтому у нас принято так. Приходит парень, признается: сегодня не могу. И мы понимаем: если нервы сдают или вообще самочувствие неважное, лучше за эту деталь не браться — испортишь, как пить дать. Лучше откажись.

Мы знаем ударные бригады. Магнитка помнит бригаду энтузиастов Евгения Майкова. Отработав смену, ребята шли на прорывы. Ночь с 1 на 2 октября. «Вставай!» «Что случилось?» «Быстро вставай! Прорвало плотину». Майков спрыгнул в воду, оглядел пробоину. Вода хлестала. Застучал барабан бетономешалки. Работали по колено в студеной жиже. Вздыхались над головами кирки и лопаты. Три часа без передышки. Под утро вода смирилась...

Такой был КТУ...

Мы знаем бригады фронтовые. Бригадир известной в годы войны бригады Егор Прокофьевич Агарков, когда речь зашла о едином наряде, вспомнил такой случай. Бригаде поручили сварку башен для танков. Чтобы получилась башня, надо сварить восемь швов вокруг. Старались очень, но, хоть плачь, башни выходили перекошенными. А в бригаде худенькие девушки, недосыпали. Ночью особенно трудно работало — сон с ног валил. Бригадир тогда вскакивает и бодро предлагает: давайте-ка варить не по очереди, а сразу все восемь швов. Навалились вместе, дело пошло веселей, сон разог-



нало. Перекосов не стало. Вот что значит взяться вместе, всей бригадой.

#### Бригадир Виктор Зорин:

— Характерный случай. Новичок в бригаде. Проходит месяц, второй, стал я замечать, что он всегда один, с ребятами близко не сходит. Что-то не так. Спрашиваю у него: почему ни с кем не разговариваешь? Не подпускают, отвечает. У ребят интересуюсь, почему парня не принимают. А те мнут.

Выясню, однако, что не понравилось. Оказывается, новичок с первых дней к расценкам стал интерес проявлять особый. Сколько стоит эта деталь, сколько стоит та... Потом узнали мы, что тетрадку даже завел — записывал все, что сделал. А в конце месяца бабки подбил, подсчитал «свой» заработок. И с претензией: почему он получил меньше?..

Знакомое дело. Такому кажется, что один, не в бригаде, он заработал бы больше. А возьми любого из наших асов — Криволапова, Куркина, Ущенина, кого угодно, — им ничего такого не кажется. Выделяться из бригады они не собираются. Уж они-то, возможно, могли бы поднажать на лишние полсотни рубликов. А не хотят. Им хорошо известно, что получится, если взять и распустить бригаду. Тут начнется! Опять, как бывало, хватать выгодную работу. Один ухитрится прятать заготовки, другой резцы в

года записал в своем дневнике: «Вчера думал: иду по деревне и смотрю — копают разные мужики. Каждый для себя картофельную яму, и каждый для себя кроет, и многое другое подобное. Сколько лишней работы! Что если бы все это делать вместе и делить. Казалось бы, не трудно: пчелы и муравьи, бобры делают то же. А очень трудно».

**Делать вместе и делить — это и есть единый наряд. Трудно? Трудно. Что именно?**

Вы помните: трем строителям Шартрского собора задали один и тот же вопрос: что ты делаешь? Один ответил: «Дроблю камень». Второй сказал: «Кладу стену». А третий объяснил: «Мы строим дворец».

#### Бригадир Виктор Зорин:

— А мы делаем телеги. Завод наш называется так: Челябинский машиностроительный завод автотракторных прицепов. «Телеги» наши всякие — есть десятитонные, есть трехсоттонные.

Одному не сделать и обыкновенной телеги. А наши прицепы и бригаде не под силу. Так что мы для них делаем только узлы. Однако когда нас спрашивают, что мы выпускаем, говорим: прицепы. Очень, кстати, нужные на селе и в городе.

Я уселся в низкое кресло. Парень закрыл ставни, обитые рейками,

Я открыл ставни. За окном стояли вереницы тракторных прицепов, а дальше возвышался корпус, в котором работала бригада Виктора Зорина. Сизая дымка пролета, чесночный запах сварки, ряды станков, пестрая стружка, звон, стук, скрежет металла...

В этой комнатке, тщательно отгороженной от индустриального пейзажа, конечно, лучше, чем там, в цехе. Хорошо тут отдохнуть. Пусть всего четверть часа. В маленькой комнате среди огромных заводских корпусов...

#### Бригадир Виктор Зорин:

— Что на нервы действует? Если станок не слушается. Если инструмент негодный. Если заготовок нет. Снабжение, словом.

И еще авралы. Скажу откровенно, если мне сказали: надо выйти на прорыв, обстановка, мол, такая, другого выхода нет, — мы выходим, не сказав ни слова. И работаем без скидок. Даже приятно, что так благородно и бескорыстно помогли заводу. Если срывы раз в месяц или в квартал. Но когда на прорыв зовут каждую неделю, тут уж, извините, отношение к ним совсем другое. Люди начинают нервничать. И никакой психологической разгрузкой их не успокоить.

Вы знаете, что такое социогрмма? Оказывается, взаимоотношения в бригаде можно изобразить в виде чертежа. Появилась, говорят, социометри-



если знаешь, что всегда можешь опереться на ее плечо, и сам становишься сильнее, увереннее в себе. Заболел я в прошлом году. В больницу положили с запущенным аппендицитом. Как только опасность миновала, стал я о заводе думать. Койка моя у окна стояла. Вставать мне не разрешали, но только повернусь к окну — кто-то из ребят стоит, рукой машет, что-то говорит. Врач назначил мне кефир — бутылками завалили. Каждый день приходили. Все новости знал. Скучать не давали...

Дружба в бригаде — понятие скорее экономическое, чем психологическое. Даже самый тонкий подбор характеров и темпераментов, самое тщательное изучение их на предмет психологической совместимости дружбы не дают, если каждый работает на свой наряд. Если же у бригады один наряд, ей никакой иной и быть нельзя, кроме как дружной. Под дружбу у нее подведена, так сказать, экономическая база. Ее объединяет единый наряд.

И в то же время такая бригада очень чувствительна к сквозничку психологической несовместимости. Нельзя считать, что все сделает единый наряд. Импульс отбора, данный нарядом, следует принять. Потребуются деликатная работа: лепить коллектив.

Душевный комфорт в бригаде — вещь, как утверждают, прибыльная. Но согласитесь, он и без того ценится нами высоко. Сам по себе.

# И ГДЕ НЕТ ПОСТОРОННИХ

*Высказываются суждения, что, когда мы организуем труд на основе бригадного подряда, у нас, дескать, стирается личность передового рабочего, нет маяков, труд которых мог бы служить ориентиром. Представляется, что такое противопоставление бригады и личности не только не обоснованно, а и в принципе неверно. Наоборот, новая форма организации труда как раз способствует развитию нравственных качеств личности. Именно в бригадах, перешедших на такой метод, исчезают замки с индивидуальных тумбочек, дается оценка каждому по труду, создается такая атмосфера, при которой человек чувствует тесную связь своих личных интересов с делами своего коллектива и поэтому проявляет большую трудовую и общественную активность.*

Жан ТОЩЕНКО,  
доктор философских наук, руководитель кафедры  
Академии общественных наук при ЦК КПСС

кармане будет носить — от глаз подальше. Наточат горы деталей, которые стоят подороже, а остальные никого не заставишь точить. Каждый замкнется в своем мирке, отгородится, каждый подозрительно глаз косит, как бы не обгегорили. Чуть что, готов оцетивиться. И бесконечные ссоры из-за всякого пустяка...

Нет уж, дружба дороже. Да и выгоднее, если на то пошло. Ну, а новичку мы даем работу полегче — он, бывает, и зазнается. Не поставишь ведь его сразу к станку, который от дряхлости барахлит, — надо иметь железные нервы, чтобы на нем работать. Пока новичок под крыльшком у бригады, ему кажется, что он силен. А окажется один, сразу и сникнет.

Человек всегда мечтал о бригаде. Устав держать круговую оборону один, он мечтал об артели, которая разделила бы с ним его заботы. Когда речь идет о деле, люди без доказательств соглашаются: «мы» лучше, чем «я». Лев Толстой в сентябре 1890

включил кондиционеры, ушел в аппаратуру.

Я сидел и рассматривал слайды на стенах. Озеро, гроздь рябины на фоне водной глади. Подберезовики крупным планом, резной лист клубники. Избушка на кордоне. Берег, мокрые камни. Березы. И опять вода, белая кувшинка...

Это комната психологической разгрузки.

Вдруг в репродукторах щелкнуло, и послышались магнитофонные голоса птиц. А после них — легкая музыка.

Должно быть так. Вы сидите в кресле, а врач-психолог монотонно внушает вам всякие приятные мысли. Вы вглядываетесь в пейзажи, пытаетесь войти в натуру, вообразить, вроде бы идете по берегу озера среди высоких сосен, а вокруг хвойный воздух и птичий голоса... Так мысленно вы уходите, уходите из этой комнаты.

Но психолога нет. Они вообще еще редкость. Тем более теперь нарасхват. Всем неожиданно понадобились психологи.

ческая техника, с помощью которой можно изучить личностные связи в коллективе. Входит в обиход такой термин — «уровень душевного комфорта». Можно как будто определить прочность бригады. Словом, изучается не что иное, как дружба.

Наверное, в цех придет психолог. И не для того, чтобы магически уладить конфликты, порождаемые неразберихой и несогласованностью. Наверное, когда-нибудь бригаду будут комплектовать так же, как тренер хоккейную команду. А пока бригадир сам и психолог, и тренер, и кто угодно еще. Ему надо все знать и все учитывать. И то, что между Мишей Курамшиным и Сашей Кремером существуют такие личностные связи, которые называют дружбой. И то, что после работы Николай Куркин диски крутит, а Володя Криволапов — магнитофонные пленки.

Бригадир надо и то понять, что дружба — это не значит повсюду ходить всей бригадой. Обычно всем вместе и в лес выехать не удастся. И в том ничего обидного нет. Не бывает так, чтобы у двенадцати парней (в большинстве своем женатых) все всегда совпадало. Да и не нужна никому эта одинаковость.

Дружба — это тоньше, глубже. Впрочем, до этого бригадир доходить самому, интуитивно. Пока.

#### Бригадир Виктор Зорин:

— В свое время я был наставником Саши Кремера. Он пришел к нам «со статьей». Кто-то, не долго думая, записал парня в прогульщики. А я удивился — парень-то хороший. Отзывчивый, исполнительный. Чего уж там его воспитывать...

Теперь Саша один из «ветеранов» бригады. Один из тех, за кого бригада горой. Недавно проблемка возникла. Саше надо в вечернюю школу, а ребенка не с кем оставить — нет яслей. «Ты в завком-то обращался?» — спрашиваем у него. «Обращался, да там заковыка какая-то». Вмешались ребята, и отыскалось место в яслях.

Конечно, бригада не всеильна. Но

## После выступлений

### «Смены»



Под таким заголовком в № 20 за 1979 год были опубликованы материалы рейда «Смены», посвященного сооружению профтехучилищ строительного профиля. Критиковались подразделения трех строительных министерств за срыв сроков ввода в строй новых профтехучилищ, плохую заботу о подготовке рабочих кадров. В № 3 за этот год редакция опубликовала сообщения Минстроя СССР и Минпромстроя СССР о принятых ими мерах для устранения недостатков. «Сменой» получен еще один ответ — от заместителя министра сельского строительства СССР тов. И. Т. ФИЛИНА. Он пишет, что руководству Главсевкавсельстроя Минсельстроя РСФСР указано на слабую работу по строительству ГПТУ-13 в городе Моздоке. «Для принятия мер, — сообщает тов. Филин, — на место был командирован заместитель начальника Главсевкавсельстроя т. Робинов Ю. А. Совместно с трестом «Севсетинсельстрой» были намечены мероприятия по ускорению строительства ГПТУ в г. Моздоке. В ноябре—декабре 1979 года эти мероприятия осуществлены. Годовой план строительного-монтажных работ перевыполнен, училище введено в эксплуатацию. Производственные мастерские намечено закончить в 1980 году».

...Если говорить о секретах, то они есть, даже не секреты, а единственный принцип, следуя которому мы и добиваемся успехов. Принцип этот — отношения, которые сложились в бригаде, — отношения настоящего рабочего товарищества, дружбы. Словом, секрет в единстве коллектива. Представим себе звено из шести человек. Трое трудятся с огоньком, а трое особым желанием не горят. Так вот, можно заранее сказать, что успехов тут ждать не следует... Здесь нет той самой рабочей дружбы, от которой зависит очень многое, если не все. Нельзя отделять чисто производственную, экономическую сторону вопроса от моральной. Бригадный подряд не причина, а результат. Результат нашего долгого труда, приведшего к взаимному доверию.

Николай ЗЛОБИН,  
бригадир,  
Герой Социалистического Труда



**И**ван Михайлович, директор машиностроительного завода, давний мой знакомый, рассказал мне притчу о лежащем камне, том самом, под который, как известно, вода не течет.

От Ивана Михайловича всегда можно ожидать какой-нибудь байки. Человек с фантазией, юмором, он мог бы стать, вероятно, литератором, сложись жизнь иначе, но стал конструктором, потом главным инженером и вот уже многие годы руководит предприятием. Нас, журналистов, пишущих об экономике, он в шутку делит на «директоролов» и «директоролобов». Первые, говорит, в кабинет к нему не заглядывают, вихрем проносятся по цехам и отделам и представляют Ивану Михайловичу сплошь хроническими язвочками. Со страниц их сочинений летят в хозяйственника ядовитые брызги: «Директор обязан понимать... между тем директор...» В отличие от них «директоролобов» сразу же, минуя прочие кабинеты, вламывается к Ивану Михайловичу, чтобы выразить сочувственно: «Тяжко?» Заранее известно, что напишет он о каверзах министерства и кознях снабжения, при которых, «будь директор хоть семи пядей во лбу...». С журналистами Иван Михайлович дружит. Притчи он обожает и рассказывает их, что называется, со вкусом, никогда не повторяясь. Первую сказочку — про царя, мудреца и архитектора — Иван Михайлович поведал мне еще несколько лет назад. Сам ли ее придумал или услышал где, но суть такова.

В некоем царстве-государстве повелитель приказал архитектору построить дворец. Сроку дал месяц. Пошел архитектор на базар, стал нащупывать людей. Тут его стража и схватила, приволокла к главному визирию. «Ты что, — закричал главный, — не знаешь, что никто не имеет права наимать людей без грамоты повелителя?» — У меня есть грамота, — ответил архитектор и протянул пергамент, — вот, смотри, здесь сказано, что мне разрешено построить дворец». — Ну и строй! А наимать людей тебе никто не разрешил! Архитектор пошел к повелителю, но тот был на охоте. Лишь на восьмой день он смог получить грамоту и нанять людей. Начали валить лес. Только заступали топоры, как затрубили рога, налетели егера, потащили архитектора к визирию Лесничему. Оказалось, что на рубку леса нужна отдельная грамота. Потом еще не раз пришлось несчастному отбиваться от цепких визирей и бить челом повелителю — просить грамоты на покупку лошадей, на стекло, на гончарные изделия, гвозди, белила, черепицу, смолу и речной песок. В конце концов он не выдержал и бросился в ноги: «Дай мне такую грамоту, чтобы все было позволено. Все, что потребуется». — Уж не хочешь ли ты быть царем? — грозно спросил повелитель, но до срока оставалось всего два дня, и архитектору нечего было терять, кроме своей головы. Он ответил бесстрашно: «Я хочу быть царем в своем деле».

Пересказываю сейчас кратко, и аромат притчи Ивана Михайловича от этого во многом пропадает. Там, помнится, был еще такой, весьма любопытный поворот сюжета: повелитель подавил гнев, задумался. Допустим, он даст такую грамоту, но что, если придет садовник, а за ним стражник, лесничий, лекарь, звездочет, конюший, казначей, и каж-

дый захочет быть царем в своем деле? На этот вопрос архитектор не мог ответить, требовался мудрец. Но вызванный царем главный мудрец оказался хитрее всех и от ответственности за решение поспешил отказаться: своя голова дороже.

Эта притча мне нравится, я ее люблю пересказывать знакомым. А придумал ее Иван Михайлович (если сам придумал) неспроста. В то время директора, как и всех наших хозяйственников, занимала острая проблема распределения прав и ответственности. Равновесия, к сожалению, не было, в практической жизни одна чередка перетягивала другую, и на XXV съезде партии специально было подчеркнуто, что хорошее качество работы предусматривает такое положение, при котором каждый занимается своим делом, «имея для этого необходимые права и неся в их пределах всю полноту ответственности».

И вот теперь, несколько лет спустя, встретил меня старый знакомый новой притчей — о камне. Разговор был неслужебный, личный, вечерний, дома у директора.

— Камень этот, — рассказывал Иван Михайлович, разливая чай, — однажды упал с высокой горы и покатился вниз, в долину, обдирая до крови зеленую кожу склона.

Ручей вскрикнул от боли, извиваясь в судорогах, рассыпался на миллионы брызг. Камень перебил ему хребет, чем остался доволен. «Так тебе и надо, ручей!» — думал камень.

Думал камень сто или тысячу лет, сколько прошло — он не знал.

Бока его порыхтели и растрескались, крошки откалывались, падали рядом. В ранки заползали наглые муравьи, а под самым животом камня, нисколько его не боясь, пригласилась скользкая змея. Но обиднее всего было камню, что ручей по-прежнему бежал весело и радостно, напевая свою песенку о вечности воды.

«Я хочу пить, — молил камень, — мои бока перекалились от зноя. Что тебе стоит, ручей, приблизиться немножко?» Но ручей не слышал старого камня. Он журнал и журнал себе беззаботно, как журчат все ручьи на свете тысячи лет. «Надо же, — удивлялся камень, — так долго и злобно помнит! Если бы я мог, я бы сам к тебе приполз и попросил прощения, но ты же знаешь, что камни умеют катиться только вниз». Он чувствовал приближение конца, мысли путались, и лишь темной, глухой ночью, когда жара спала и загорались звезды, предавался горьким своим раздумьям. «Ручьи не умеют ходить вверх, — думал камень, — но вбок они передвигаться умеют. Отчего же не хочет он забыть прежнюю обиду?» Камни хорошо помнят, что было с ними и сто и тысячу лет назад, они уверены, что и другие помнят то же. Долго еще камень лежал, думал, но не дождался ручья. Он не знал, что ручей не держит обиды в своих струях. Та вода, что помнила, утекла в реку, а из нее в море. Новая, бегущая рядом, не ведала о страшном падении куска скалы и перебитом когда-то хребте ручья.

Ручьи умеют бежать вбок и даже возвращаться назад, но они не умеют течь под лежащим камнем...

— Вот так-то, дорогой! — неожиданно резко выбился Иван Михайлович из размеренного тона сказителя. — Чаю еще?

Новая его притча, как и прежняя сказочка, это было мне ясно, могла означать лишь одно:

Александр ЛЕВИКОВ

# ПРИТЧА О ЛЕ

**В партийных документах последних лет все настойчивее звучат требования одновременно повышать ответственность и развивать демократизм, поощрять инициативу и спрашивать за конечные результаты, добиваться исполнительской точности и прокладывать новые пути, строго контролировать и максимально доверять, крепить дисциплину и оберегать достоинство каждого... Одновременно!**

что-то занимало его всерьез, видимо, давно, успел даже по своему обыкновению придумать аллегорический аналог. Я спросил:

— Не перебил ли этот камушек на дороге еще кого-нибудь, вас, например, Иван Михайлович?

Решил, снова что-то встало у машиностроительного на пути, перегородило течение, лежит на дороге, а под лежащим камнем...

— Нет, — грустно сказал Иван Михайлович, — нет, дорогой мой, я уже не ручей, я камень.

Вот тебе раз! От Ивана Михайловича слышу? всю жизнь, сколько знаю, не перестаю удивляться невоскаемости его инициативы. Не раз били его за эту не предусмотренную инструкциями инициативу, но он лишь покрывал — и за свое, за свое! Представить себе Ивана Михайловича в образе лежащего камня я не мог. Рисуетесь? На него не похоже. Старость? Да нет, не то, пятьдесят восемь, а на вид и пятидесяти не дашь, во время отпуска ходит еще в горы, не там ли, на Кавказе, и притчу свою сложил? Разъяснения требовались.

— Понимаешь ли, какое дело, — сказал Иван Михайлович, пустив кольцо дыма, — есть предел. Я многое успел, чего уж скромничать? — успел! Но то, что сейчас надо, могу не успеть... Пришла электроника, АСУ, я был — помнишь? — одним из первых, круто тогда взялись. Правдами и неправдами полгорода за счет завода отгрохал, бассейн, базу отдыха, пансионат на море, а дворец у нас — ну, ты знаешь... Цех ширпотреба мощный, когда другие еще не чухались — мне за него выговор влепили, за нарушение специализации, и животноводческий комплекс при заводе — тут уж строгаком шарашули, отобрал, передал совхозу. Теперь за ширпотреб хвалят, подсобное хозяйство новое закладываем — переменялись ветры. Никто не пошел бы сказать, что поперек инициативы лежу, не было такого. А теперь лежу. Вот посмотри.

— Что это?

— Документик один... Декларация моего начальника сборки. Так и пишу в кармане, на ночь вместо молитвы перечитываю.

Я пробежал глазами, сложил пополам, по складочке, уже имевшейся.

— Кто же ему мешает? — Автор докладной записки предлагал перевести весь завод с индивидуальной сдельщины на бригадный подряд, основываясь на успехе такого опыта в его цехе. — Не вы же, Иван Михайлович?

— Я.

— Почему? Сейчас многие следуют за Калужским турбинным, и это поддерживается.

— Да не в том дело, — поморщился Иван Михайлович. — Тут я сам не хочу, понимаешь?

Откровенно признался: не понимаю.

— Ладно, слушай. Что он пишет? Весь завод переводить немедленно, одновременно. Максималист! Цеха ему мало! Министерство большего пока не требует. Мало! А то, что другие начальники цехов колеблются или против? Я спрашивал, многие против. И мастера не в восторге, стеной стоят. Ему, молососу, плавать. Вызывал его, говорю: другие против, надо обождать. Знаешь, что он отмолил? «Кто против, тех надо гнать, Иван Михайлович, в шею». А, пострел? Его бы самого за такие речи в шею. Смел за десятирх. Я таким не был в его годы...

Был, был, еще не таким ты был, Иван Михайлович! Но вслух я сказал другое:

— Прусс в Калуге, когда против индивидуалки пошел, говорят, человек двадцать начальников цехов переменял. Борьба была. С несогласными расставались. Его общественные организации поддерживали, к рабочим он сам ходил, прямо в цехах агитировал за бригады, сколачивал группы добровольцев. А где мастер или начальник цеха сопротивлялся...

— Нет, нет, не подталкивай! — Иван Михайлович протянул руку, как бы отстраняясь. — Я на это не пойду. Хватит уже. Накидались людьми. У меня цехами командуют грамотные инженеры. Они привыкли работать при индивидуальной сдельщине. Советы бригадиров, бригад — это все их отпугивает, понимаешь? Мастер, тот так рассуждает: власть отдай бригаде, а сам иди к дяде. Да и начальник цеха...

— А если придет лесничий, звездочет? — вернул я. — Получается, себе права — это права, а другим — сорная трава?

Тыфу, черт, кажется, заговорил стихами! Иван Михайлович тотчас же зацепил:

— Поэмы складываешь? Это мы с тобой, дорогой, можем друг для друга стихи и притчи сочинять. А что я, к своим начальникам и мастерам с байками пойду? Прусс, говоришь, повыгонял... По-своему он поступил логично. Переделай психологию взрослых, наверное, невозможно, но я в принципе против всякого выгоняния. В принципе! И постараюсь, чтобы не выгнали меня самого, ибо придет вот такой шустрик, — он постучал себя по карману, где лежала докладная, — придет и разгонит кадры, которые я двадцать лет по человеку собирал. Вы знаете, я сам никогда не был выдающимся демократом, — незаметно для себя перешел на «вы», — рука у меня твердая, порядок люблю. Разгилая я тоже могу выставить, но чтобы хорошего работника не-

«НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО!»

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ



**СМЕНА**

Коллективный критический анализ: работа в тигость, работа в радость

**Некоторые руководители считают коллектив нашей бригады слишком беспокойным. Действительно, работают люди как будто неплохо, зарабатывают прилично, а все чем-то недовольны, чего-то ищут... Но разве постоянный творческий поиск не является нормой нашей морали?! Мы взяли на вооружение метод бригадного подряда, применив его впервые на промышленных стройках. Взяли на вооружение, так как увидели в новой форме не только возможность ускорения строительства, но и средство, позволяющее каждому рабочему утверждать себя как личность.**

**Владислав СЕРИКОВ,**  
бригадир,

Герой Социалистического Труда

# КАЧЕМ КАМНЕ

**Такова диалектика жизни. Требования основополагающие, естественно, порождают и требования конкретные — к каждому коллективу, каждому человеку. Это и директор, и бригадир, и начальник цеха, и новичок, едва ступивший в цех, и квалифицированный рабочий... Это и завод, и цех, и бригада.**

согласное... А этот — в шею! Нахал. Подпишу заявление...

— Какое еще заявление? — Я почувствовал недоброе, насторожился.

— По собственному... Чего ты глаза таращишь? Не узнаешь Ивана Михайловича?.. Я его домой приглашал, за этим столом чай он у меня пил, полночи объяснялись. Парень толковый, ничего не скажу, из Бауманского училища вышел, мастером у меня начинал. Головастый, можно сказать, парень талант. Но упрямый. Уперся как бык, надо враз ломать, иначе, говорит, уйду! Неинтересно, видите ли, ему, невозможно, говорит, сборочный по бригадному весте, когда все остальные по старинке. Это, говорит, все равно что часть автомобилей на улице в экспериментальном порядке пустить по левой стороне. Прав, конечно, но надо иметь выдержку, терпение. Мальчишка! Нечто вроде ультиматума мне предъявил: или вместе перепрограммируем завод, или он уходит. А, каково? Скатертью дорога...

Закашлялся, придавил сигаретку в пепельнице, потянулся за другой, но раздумал.

— Слушай, ты понимаешь, что происходит? «Коллективизация» в промышленности?! Кто бы мог подумать? Уж здесь-то не деревня, не крестьянский двор, общее все, а вот переходим от индивидуальной формы к коллективной в организации труда — и какая острота чувств, какие страсти человеческие! Думаешь, он один такой? Это, так сказать, ультиматум «за», а попробуй начни — посыплется и «против». Так будут говорить: не согласен, ухажу.

Я молчал, думал. Можно ли весь этот переход осуществить бескровно? Теперь есть опыт не только Калужского турбинного, поддержка есть, статьи в печати. Люди должны поверить, не разгонять же? Я его понимал, Ивана Михайловича. Без исключительной смелости Прусса, дерзкой его воли и умения залечь людей, рабочих не было бы, пожалуй, калужского варианта. Но и Иван Михайлович не трус, умный, решительный директор, и если уж он остановился...

— Иван Михайлович, — говорю, — послушай, сам-то ты веришь? Сам-то как? — Мы все время с ним путаемся: то на «вы», то на «ты».

— Представь себе, верю. Хорошая форма. При индивидуальной сдельщине мучаемся. А здесь мотор почти природный получается, артельный принцип: сделали — получили — поделили — захотелось больше — друга подталкиваем — опять сделали — снова поделили... Мотор! Из этого вращения не выпадешь. Я признаю. На сборке у меня хорошо идет, когда механические цеха не

подводят. Признаю. Однако любой директор, если честно с тобой будет говорить, вслед за признанием тысячу «но» назовет. Ты вот едешь по директорам, что наш брат говорит?

— Говорит, что хорошая форма. Бригады калужского типа лучше сдельщины. Переведем, говорит, в порядке опыта несколько участков или цех. Говорит, что дело сложное, трудностей много.

— Вот, вот...  
— Говорит, что не для всякого производства подходит...

— Темнит! Слушай, подходит для всякого — ты не верь. Ну, может, за каким-то исключением. Я о машиностроении говорю. Но это в самом деле просто. Что всех смущает и меня тоже? Раз бригады, надо повсюду, и в механических и в заготовительных цехах, делать технологические комплекты по замкнутому циклу. Поузловую специализацию. Каждой бригаде — свой план в номенклатуре на год с разбивкой по кварталам и месяцам. Все внутризаводское планирование и управление надо, к чертям собачьим, заново переделывать! Так? С теми же людьми, заметь, какие есть, или уже с плановиков начинать разгон? А где других взять? Дальше. Надо бригаде коллективное рабочее место организовать, систему обслуживания — тут для цеха знаешь сколько мороки! Ого-го! Бригадиров мало подобрать, их еще как следует выучить надо, организовывать школы. Так? А материально-техническое снабжение бригад? Если уж за конечную продукцию хочешь платить, изволь, друг сердечный, дай им возможность сделать эту продукцию! А не то они тебя за горло возьмут. При индивидуальной сдельщине он один на один с тобой, всегда можно найти выход. А тут коллектив, завязанный общей оплатой. Не будет конечного результата и денег — надо еще разбираться, кто виноват, они или ты, не обеспечивший. На цеховую братию, инженерную, на службы заводские это комут. Тут такое сравнение. Машина бежит быстрее, чем лошадь? Ты, конечно, согласен: куда быстрее! Прекрасно, говорят тебе, раз быстрее, то доставь-ка, брат, где-нибудь мотор, раму, кузов, колеса, собирай все это у себя на кухне или там в подвале, соберешь — бензинчик мы тебе подбросим, зато быстрее же, чем на лошади! Такое, брат, сравнение. Делать-то все самим, самим... Погом оно и лучше, быстрее, а пока...

Мы перешли из столовой в домашний кабинет Ивана Михайловича. Над журнальным столиком акварелька, пейзаж горного ущелья с ручьем. Мелькнула мысль: не отсюда ли притча?

— Значит, нужно сначала инженера разбудить. В его работе будет много перемен, не загорится — жди тихого саботажа, это страшно. Худо ли, бедно, но сейчас ему все понятно, накатано. А надо вроде бы куда-то из насыженной квартиры срываться. Хватай вещи, пакуй, грузи на горб, тащи... А куда? Там, говорят, видно будет, в пути подберем тебе квартиру еще лучше. Он не верит, не хочет паковать. Как его заставить поверить? А рабочие? Ты думаешь, рабочие все как один сомкнутыми рядами «за»? Ошибаешься, дорогой. С высокими разрядами, те, что выгодную работу загребают, зарплату держат, с мастером язык находят, — эти не очень-то разбежались! На индивидуальной сдельщине такой может заработать больше. Бесспорно. И как его уговорить? В бригаде он, если возьмется, мальцов подучит, все скопом налягут, и на круг выйдет не меньше — можно так объяснить. Наверное, это правильно. Но для него еще не факт, он тебе на слово должен поверить. Надо ходить и убеждать. И не врать, что он ничего не потеряет поначалу. Не врать! Совершишь — все рухнет к чертям, дискредитируешь себя в глазах рабочих, ни в чем больше не поверят. Не врать! Вначале он потеряет. Да и не в нем одном дело. Многие боятся: сейчас, они знают, заработок зависит от тебя самого, а будет зависеть от товарищей по бригаде. Страх, барьер психологический: как деньги делить, будет ли по совести, по справедливости?.. Надо ребят найти пошустрее, молодых, умелых, распалить их, двинуть в бригадир в обход, может быть, «королям» некоронованным, власти им дать, чтобы вкус почувствовали. Права бригады строжайше соблюдать — это самая суть, советы бригадиров организовывать, и тоже не бесправные... Да, хорошо, я признаю, но не просто... На сборке мы делали, там проще. А вот шаг следующий...

Кого убеждал он? Меня? Вряд ли. Своих «стенной стоящих» цеховых начальников и мастеров? Или все еще самого себя?

Прощались поздно. У меня самолет был в ноль с минутами. В дверях постояли, помылись, ощущая недосказанность. Когда-то я написал о нем очерк, тогда молодом, остро мыслящем начальнике цеха, перспективном, как говорил его директор, давно вышедший на пенсию. С тех пор не потерялись, встречаемся, если доводится ему быть в Москве или мне на Волге. Седоволосый, высокий, худой — сунул руку откуда-то со своего «чердака».

— Ну, будь здоров.  
— Желаю успехов, лежачий камень! Усмехнулся:

— Чтобы песок сыпался быстрее?  
— Чтобы ручью дорогу не загораживал, — ответил в тон. — А то, смотри, побегит стороной...

Крикнул, перекинувшись через перила, когда я уже спустился на два марша: «Не отпущу этого дурачка, не волнуйся!» Я понял: любит он своего максималиста, не отпустит. Ох, как нужен ему сейчас, Ивану Михайловичу, этот отчаянный парень, больше, чем когда бы то ни было! Но разгонять он не будет — тоже понял. На «революцию» Иван Михайлович не пойдет. Будет еще думать.

— Думал камень сто или тысячу лет, сколько прошло, он не знал».

С детства я слышал — под лежачий камень вода не течет, новости тут мне Иван Михайлович не открыл, но суть его притчи иная. Под

камень-то не течет, но и на месте не остановится, отыщет обходный путь, прожурчит мимо. Понял я твой намек, Иван Михайлович, понял: превратившись в камень, не надейся задержать поток!

После памятного этого разговора я почти сразу же уехал в Калугу, потом бывал в других местах, но сомнения Ивана Михайловича, как и притчи, рассказанные им, не выходили у меня из головы. До сих пор задумываюсь над ними. На работе ли, в пути, дома — вдруг поймает себя на мысли: а не расквашиваешься ли ты и сам на безжалостных качелях между жаждой самостоятельности и боязнью инициативы?

«Кто не рискует, тот не казак» — подбадривает давняя поговорка, но тотчас же возникает в памяти изречение перестраховщика: «Инициатива наказуема».

...мах качелей...  
«Кто хочет, тот добьется!» — «Что мне, больше других надо?»

...мах качелей...  
Я часто встречаюсь с людьми промышленности, и мне хорошо знаком «стон» хозяев-стевеника: «зажали», «мелочная опека», «вяжут по рукам», «на короткой привязи»... Но порой у тех же самых людей наблюдаю я стремление каждый свой чих «согласовать», «завизировать», «утвердить», «застолбить», «обговорить» с лицом вышестоящим...

Как это необходимо, как важно — прочнее утвердить в общественном сознании мысль о всесторонней пользе человеческой инициативы, ставки на доверие.  
В партийных документах последних лет все настойчивее звучат требования одновременно повышать ответственность и развивать демократизм, поощрять инициативу и спрашивать за конечные результаты, добиваться исполнительской точности и прокладывать новые пути, строго контролировать и максимально доверять, крепить дисциплину и оберегать достоинство каждого... Одновременно! Такова диалектика жизни.

Требования основополагающие, естественно, порождают и требования конкретные — к каждому коллективу, каждому человеку. Это и директор, и бригадир, и начальник цеха, и новичок, едва ступивший в цех, и квалифицированный рабочий... Это и завод, и цех, и бригада.

Присмотритесь... К пробирающимся сквозь заросли и отскиживающимся в кустах, к себе — присмотритесь...  
«Я хочу быть царем в своем деле», — бесстрашно говорит повелителю архитектор из притчи Ивана Михайловича. Но порой прельщает иная мудрость. И тогда предпочитаем мы бить себя в грудь, сетуя на несговорчивость и суровость ближайшего, непосредственного своего «повелителя», тогда бежим прочь с испытательного полигона, где Время проверяет идеи, цели и достоинства. Порой даже смелые, держкие смолоду не выдерживают экзаменов Жизни. На крутом повороте своей и общей судьбы камнем летят они вниз с достигнутой в прежние годы нравственной высоты. И мимо, мимо устремляются потоки творчества, поиска, инициативы...

Ручьи не текут под лежачие камни, но они умеют обходить их стороной.

**Е**жегодно на завод поступает много молодежи. Для нового человека разобраться в обстановке и сделать правильные выводы не всегда просто. Иной «плывет по течению», впитывая и то хорошее и, увы, плохое, что есть на заводе. Мне в этом отношении повезло, потому что попал к хорошему наставнику. Но далеко не у всех оказывается достойный подражания пример.

...На одном из участков цеха работали четыре кадровых токаря, изготавливая довольно сложную деталь. Два года назад к ним пришел пятый — молодой токарь Галкин. С коллективом у него отношения сложились неплохие, стал своим человеком в цехе. Но, замечая, квалификацию долго не повышал, работал значительно медленнее своих соседей. Почему? А не спешили коллеги поделить опытом с новичком. Дескать, зачем? Ведь при равной у всех квалификации не было бы проблем с планом, а так, если отстает участок, мастеру придется поклониться, попросить поработать сверхурочно — конечно, за двойную плату. Формально никто никаких проступков не совершал: не прогуливал, не бездельничал, не выпускал брак. Значит, никто не виноват и спрашивать не с кого. А по существу... Мало радости работать в такой атмосфере, когда каждый сам за себя, а до остальных дела нет.

Но что толку возмущаться, звать к сознательности, когда человек живет по законам индивидуальной сдельщины: именно она разделяет людей, дает широкие «возможности» урвать побольше, пожить за заводской счет, создать видимость напряженной работы.

В нашем цехе есть участок, который, сколько я помню, работает на редкость стабильно. Независимо от того, какое число на календаре. Что за райские условия созданы там? Ничего особенного, кроме того, что все рабочие участка объединены в бригаду. Здесь уже не придется нетрезвым, не посакуешь, не будешь таить свой опыт — все трудится на один наряд.

Так в чем же проблема? Издать приказ, создать бригады по всему заводу — и дело с концом! Но не все так просто... Не все проблемы решаются в приказном порядке. Речь не об одних организационных трудностях. Нет, чтобы создать бригаду, надо преодолеть трудности морального характера.

Одно время я и сам работал в бригаде. Правда, в ней было всего два человека: я и напарник. Но даже в такой мини-бригаде работать было гораздо лучше, чем в одиночку. Простейший пример: сломался у меня станок — напарник выручит, поможет норму выполнить. И наоборот, если ему помощь нужна — в любое время. Но вот вернулся я из отпуска и узнал, что бригады больше не существу-

ет — напарник все-таки захотел перейти на индивидуальную сдельщину.

Знаю, что и в других бригадах не обходилось без разногласий. Да, умом-то человек понимает выгоды бригадного метода, но если ему и в одиночку неплохо, то, поговорке, от добра добра не ищут. Как еще там будет, в бригаде? Видимо, существует какой-то психологический барьер, который каждый «индивидуалист» должен преодолеть...

В чем разногласия? Ну, вот простой житейский пример: мне надо взять отгул по своим делам. Если я один — это мой личный вопрос. Договорюсь с мастером, потом отработаю. В бригаде это уже проблема, я завишу от товарищей, а они — от меня. Значит, надо уметь личные интересы принести в жертву общественным. Иначе говоря, бригада требует от человека значительно большего, чем просто умения хорошо работать.

## В ОДИНОЧКУ ИЛИ СООБЩА?

И, конечно, сложность — с оплатой труда. Перед организацией первых бригад в нашем цехе кое-кто возмутился: «Разве правильно, что новичок будет зарабатывать почти столько же, сколько и рабочий с двадцатилетним стажем? Что же это, уравниловка получается?»

Давайте разберемся. В бригаде у новичка больше возможностей совмещать профессии; ему помогает не один наставник, а все товарищи, стало быть, быстрее растет квалификация, выше показатели — и, стало быть, зарплата. При чем же здесь уравниловка? Каждому, как говорится, по труду, в зависимости от коэффициента трудового участия.

Сдельщику-одиночке достичь высокой квалификации гораздо сложнее, и времени на это требуется больше — отсюда и «ножницы» в оплате.

Когда приходит в цех новичок, ему показывают, как сделать определенную деталь. Берется он за дело с интересом, старается, а через какое-то время, смотришь, посакунул парень, весь интерес растерял, застрял на низком разряде. Вся беда в том, что он может «просидеть» на этой одной-единственной детали очень долго. Не надо далеко ходить за примерами: по этой причине и я однажды подумывал об увольнении.

Я работаю на двух полуавтоматических станках. Поставил заготовку, нажал кнопку — и все. Можно спать. «Спасает» то, что один станок капризный, с ним не соскучишься. Но если серьезно, то работа не очень интересная. Понятно, что она необходима, без нее тепловоз не построишь, но рабочему-то от этого не легче. Многому ли научишься, повторяя изо дня в день одну опе-

рацию? Квалификация растет медленно и еще однобоко, что ли. Правда, у меня разряд довольно высокий — четвертый, тем не менее не рискую принять участия в конкурсах мастерства. Там может попасться самая разнообразная работа; так могу ли я рассчитывать на призовое место (не говоря уже о выходе на областной конкурс), если все два года работы в цехе занят на одной детали?

Медленно растет квалификация — к такому положению некоторые рабочие привыкли (сами так начинали!), потому и возражали против создания бригад — будто это создает некие привилегии новичку. Какие же? Он избавляется от однообразия работы, совмещая профессии; быстрее повышает квалификацию; постоянно ощущает поддержку товарищей. Уж не это ли — привилегия? По-моему, просто нормальные условия работы.

Ну, ладно, а те рабочие-

**смена**

Коллективный  
критический анализ:  
работа в тягость,  
работа в радость

стеру о поломке, потом стоишь два часа, ждешь ремонтников. Наконец, не выдерживаешь, снова разыскиваешь мастера. Он спохватывается: «Забыл совсем, сейчас пришло слесарей...» Где-то после обеда появляются ремонтники. Однажды пришли, копались в станке очень долго и безрезультатно; тогда я «поймал» знакомого наладчика Толю Косорупина, он, к счастью, хорошо знал станки моего типа и растолковал мне, где надо искать причины поломки. А не будь я знаком с Толей, сколько бы лишнего времени потерял?

Я не хочу сказать, что избавление от всех бед — в создании бригад. Но многие проблемы коллективно легче решаются. Например, простой одного сдельщика все-таки не так заметен. А простой целой бригады? Это был бы скандал!

Но отчего медленно внедряется прогрессивный бригадный метод? На мой взгляд, оттого, что создание бригад происходит, как правило, по совету или подсказке администрации. Инициатива «снизу» бывает реже — в частности, по причинам, о которых я говорил. Есть на заводе и в нашем цехе опыт бригад, где полностью оценили коллективную организацию труда. Забыли о сомнениях и те, кто спорил по поводу оплаты труда в бригаде... Но об этом опыте кто-то знает мало, кто-то — вообще ничего. Если и рассказывается о таком опыте (допустим, в печати), то говорится обычно о технологических, производственных тонкостях. Между тем это не только хозяйственный, производственный вопрос. Для перехода на бригадный метод надо морально, психологически подготовить людей. Кто этим будет заниматься? Начальнику цеха не до психологии, когда у него план под угрозой. Комитет комсомола занят в основном все же комсомольско-молодежными бригадами; организация новых, тем более не комсомольских — формально не его дело. Кстати, хотя моя бывшая мини-бригада не носила звание комсомольско-молодежной, в ней был стопроцентно комсомольский состав. А распад ее произошел тихо и незаметно для всех...

Задуматься есть над чем. Об этом нам говорит и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Напомню строчки, прямо относящиеся и к нашему заводу: «Министерствам, ведомствам, объединениям, предприятиям и организациям предложено разработать и осуществить мероприятия по широкому развитию бригадной формы организации труда, имея в виду, что в одиннадцатой пятилетке эта форма должна стать основной».

**Итак, ваше мнение,  
дорогие читатели!**



ПУБЛИЦИСТИКА



Радость открытия

Настоящий критик не только адумчивый наблюдатель и аналитик творческого процесса, но и его непосредственный участник, разделяющий с художником все муки и радости, несущий вместе с ним высокое бремя ответственности перед временем, перед людьми.

Именно таким критиком является А. Камшалов. Его книга «Открывая мир» («Молодая гвардия», 1979 г.) — это книга участника. Она обобщает богатейший опыт советского киноискусства в постижимом образном языке, близком и понятным миллионам, сокровенных глубин народной жизни новой исторической эпохи.

Автор не ставит себе задачу проследить весь путь отечественного кинематографа в хронологической последовательности. Его интересуют те социальные координаты, на пересечении которых рождались и рождаются произведения общенародной значимости, открывающие миру правду о нашей действительности, о величии советского человека. Отсюда — свободная композиция книги, органично соединяющая сегодняшний день советского экрана с днем вчерашним, игровые ленты с документальной кинопублицистикой.

Свободная, но удивительно емкая. Достаточно взглянуть на названия разделов: «Человек и эпоха», «На экране — человек труда», «Сражающийся экран», «Духовность экрана». А Камшалов прослеживает общие истоки непреходящих художественных завоеваний нашего киноискусства, снискавших ему всемирную славу. Эпический образ революционного народа, отображение вдохновенной героики первых пятилеток и немеркнущего подвига народа в годы войны, воспитание у молодых современников средствами экрана чувства гражданственности и нравственной чистоты — все эти и многие другие ключевые темы автор рассматривает в широком контексте конкретных фильмов, не забывая, кажется, ни одного сколько-нибудь существенного.

При этом калейдоскопе имен и названий не возникает ощущение беглости, перечислительности. Напротив, складывается ясное представление о магистральных путях развития советского киноискусства, всегда находившегося на передовых рубежах строительства новой жизни. Возлюбленная авторская мысль пронизывает все разделы книги, утверждая целостное единство и преемственность основополагающих принципов нашего экрана.

А. Камшалов убедительно показывает, что одна из важнейших тем искусства социалисти-

ческого реализма — тема труда, производственных отношений, формирующих человеческие характеры, явилась и открытием новых эстетических ценностей. Труд в фильмах, пишет он, стал эстетической категорией высокой пробы, обусловившей творческие успехи советских мастеров экрана.

Обращаясь к опыту прошлых лет и анализируя современный кинопроцесс, критик не скрывает своих очевидных пристрастий. Его оценочные критерии неизменно проистекают из стремления нацелить наших кинематографистов на все более активное вмешательство в жизнь и наиболее полное отражение ее красоты, сложности и противоречий с позиций гражданских, партийных. На примерах лучших произведений советского киноискусства он призывает молодых художников смелее браться за решение злободневных проблем, помогать партии в деле коммунистического воспитания трудящихся.

Это делает книгу А. Камшалова особенно актуальной, придает ей яркую публицистическую направленность. Показывая, как историческое развитие страны обостряет социальное мышление мастеров экрана, она подводит нас к пониманию тех важнейших задач, которые стоят перед ними сегодня.

Юрий ОСИПОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ



Не соперники — союзники

Поубавились, поутихли страсти вокруг проблемы «физики — лирики». Может, на время, может, и совсем. А вернее всего, запальчивость спора уступила место аргументированному и глубококому научному анализу. Книга известного литературоведа, критика и публициста Михаила Пенкина «Искусство и наука» («Современник», М.) — пример такого анализа. Хотя поначалу читатель оказывается вовлеченным опять-таки в жаркий спор. Но кто спорит! Спорят коллегам «физиков» и «лириков»: известные писатели и поэты, академики и космонавты. Подробное изложение их позиций не только вводит читателя в проблему — это исходные данные, фундамент книги. Именно фундамент — только это слово хочется употребить, так как работа, проделанная М. Пенкиным, поистине фундаментальна. В наследиях лучших умов человечества провел автор творческий поиск. Поиск ученого, великолепно владеющего диалектическим методом исследования.

Действительно, наука требует точных выкладок и рассуждений, наука же как предмет исследования — тем более. И будь «искусство» вынесено в заглавие на первое или второе место — это еще не гарантия, что книга не скучна, не наукообразна. М. Пенкин удачно преодолел опасность подобных «заносов» на сложной «трассе» реализации замысла — он пригласил стать исследователем и читателя: от страницы к странице чув-

ствуешь себя все более и более способным, «подкованным», чтобы вместе с автором доказывать и опровергать те или иные доводы, ведущие к истине — к результату труда.

Автор, обращаясь к проблемам взаимодействия и взаимовлияния естествознания и искусства, изначально стремится к их решению средствами этих якобы соперников, доказывая тем самым плодотворность сотрудничества. И вот уже не только литературоведчески анализируются натуралистические и реалистические течения в искусстве, исследуется парадокс, сокрытый в творческом методе Гоголя, — взаимность, союзничество представляются читателю наглядно, доказательно.

Вот названия некоторых глав книги: «Музыка и формулы», «Философия — естествознание — искусство», «Триада: истина, добро, красота». Я недаром привожу их, потому что снова вспоминаются жаркие пикировки «физиков» и «лириков». И думается: а действительно, не отсекалась ли в них красота, свояственная искусству, от науки? «Открытие в науке так же редки, как и в искусстве», — пишет автор. — Открытие же истины и красоты — наивысшая радость... Итак, красота, добро, нравственность — активные составляющие процесса познания. Таким образом автор подчеркивает активную роль искусства в нем.

«...истинное исследование — это развернутая истина, разведенные звенья которой соединяются в конечном итоге», — так писал Маркс. Прочитав книгу Михаила Пенкина, действительно становишься свидетелем того, как богатый научный, философский и литературный материал начинает «работать» на проблему — выстраивается в единую, четкую цепь, звенья которой устремлены к конечной цели труда.

И еще: в кратком издательском предисловии говорится, что «книга рассчитана на самый широкий круг читателей». «Экслибрис «Смены» настоящим образом советует молодежи войти в этот круг.

Андрей КОМАРОВ

ИСТОРИЯ



Судьба героя

Каждая новая книга о событиях Великой Отечественной войны вызывает пристальное внимание читателя. Все дальше уходит время, опаленное ветром сражений, время великого подвига советского народа. Мы знаем имена тысяч и тысяч солдат освобождения, но проходят годы, и, как бы переосмысливая минувшее, по-новому проявляются уже известные факты их биографий. Отчего дорогие нам образы обретают еще большую яркость.

Книга Валентина Осипова «Жизнь и смерть Василия Клочкова» («Советская Россия», 1979 г.) рассказывает о тридцатилетнем политруке героев-

панфиловцев. Их подвиг у разезда Дубосеково вошел в историю обороны Москвы 1941 года. С той поры минуло почти сорок лет. Все эти годы память хранила имена двадцати восьми. И писать сегодня о политруке Василии Клочкове — это значит писать о том времени, тех событиях от имени нынешнего поколения, во имя которого и шли в бой панфиловцы.

Эта книга имеет подзаголовок: «Хроника, поиск, размышления». Автор собирал архивные данные, находил людей, читал письма. Тщательно изучал материал, дабы иметь представление о человеке, в тридцать лет совершившем подвиг. Ему хотелось понять внутренний мир своего героя, ту жизнь, что предвзяла события ноября сорок первого. «Книга В. Осипова утверждает два важных положения. Первое: устанавливая «обычность» биографии Клочкова, она тем самым еще и еще раз объясняет природу героизма воинов Отечественной войны... И второе. Подвиг двадцати восьми героев во главе с Василием Клочковым был не исключительным явлением в летописи войны, а достоянием, подлинным сколком ничем не приукрашенной, суровой действительности того времени», — пишет в предисловии Александр Кривцкий.

Строго придерживаясь документальной основы, автор рассказывает о биографии политрука, дополняя каждую строчку жизни своим комментарием. Так постепенно вырисовывается образ воспитанника Ленинского комсомола, воина-коммуниста. Как и тысячи его сверстников, Василий Клочков рос вместе с молодой Республикой Советов, вбирая, впитывая в себя то лучшее, что эстафетой великих свершений передавалось от отцов и матерей, старших товарищей. Автор показывает нам человека высокой нравственной чистоты. Прекрасные душевные качества, заложенные в нем, наиболее ярко в мгновения особой опасности, высшей точки напряжения. Чувство долга, искренней преданности Родине, твердости в избранном пути стали слагаемыми подвига. «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва» — эти слова политрука Клочкова, вырвавшись из грозного сорок первого, стали символом мужества, стойкости советского солдата.

Удивительное чувство оставляет эта книга. Гордости за человека, своего соотечественника, одного из бессмертных панфиловцев, и признательности автору. Долгий, кропотливый его труд, где был и поиск новых материалов, встречи с людьми, размышления над краткими строчками сохранившихся донесений, открыл нам судьбу героя-политрука Василия Клочкова.

Михаил КОРОТКОВ

ИСКУССТВО



Все краски жизни

В Доме журналиста на фотосекции шло обсуждение творчества фоторепортеров, посвятив-

ших свои работы театру. При имени Мирослава Муразова поднялся известный режиссер и артист, сказав:

— Сейчас надо говорить о двух искусствах. Я имею в виду театр и фото. Потому что Муразов — подлинный художник и видит театр неповторимо, он будит и не снимает, а сам ставит спектакль...

Эти слова я вспомнил, взяв в руки вышедший уже после смерти Мирослава альбом «Арена», выпущенный недавно издательством «Планета». На его страницах яркий почерк мастера, смелое, неповторимое видение мира сцены.

Альбом открывается текстом Юрия Никулина, который пишет: «Безвозвратно уходило с арены «игра на нервах публики», малоэстетические номера, унижающие достоинство артиста. В советском цирке акробаты, гимнасты, эквилибристи, артисты других жанров в своих выступлениях утверждали лучшие человеческие качества: смелость, отвагу, упорство, силу, виртуозное мастерство, остроту ума. Их номера несут романтическое, героическое начало».

Цитирую популярного артиста не только для того, чтобы дать читателю представление об альбоме, его содержании, но и чтобы самому себе еще раз объяснить секрет обаяния творчества Мирослава: здесь — в отъезде, романтике, человеческих талантах — все, что привлекало его. Жизнеутверждение, радость бытия, работы — вот о чем его фото.

И в то же время помню, как он, вернувшись из Хатыни, признался:

— Знаешь, я там плакал... Огромной искренностью чувств была отмечена буквально каждая фотография Муразова, много и плодотворно работавшего в «Смене». Именно — работавшего! До мокрой рубахи при съемках. До изнеможения порой. До результата: «То! То! Получилось!» — и дурманящей радости от точного кадра, от уловленного цвета или психологического состояния человека. Еще одно качество мастера: жажда снимать всегда преодолевать в нем усталость. В известном смысле он не знал ее. Или не хотел знать. Так было всегда.

«Арена» — фотоальбом для всех: для советских зрителей и иностранцев, для взрослых и маленьких, для любящих цирк и не очень... И в этом почерк мастера: так рассказать о предмете, чтобы было понятно и близко всем.

Узнаю многие его фотографии, они печатались раньше — в одном журнале, в другом. Не знаю, много ли было у него «проходных», однократно печатавшихся снимков, но то, что таких, которые следовало публиковать не единожды, — таких много. И не было в нем равнодушия ремесленника, который может и не увидеть свою работу напечатанной — лишь бы гонорар заплатили. У Мирослава всегда вспыхивали глаза, когда видел свои снимки напечатанными, и, бывало, он искренне огорчался, если «подача» кадра оказывалась невыразительной, приглушенной, неточной. Иногда он обижался на оформителей, на редакторов. Но это были обиды не мелочные престижные, а человека глубоко творческого, который всегда и во всем чувствовал эстетику.

Его часто приглашали к сотрудничеству издания и издательства, но работу в «Смене» он ценил превыше всего, дорожил и жил ею. Потому что работал для молодежи. Работал ярко, вдохновенно. Вот почему на его имя в редакцию часто приходили письма читателей-зрителей. Людей по-настоящему волновало его искусство. Оно волнует и сейчас.

Борис ФАИН

# СОЖГИТЕ ВСЕХ!

Жан АРНО

РОМАН

Клер услышала звуки рок-н-ролла, крики. Она пришла в разгар дикого веселья. Дверь ей открыла девушка, державшая мензурку, наполненную шампанским. Жонас с бородой, накрученной на папильотки, готовил пунш.

— Я опоздала...— начала Клер.

— Тем лучше,— завопил он.— Вы останетесь с нами...

— Я пришла за результатами анализа.

Он старался вспомнить, пожимал плечами.

— Надо было сказать, что это городская вода, aqua simplex Lugduni, или что-то в этом духе... Вода нашего доброго Лиона, опасная не более, чем любая другая...

— Но эта вода не из Лиона,— запротестовала Клер,— а из деревушки департамента Эн.

— Значит,— приснул он со смеху,— произошло чудо. Это нормальное явление накануне рождения... Вода Эна превратилась в воду Лиона...

— Где фляжка?

— Ну, не оскорбляйте же присутствующих! Здесь таковых нет\*.

Клер все же разыскала фляжку. Она была наполнена вином, как и вся химическая посуда. Клер вылила вино в кристаллизатор и ушла, с трудом вырываясь из рук, которые пытались ее удержать.

Она плакала от злости. Идиот. Он уничтожил ее последний шанс... Лионская вода... Он попросту ошибся. Или забыл, что было во фляжке, когда наливал в нее вино, и выдумал потом чепуху.

Сев в машину, Клер обдумала все более спокойно, осмотрела старую фляжку. Без сомнения, это была ее фляжка. Накануне она оставила ее на всю ночь в машине под сиденьем, чтобы не вызвать любопытства у матери. Возможно ли, что кто-то заменил воду из Гийоза водой из городского водопровода? «Если я буду продолжать в том же духе,— подумала Клер,— я скоро сочту себя жертвой всеобщего заговора».

Однако только анализ этой воды мог бы развеять ее сомнения.

## Глава X

Наутро после рождества Клер проснулась, словно спала бесконечно долго. В течение тридцати шести часов она пребывала в состоянии безмятежного покоя, как бы впад в спячку, отключившись от внешнего мира, наблюдая за радостным, задаренным игрушками Стефаном, желая только одного— быть заботливой матерью и внимательной дочерью. Мадам Руссе напичкала ее и Стефана обильной едой, была с ними трогательно нежна.

Сидя в постели, Клер размышляла о безвозвратно ушедших часах. Трудно поверить, что жизнь вокруг нее также приостановилась, как бы соблющая священное перемирие. Люди, которых она не знала, но чьи планы нарушала своим упорством, продолжали хладнокровно действовать. Даже если они и праздновали рождество, то вся приведенная ими в действие машина неумолимо работала на них.

Например, пульт прослушивания, на который поступали данные обо всех ее телефонных разговорах. О том, как это происходит, Клер еще имела некоторое представление благодаря тому, что читала или видела в кино. Но все остальные махинации повергали ее в отчаяние. Они упорно старались лишить ее конкретных ориентиров. Но «они»— это все. А это значит, что ее возможности очень ограничены, что она ходит по краю пропасти. Она действовала на нервы Антуану Пишо, являлась чуть ли не подозрительной личностью в глазах следователя Пейсака. А этот дурак Жонас лишил ее последней надежды. Может быть, и его следует включить в этот и без того длинный список заговорщиков, желающих ей навредить?

— Что со мной? Рассуждаю, как настоящий параноик,— прошептала Клер.— Возможно, это все лишь многочисленные совпадения, и ничего больше.

Продолжение. Начало в №№ 1—4.

\* Игра слов: «une doude» по-французски значит «фляжка» и «дурочка».

Но для того, чтобы поверить в это, чтобы присодиниться к тем, другим, она должна была забыть множество противоречивых фактов, поселок Гийоз, каким он предстал перед ней туманным вечером, мрачный и тихий, как бы уже охваченный предсмертной агонией; Пьера, которого рвало кровью; дождь из бензина... Множество впечатлений и конкретных фактов. С тех пор малейшая странность казалась ей подозрительной. Например, этот вызов в больницу, причину которого она никак не могла выяснить; хотя все могло объясниться очень просто, если допустить несогласованность в действиях администрации. Клер хотелось зарыться в теплую постель, забыть эти выходящие за рамки логики события, которые она пережила начиная с вечера 20 декабря. Чтобы не поддаваться искушению, она встала, приняла душ, оделась.

Если бы еще она столкнулась лицом к лицу с чьей-то истинно враждебной волей, реальным противником! Но нет, все было туманно, неясно. Ей сказали, что телефон ее матери прослушивается, но она не может это доказать. Если она подаст жалобу прокурору, например, и если допустить, что правосудие будет беспристрастно, как Клер того желает, пройдет несколько дней, прежде чем расследование закончится, и те, кто за ней следит, успеют уничтожить все следы. Так же обстоит дело и с фляжкой, в которой была вода из Гийоза. Они могли ее украсть, и тогда все было бы ясно. Но они поступили куда коварней, заменив подозрительную воду той, которой пользуются сотни тысяч людей. Впрочем, если у нее своего рода психоз, она должна была бы причислить Жонаса к «ним», к тем, кто так упорно стремится опровергнуть все, что она утверждает. Почему нет в конце концов? Бородач готовился поступить в управление по борьбе с мошенничеством, работать в этой системе. Априори можно полагать, что на него оказывали определенное давление.

Спустя час Клер взбиралась по железной лестнице и стучала в дверь квартиры студента. Он не отозвался, и Клер сама открыла дверь. Жонас с тупым видом сидел на диване, на котором, наверное, только что спал. Среди грязной посуды Клер отыскала все необходимое, чтобы сварить крепчайший кофе, и подала его Жонасу в большой кружке. В благодарности он лишь моргнул покрасневшими глазами, морщась, выпил кофе, со вздохом протянул ей кружку и улегся на диван.

— Подождите,— сказала Клер,— потом проспитесь после вашей пьянки.

Жонас с умоляющим видом приоткрыл один глаз.

— Пожалейте,— прошептал он.— Если вы остаетесь здесь, чтобы мучить меня, лучше бы вы ушли с остальными.

— Я не осталась в субботу вечером,— Клер отчетливо произносила каждое слово,— я пришла опять...

— Ах, да!.. Ваша проклятая водичка... Не противней любой другой для того, кому она вообще нравится... Но послушайте меня: если хотите, умывайтесь ею, но ни в коем случае не пейте.

— Вы сказали мне, что это вода из водопровода... И даже из лионского. Вы в этом абсолютно уверены?

— У вас красивый голос,— прошептала Жонас.— В этом я абсолютно уверен... Но сегодня он действует на мои бедные уши, как какая-нибудь кислота.

Клер склонилась к нему;

— Что они вам пообещали за эту подмену?

— Мне что-то обещали?— спросил он равнодушно.— Мне всегда обещают нечто потрясающее... Возьмите в холодильнике лед... Заверните его в тряпку и с легкостью феи положите на мой лоб.

Клер открыла холодильник, но формочки для льда были пусты. Полки тоже, если не считать баночки с горчицей. Она намочила под краном тряпку, выжала ее и подала Жонасу.

— Льда нет,— сказала Клер.

— Я пригласил к себе орду гуннов... Взгляните, не осталось ли чутьчку белого вина. Обычно мне это помогает.

Клер обыскала все, нашла красное вино, налила его в кристаллизатор и предложила Жонасу.

— Вы желаете моей смерти? Я сказал— белого!

Клер принесла ему остатки выдохшегося шампанского. Он выпил залпом, щелкнул языком.

— Неплохо. Так что вы говорили?

— К вам кто-то пришел и попросил не делать анализ содержимого этой фляжки.

— Кто-то пришел... Скажите-ка, с вашей хорошенькой головкой все в порядке? Вы мне дали эту фляжку, и я проделал все анализы. На что вы намекаете? Таких-то друзей присылает мне Ривуар? Ну, я ему скажу пару слов!

Клер отошла от дивана, взглянула в грязное окно, выходящее во двор.

— Простите,— сказала она,— но я возлагала такие надежды на результат этого анализа... В настоящее время в моей жизни происходят довольно странные вещи, и я готова подозревать всех и вся.

— От этого надо лечиться, малышка... Напейтесь как следует, сразу будет лучше... Могу вас заверить, что никто мне не делал соблазнительных предложений и никто не угрожал... В последнее время здесь не было ни одного тайного агента.

Клер улыбнулась.

— Вы принесете мне другую фляжку,— сказал Жонас,— и я вновь проделаю все анализы.

— Это невозможно... Слишком долго вам объяснять...

— Эй! Не уходите, я знаю хороший алжирский ресторан здесь неподалеку... Пойдем есть кускус...

Движение на дороге было небольшое, и Клер, не думая, вела машину. Кошмар продолжался. Какая глупость рассчитывать на какую-нибудь оплошность с их стороны! Они предпочли ночью обыскать машину. Значит, они знали, что найдут в ней фляжку. Следовательно, кто-то видел, как Клер в Гийозе набрала воду. Но она ничего не заметила, не видела никого, кроме родственников погибших, в том числе Антуана Пишо. Клер дала волю своему воображению, и когда она остановила машину у дома матери, у нее была готова приемлемая гипотеза. Может быть, кто-то хотел убить одного или нескольких жителей поселка и отравил воду ядом, который позволил бы затем предположить случайную смерть. Например, концентрированным пестицидом или веществом, использующимся в сельском хозяйстве и содержащим мышьяк или стрихнин.

Почему бы не Антуан Пишо? У его отца могли быть солидные сбережения, а он крепко цеплялся за жизнь. Гийоз располагался в сельской местности, здесь жили крестьяне, люди скупые, бережливые. Антуан поселился в городе, и профессия бухгалтер как будто не переделала его характер. С первой же встречи с Клер он говорил только о деньгах.

«К тому же каждый раз, когда я заговариваю о воде, из-за которой Пьер разболелся, он корчит рожу»,— сказала себе Клер.

Это была соблазнительная гипотеза, однако она не объясняла, например, почему прослушивается телефон. Зато Пишо мог видеть, как Клер наполняет фляжку, прийти ночью обыскать машину. Клер не заметила никаких следов взлома, но открыть замок двери не представляло, вероятно, большой трудности.

— Я думала, что тебя весь день не будет,— сказала ей мать.— Раз ты дома, пойду за покупками... Если хоть один магазин открыт после праздников...

Оставшись одна, Клер позвонила Пишо, не слишком надеясь застать его. Но он был дома и сам подошел к телефону.

— Ах! Мадам Давьер... У меня нет для вас особых новостей... Знаю только, что полиция отпустила шофера цистерны, не получив от него никаких сведений. Он постоянно повторял, что не знает, где и когда потерял документы. Невозможно сказать, лжет он или говорит правду... У вора, должно быть, был сообщник, который следовал за ним на машине. Доставив бензин на место, они бы бросили цистерну, понимаете?

— Мне говорил об этом в субботу жандарм...

— Я, разумеется, поддерживаю связь с мэтром Шарвилем, который занимается нашим делом... Я звоню ему каждый день или он звонит мне, как только узнает что-то новое. Он уже вступил в контакт со страховой компанией... Ситуация, конечно, очень сложная... Некоторые жители поселка являлись клиентами той же компании, что и нефтяная, и это должно все же облегчить дело.

Клер рассеянно слушала, пытаясь собрать всю свою смелость, чтобы заговорить как можно естественнее. Ей трудно было лгать. К счастью, он ее не видит: она покраснела. Клер надеялась, что голос ее не выдаст.

— Я, со своей стороны,— сказала она, когда Пишо замолчал,— все пытаюсь выяснить одну непонятную вещь, которая меня очень занимает.

Клер сделала паузу, и ей показалось, что на другом конце провода дыхание Пишо участилось. Он ничего не спросил, и Клер продолжала:

— Когда я отправилась навестить мужа, он был очень болен... Я вам это говорила, не правда ли... Симптомы были очевидны, а разговаривая с детьми стариков Гийоме, я узнала, что их родителей мучила та же болезнь... У меня есть все основания

думать, что ваш отец тоже был болен, так как мой муж не видел его в течение нескольких дней.

— Хочу вам заметить, что я об этом ничего не знал и что мой отец ничего мне не сообщил,— сказал Пишо сухо.

— Он, кажется, не часто писал вам... Может быть, он не хотел вас беспокоить?

— Не понимаю, почему вы так настаиваете на этом... Для нас всех важен пожар, в котором погибли девять человек и сгорел целый поселок. Мы должны объединить наши усилия и направить их против тех, кто несет за это ответственность. В настоящий момент нашим противником является нефтяная компания, которая, разумеется, все отрицает. Дело будет передано в суд, потому что было бы слишком просто всю ответственность возложить на похитителя цистерны...

— Подождите, мсье Пишо, дайте мне договориться... Прошу вас, немного терпения.

Он что-то пробурчал, но, кажется, готов был слушать.

— Я не видела других людей, потому что, повторю еще раз, когда я приехала, поселок казался вымершим. Было не поздно, однако свет нигде не горел. Но я видела моего мужа и не отреклась от своих слов: он был серьезно болен и жаловался на водопроводную воду... Он даже купил «Эвиан», чтобы не пить воду из-под крана... Но другие, наверное, не прибегли к такой предосторожности... Вот почему в пятницу я ездила в Гийоз и набрала воды в пластмассовую фляжку, чтобы отдать ее на анализ.

Молчание на другом конце провода затянулось, и Клер забеспокоилась:

— Вы меня слышали, мсье Пишо?

— Да, слышал.

Он, казалось, был в ярости.

— Вы отдали эту воду на анализ?

— В настоящий момент ее еще исследуют... Я получу результат только вечером или завтра. Но по первым данным...

Если Клер надеялась, что он проявит подозрительное любопытство, она ошиблась, Бухгалтер хорошо владел своими нервами и не облегчал ей задачу.

— Да, судя по предварительным результатам, эта вода представляла опасность для человеческого здоровья. Это все, что мне пока известно, но как только я получу точные сведения, я немедленно сообщу вам.

— На что вы рассчитываете?— резко спросил Пишо.— Вы сами, без свидетелей, берете воду, отдаете ее неизвестно кому для анализа... И результат превосходит все ваши ожидания.

Клер охватило возмущение, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить спокойствие.

— Вы что, обвиняете меня в фальсификации?

— Нет, но мне непонятно ваше упрямство... Вы занимаете опасную позицию. Вы единственный свидетель этой трагедии, а строите какие-то невероятные гипотезы... Мало вам этой истории с подозрительной водой, так еще— дождь из бензина... Я знаю, что следователь не придает этому никакого значения, но все члены нашей ассоциации очень обеспокоены вашим поведением. Вы оказываете нам медвежью услугу... Нет, поистине вы не делаете ничего, чтобы помочь нам...

— Знаете, что я думаю, мсье Пишо?— закричала Клер в трубку.— Кто-то хотел отравить одного или нескольких жителей поселка, и ему почти удалось...

— А чтобы скрыть свое страшное преступление, он украл цистерну с бензином и поджег поселок?

— Почему бы нет?

— Мадам Руссе, мне очень жаль... Ваш муж погиб в этом ужасном пожаре, и, вероятно, вы еще под впечатлением вашего горя.

— Другими словами, я совершенно сошла с ума?— сквозь зубы проговорила Клер.

— Я не это хотел сказать, но вы потрясены, страшно потрясены... Я понимаю, быть вынужденной оставить мужа в огне...

Иначе говоря, она выдумывала всю эту историю, чтобы избавиться от чувства глубокой вины?

— Вы полагаете, я все выдумала? Болезнь мужа, рвоту, страшную слабость, которую он ощущал? Он не мог работать, едва передвигал ноги.

— Вы испытали жестокий шок, и многие на вашем месте были бы потрясены еще сильнее... Мне кажется, что вы сосредотачиваете все внимание на факте, который имеет значение лишь в ваших глазах.

— Значит, я отравила воду, которая была во фляжке, лишь бы доказать, что не ошибаюсь?

— Я этого не думаю, мадам... Но нужно официально взять пробу, произвести официальный анализ...

— В субботу я вновь ездила в Гийоз... Водопровод разрушен... Оставался только кран в мастерской мужа... Но он был открыт, и вся вода вытекла.

Впрочем, вначале около источника вентили были закрыты... Случайно я обнаружила неповрежденный водопровод в другом доме, но там труба перерезана так, что вся вода, которая оставалась, тоже вытекла...

— Да, конечно,— проговорил Пишо так, словно все это длинное объяснение кажется ему непостижимым.

— Я поеду туда с судебным исполнителем. Пусть он возьмет пробу, запечатает бутылки и отдаст их в официальную лабораторию.

— Но что это нам даст?— вне себя закричал Пишо.— Мертвых вы не воскресите... Вы все запутаете и возбудите недоверие по отношению к нам у властей и суда...

— Вы что, боитесь, мсье Пишо?— бросила Клер в раздражении.

На этот раз наступила совсем другая тишина: наполненная невысказанными чувствами, сдерживаемой ненавистью.

— Простите,— сказала Клер.— Я не хотела вас обидеть.

— Только что вы говорили об отравлении, а теперь подозреваете, что я боюсь... Не имеете ли вы дерзость думать, что я непосредственно замешан в этой безумной истории? Вы истеричка, мадам, и больше никто. Я не стану продолжать этот разговор.

Клер, в свою очередь, повесила трубку, недовольная своей несдержанностью. Ведь она хотела проявить хладнокровие и осторожность, а действовала грубо и так неудачно. Как глупо! Правда, теперь у нее есть хоть один открытый враг, но это слабое утешение.

Она, не мешкая, позвонила в муниципальную лабораторию. Молодой женский голос любезно объяснил ей, что следует сделать, чтобы подвергнуть анализу какое-либо подозрительное вещество.

— В любом случае вы должны обратиться в лабораторию Эна... Думаю, вы можете это сделать в Бурге... Но они выполняют работу не так быстро, как бы вам хотелось... Мы очень загружены.

— Но как взять пробы, пока еще не поздно? Я боюсь, как бы эту воду не ликвидировали.

— Тогда настаивайте, чтобы пробы были взяты теперь, даже если анализ будет произведен позднее.

— Это единственный путь?

— Я знаю, что есть судебные исполнители, которые занимаются подобными делами. Даже знаю двоих в Лионе. Вы можете попытаться договориться с ними.

— Большое спасибо.

Клер записала обе фамилии, поблагодарила еще и повесила трубку. Первый номер не отвечал, что было вполне естественно 26 декабря. Но по второму она дозвонилась.

— Я бы хотела, чтобы это было сделано сегодня,— сказала Клер, предварительно объяснив, в чем дело.

— Как далеко поселок от Лиона?

— Около пятидесяти километров.

— Хорошо, встретимся у въезда в поселок... Я приеду с химиком, с которым обычно работаю; он эксперт в суде. Он привезет стерильные бутылочки и все необходимое... Не скрою, что эта поездка будет стоить довольно дорого.

— Да, знаю,— ответила Клер, не колеблясь.

Она подумала, что мать одолжит ей немного денег до конца января и осуществление ее навязчивой идеи не отразится на жизни Стефана.

— Мы сможем действовать только на участке, который принадлежит вам,— сказал судебный исполнитель.— Разве что получим согласие других лиц...

Как глупо было ссориться с Пишо! Он один мог бы помочь ей. Но стал бы он это делать, если, как думала Клер, совесть его нечиста?

— Я займусь этим,— пообещала она на всякий случай.

— Отлично... Мы сейчас перезвоним вам для проверки. Случается, нам звонят разные шутники...

Клер повесила трубку. Вскоре телефон зазвонил, и она подтвердила свое согласие. Оставалось лишь найти нынешних домовладельцев поселка.

Направляясь во второй половине дня в Гийоз, Клер размышляла о том, что ей повезло. Вначале она позвонила Пишо и извинилась в банальных выражениях. С безразличием, граничащим с през-

Рисунок  
Геннадия  
НОВОЖИЛОВА



рением, он дал согласие на то, чтобы судебный исполнитель взял пробу воды и на участке, принадлежавшем его отцу. Кроме того, он дал Клер адрес Ронди: мадам Ронди была дочерью Гийоме.

Клер попала к ним в разгар обеда. Она была убеждена, что Ронди ничего не поняли из ее объяснений, но документ, подтверждающий их согласие, она получила.

Однако она была неприятно удивлена, увидев на перекрестке вновь появившиеся указательные надписи, которые гласили, что дорога дальше перекрыта. На обочине у въезда в Гийоз стояло несколько автомобилей.

К Клеру направился молодой человек в бархатном костюме, которого она приняла за журналиста.

— Я мэтр Ровери, судебный исполнитель... Вы мадам Давьер? Боюсь, что нам не удастся выполнить работу.

Вновь Клер увидела жандармов. Их было значительно больше, чем раньше.

— Следователь из Бурга приказал закрыть доступ в поселок до тех пор, пока эксперты не составят детальную опись и не дадут предварительную оценку...

— Никак нельзя туда попасть? Даже родственникам погибших?

— Нет, совершенно невозможно.

Он смотрел на нее с подчеркнутой симпатией, которая раздражала Клер.

— Сожалею,— сказала она.— Но счет вы мне пришлите.

— Все, что я могу, это констатировать, что нас лишили возможности выполнить работу.

— Как вам угодно,— прощептала Клер.

— Так моя поездка окажется напрасной,— произнес он непринужденно.

Клер совершенно упала духом. Она могла лишь сожалеть, что вела все телефонные разговоры из квартиры своей матери. Еще одна глупость. Теперь у нее были все основания верить, что телефон прослушивается.

Продолжение на 26-й стр.

# А ЧТО У ВАС?

А в самом деле, что у вас нового, что интересного, необычного? Оглянитесь вокруг, всмотритесь пристально в привычное — и окажется, что ваш товарищ по цеху придумал уникальное приспособление, облегчающее труд десятка людей, а сосед по лестничной площадке — хранитель необычной коллекции, и вообще в вашем городке действует единственное в своем роде... Впрочем, мы не знаем, что же такое необычное есть в вашем городе, потому что вы пока не написали нам об этом. И напрасно! Поделитесь своими открытиями со всеми! Ждем ваших писем, фотографий, рисунков. Ну, а если вы не уверены в своем перо, если сомневаетесь, сможете ли ярко, точно описать увиденное, пришлите нам заявку на тему — репортеры «Смены» выполнят ее.

## ГРУЗОВИК НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Пожалуй, ни одному из отечественных грузовых автомобилей не выпадало столько работы, сколько старому, заслуженному ЗИСу.

С десяти ЗИСов началась в 1952 году история Тайшетского автопредприятия. Эти десять, работая почти круглосуточно, вывозили хлеб из отдаленных хозяйств, доставляли стройматериалы, продукты, оборудование разворачиваемых стройкам региона. А некоторым из них посчастливилось участвовать в прокладке первых дорог сквозь тайгу. Давно уже на смену грузовикам-ветеранам пришли богатырские КраЗы и КамАЗы. Тайшетское городское автохозяйство превратилось в мощное современное предприятие.

Но не забыты заслуги первых грузовиков-работяг, как не забыты имена первых водителей Тайшета, в ту пору комсомольцев Г. Романова, А. Мессерова, Г. Мингазетина и других, пробивавших заснеженные колеи там, где теперь пролегли магистрали. Недавно руками комсомольцев и молодежи городского автопредприятия восстановлен старый, отслуживший свое ЗИС-5. Он занял почетное место на бетонном постаменте, став памятником трудовой славы тайшетских автотранспортников.

Ян ПЕТРОВ

## ЛПК — СТРОЙКА ДРУЖБЫ

### СИБИРЯКИ ИЗ БОЛГАРИИ

Тысячи километров разделяют солнечную Болгарию и сибирский город Усть-Илимск. Но посланцы Димитровского комсомола чувствуют себя на сибирской земле не гостями — здесь они работают на стройке СЭВ, сооружают крупнейший в Европе лесопромышленный комплекс.

Водитель многотонного КраЗа Славчо Полиев приехал сюда четыре года назад. И все это время его машина работает без капитального ремонта, а нынче Славчо трудится уже в счет одиннадцатой пятилетки.

Здесь, на стройке, он и женился — его свадьба была первой интернациональной в Усть-Илимске. Скоро три года исполнится сыну, и любимая его игрушка — футбольный мяч.

— В отца растет, — смеется Люда, жена Славчо, — ведь он нападающий в футбольной команде болгарского молодежного отряда...

Фото Владимира БЕЛЫХ



## дирижабль — разведчик Венеры?!

На смену оптическим наблюдениям пришли методы радиозондирования. Затем один за другим плотную атмосферу ближайшей соседки Земли стали пронзать спускаемые аппараты автоматических межпланетных станций. Так шаг за шагом последовательно и целенаправленно ведется разведка загадочной Венеры.

Расчеты, проведенные в Институте космических исследований АН СССР, показывают, что в будущем в качестве долговременных исследовательских станций перспективно использование летающих лабораторий, удельный вес которых легче венерианского воздуха, то есть дирижаблей и аэростатов.

Наиболее удобная для полетов в атмосфере Венеры высота около 50 километров. Давление, плотность, температура на такой высоте соответствуют примерно параметрам земной атмосферы у поверхности нашей планеты. Поэтому там можно использовать почти такие же летательные аппараты, как и на Земле.

Для исследований на малой высоте можно будет использовать аппараты, чем-то похожие на современные глубоководные батискафы и батиспланы. Ведь давление у поверхности Венеры в сто раз больше земного. Вот только температура там намного выше, чем в земных океанах, — до 500 градусов Цельсия! И конструкторам придется немало потрудиться, чтобы обеспечить земным приборам нормальные условия работы.

Не исключается возможность использования на Венере и дирижабля с изменяемой геометрией корпуса, например, дископлана. Форма этого аппарата в зависимости от давления и плотности среды может меняться от дисковой до шаровой. Дископлан удобен для проведения исследований на разной высоте.

Некоторые конструкции венерианских дирижаблей — с мягкой компактной оболочкой — могут быть доставлены на Венеру уже современными ракетами-носителями. Так что, вероятно, не за горами время, когда такой дирижабль станет пассажиром очередной межпланетной автоматической станции.

Николай СЛАВИН

ОЛИМПИАДЕ-80

## ЦВЕТЫ ДЛЯ ЧЕМПИОНОВ

Безусловно, они должны быть не менее знамениты, чем призы предстоящих Олимпийских игр. Об этом побеспокоились ученые Центрального ботанического сада Белоруссии. Два сорта роз, выведенных ими, завоевали Золотую медаль на международной выставке в Чехословакии.

Эти цветы-медалисты и будут вручены победителям Московской Олимпиады.

МУЗЕИ

## 700 ТЫСЯЧ СТРАНИЦ МУЗЫКАЛЬНОЙ КНИГИ

Гитару, подаренную цыганкой-певицей Шаляпину в Нью-Йорке, спинет прошлого века, китайский шэн, похожий на фантастическую птицу Феникс, коллекцию серебряных музыкальных инструментов, представляющую собой не только художественную, но и историческую ценность, так как каждый инструмент вручался полку за какой-нибудь подвиг и его потеря была равнозначна потере знамени — эти и другие интереснейшие инструменты вы сможете увидеть в Центральном музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

Отличительная особенность этого музея в том, что каждый его экспонат является единственным в своем роде.

Здесь хранятся рукописи, нотные автографы, личные архивы крупнейших музыкальных деятелей. В музее собрана большая коллекция эскизов декораций, написанных известными художниками к операм, балетам, опереттам. При музее — солидная фонотека, состоящая из 50 тысяч пластинок и магнитофонных записей. Здесь же находится крупнейшее уникальное собрание народных музыкальных инструментов из всех советских республик и более чем из 50 стран мира. Всего в музее, выражаясь языком специалистов, 700 тысяч единиц хранения. И каждая «единица» — это интереснейшая страничка музыкальной истории.

Музей проводит большую общественную работу — организует выставки, научные сессии, концерты, отмечает юбилейные даты известных музыкантов.

Каждый день в залы музея приходит много людей, и в первую очередь молодежь. Музей приглашает к себе всех, кто хочет больше узнать о музыкальной культуре разных времен и народов.

Игорь ДУБРОВИН



## «ЛЕВША»

Если бы легендарный Левша, тот самый, который «аглицкую блоху» подковал, вдруг оказался сегодня в родной Туле, то, вероятно, был бы приятно удивлен встрече со своими многочисленными наследниками.

Десять лет уже работает в городе клуб самодельного народного творчества, который носит имя Левши. Начинали энтузиасты с малого. Первые занятия клуба посещали лишь несколько человек. Сейчас же от желающих стать членами клуба «Левша» отбою нет. И никому не отказывают в приеме.

На юбилейной выставке работ любителей прикладного искусства демонстрировались двести тридцать работ 45 авторов — лучшие из лучших.

Неизменное внимание посетителей выставки привлекали работы известного гравера-оружейника Ивана Васильевича Щербино. А рядом с неповторимым по красоте и тщательности обработки футляром для охотничьего ружья, сделанным мастером, — небольшая инкрустированная металл штатулка. Под ней тоже фамилия Щербино. Но это творчество сына Ивана Васильевича — пятнадцатилетнего Сергея. В его работах уже уверенно проступает почерк достойного продолжателя знаменитой династии.

А тульский машиностроитель Анатолий Липатов отдает себя другому увлечению — резьбе по дереву. Его работы экспонировались с неизменным успехом на республиканских и всесоюзных выставках. Свою новую деревянную миниатюру Анатолий посвятил 600-летию Куликовской битвы. Скульптура называется «Поединок» и отображает решающий момент схватки двух богатырей — Пересвета и Трубача. Под светом лампы, выхватывающим из полумрака фигуры всадников, дерево, кажется, оживает. И вот уже видятся там, дальше, в темноте, ожидающие боя полки Дмитрия Донского и слышится беспокойное ржание коней...

Работы фрезеровщика Александра Гордеева не оставили равнодушными тульских модниц. Очарованные, стояли они у стенда, где были выставлены оригинальные украшения из серебра и мельхиора.

А Николай Зубков для своих работ берет самый «прозрачный» материал — рога и копыта животных. Но, глядя на изготовленные из них миниатюры, изображающие птиц, зверей, героев народных сказок, хочется говорить стихами.

Выставка работ умельцев клуба «Левша» сделала его еще более популярным. После ее посещения немало появилось желающих заняться прикладным творчеством. И многие задавали умельцам вопрос: в чем же секрет мастерства? Хитро улыбаясь, Иван Васильевич Щербино отвечает на это так: «Навыки и приемы работы мы вам охотно передадим. А секрет надо постичь самому. Ключ к нему — любимая поговорка тульских мастеров: «Дело мастера боится».

Валерий ПЛЕШАКОВ

Фото Николая КАРАСЕВА



## Киносеанс на втором этаже... автомобиля

Едущий по шоссе среди прочих машин этот «КамАЗ» с прицепным крытым фургоном может привлечь к себе внимание разве что крупной надписью на борту «Миннефтегазстрой». В остальном машина как машина. Даже бдительные сотрудники ГАИ, улавливающие на глаз всякое изменение конструкции автомобиля, остаются спокойными — все габариты этого 10-метрового автопоезда строго соответствуют установленным нормам.

Но вот машина, покинув оживленную автотрассу, остановилась. Водитель нажал кнопку — и кузов начал плавно расти вверх. «Возведенный» всего лишь за несколько минут второй этаж может принять до тридцати гостей. Для этого им нужно пройти через маленький холл и подняться по лестнице. А необходимая аппаратура — кино- или диапроекторы, цветной телевизор, видеофон — будет доставле-

на сюда специальным лифтом. И так, в зависимости от программы к услугам посетителей салона «автомансарда» — просмотр кинофильма, телепередач, лекция или беседа.

Не менее напряженной творческой жизнью живет и первый этаж бывшего фургона. Здесь расположены студия телезвукзаписи, экспресс-кинофотолаборатория, библиотека. Словно страницы гигантской книги, «раскрываются» и стены фургона, образуя стелы передвижной выставки, общая площадь которых около трехсот квадратных метров.

Не обижен отсутствием комфорта и экипаж этого клуба на колесах. Для тех, кому на борту агитмашины предстоит дальние и долгие дороги, предусмотрены удобные купе, небольшая электрокухня, горячая вода, автономный санузел.

Такая удивительная машина уже

существует. Правда, пока что в единственном, экспериментальном экземпляре. «Придуманная» сотрудниками пресс-центра Миннефтегазстрой, она изготовлена на Волоколамском заводе строительных конструкций.

Предназначена агитмашина для пропаганды достижений научно-технического прогресса, социалистического соревнования и передового опыта в удаленных поселках строителей нефти- и газопроводов. На спидометре новой машины уже «накручены» первые тысячи километров. Опыт первых маршрутов поможет конструкторам и строителям при создании очередной агитмашины.

Нынешней весной в Миннефтегазстрой планируют дать старт длительному агитпробегу. Курс — трубопровод Сургут — Полоцк.

Раиса АЛЕКСАНДРОВА



СТРАНИЦЫ  
НАШЕЙ  
ИСТОРИИ

## Пинцет, ланцет и мушкетон

Военному лекарю как литературному персонажу не очень-то повезло. Повествуя о битвах давно минувших лет, писатели то выписывали образы знахарок, заговаривающих раны, то ловких костоправов.

Но не заговорами лечили русских воинов. Заглянем в уставы князя Владимира Святославича. В них первые упоминания о больницах, «лечцах».

Лечили увечных не только при монастырях. Знала Русь и светских докторов. Не без их участия, кстати, князю Святославу Ярославичу сделали «резание желве» (язвы). Уже в «Изборнике» 1073 года описаны способы хирургических операций, излечения психических, кожных и желудочно-кишечных заболеваний.

К началу петровской эпохи уже все полки были укомплектованы лекарями. А в 1706 году в Москве открылся госпиталь с лекарской школой, где готовили медиков-хирургов для войск. Здесь на каждого больного стали заводить «скорбные листы» — истории болезни. Некогда маленький деревянный особнячок с анатомическим театром превратился позже в главный клинический военный госпиталь (ныне имени Бурденко). Во время войны с Наполеоном тут приняли более 17 тысяч раненых.

В Бородинском сражении из 120 тысяч русских было ранено и контужено 19899. Армия располагала временными госпиталями с коечной сетью из расчета на каждого десятого воина. О формировании госпиталей Барклай де Толли распорядился за месяц до Бородина.

Огромен вклад петербургской Военно-медицинской академии (ныне — имени С. М. Кирова) в мировую науку. В ее стенах работал Пирогов, который участвовал в военных действиях на Кавказе, в Крымской войне. По его методу в осажденном Севастополе было с успехом осуществлено более 1000 операций под наркозом. Ему же принадлежит идея использовать труд сестер милосердия. Первый в России профессор госпитальной хирургии, он спас Гарибальди, сделав ему операцию.

Перед зданием академии стоит памятник Боткину. Этот военный врач явился основоположником русской клинической медицины. Отставной прапорщик саперного батальона Сеченов, став профессором академии, трудом «Рефлексы головного мозга» заложил основы материалистической психологии. Академик, лауреат Нобелевской премии Павлов — также профессор академии. Здесь же трудился Склифосовский.

Опираясь на эти достижения, советская военно-медицинская служба осуществила подлинно революционные преобразования в организации врачебного дела в армии и на флоте. В битву с фашизмом она вступила, располагая передовой медицинской теорией и развитой материально-технической базой. Из десяти раненых семь возвращались в строй. 44 военных медика были удостоены звания Героя Советского Союза, 116 тысяч награждены орденами и медалями.

И сегодня, в мирное время, военврач — уважаемая фигура в Советской Армии. В походе и на учениях он всегда вместе с молодыми воинами.

Николай САУТИН

## ЗООПАРК ВО ДВОРЕ

Диане Микитовой есть чем гордиться перед мальчишками и девчонками: ведь у ее папы во дворе — настоящий зоопарк!

Особенно интересно было летом. Все село Троицкое заходило полюбоваться яркими павлинами, грациозными журавлями, пугливыми лисами и резвящимися борзыми и фокстерьерами. Сейчас хозяин — буровик Михаил Микитов — отпустил некоторых зверей, оставив только теплолюбивых. Выскочит Диана с маленьким братцем Тимуром по морозцу на улицу, приникнет к окошечку, за которым думают о чем-то своем заморские птицы, и сразу вспомнится лето, разноцветье красок.

Ее папа зверей любит с детства. Сейчас по роду работы ему неделями приходится в степи наблюдать первозданную жизнь. А чтобы и другие полюбили живое, чтобы детям своим привить доброе отношение к братьям нашим меньшим, стал приносить зверей домой, выписывать их из других городов.

С наступлением тепла Микитовы думают пополнить свой зоопарк фазанами, утками, лебедями.

Геннадий КУРОВ.

Фото Владимира МАНСУРОВА.  
Калмыцкая АССР.

**Г**лавный приз на XVI Международном кинофестивале в Карловых Варах за фильм «Зной», «Серебряный лев» Венецианского кинофестиваля за фильм «Ты и я», «Золотой медведь» кинофестиваля в Западной Берлине фильму «Восхождение» — не каждый кинорежиссер может похвастаться такой «коллекцией».

Между тем это только часть международных наград Ларисы Шепитько, а были и премии всесоюзных киносмотров, где каждая ее картина становилась событием, центром горячих дискуссий.

И не раз зрительный зал замирал от восхищения и неожиданности, когда на сцену поднималась стройная, медноволосая, зеленоглазая Лариса Шепитько. Она не была похожа на режиссера. Незнакомому с ней легко было ошибиться, приняв ее за актрису. В справедливости этих слов я убедилась, встретившись с Шепитько: сильный, низкий голос, энергичный жест руки, страстность и убежденность человека, знающего, что его слушают.

Многие советовали Ларисе поступать на актерский факультет, прочили ей большое будущее как актрисе. Лишь однажды в фильме Элема Климова «Спорт, спорт, спорт» Шепитько сыграла царицу, в полном смысле слова «снедаемую муками любви», закатывающую глаза, с закушенной от страсти губой, — сыграла озорно, фарсово... Но она подала заявление на режиссерское отделение Всесоюзного государственного института кинематографии и была принята в мастерскую Александра Петровича Довженко.

Время, проведенное в институте, Шепитько вспоминала охотно и с особой теплотой.

— Мне было тогда шестнадцать лет. Мы впервые

считая, что «нет такой черты, после которой можно сказать, что ты освоил режиссерскую профессию и считаешь свое образование законченным».

— Мои университеты, — сказала однажды Лариса, — закончатся только с моей биографией в кино. Специфика и уникальность профессии режиссера в том, что она требует от человека ежесекундного обновления, способности каждый раз ощущать и видеть мир новыми глазами. Не знаю, может быть, другим режиссерам помогает уверенность в себе, ощущение собственной силы, для меня этим толчком являлась как раз неуверенность в себе, ощущение собственного несовершенства. Постоянное сомнение в самой себе, желание достичь цели, которая от тебя все время ускользает, — в этом есть какая-то одержимость. Все это смахивает на сон, когда кажется, что предмет рядом, только дотянуться, и он в руках. Ан нет, все время ускользает. Это бесконечное дотягивание до цели и есть, в сущности, мое представление о существовании в кино, в режиссуре.

ВГИК был этапом ее «университетов». Здесь проявился интерес режиссера к современному материалу, к проблемам сегодняшнего дня, желание по своему ответить на злободневные вопросы.

Позиции были заявлены. Это подтвердила дипломная работа Шепитько «Зной» — первая ее полнометражная картина.

Когда от киностудии «Киргизфильм» пришло предложение экранизировать повесть Чингиза Айтматова «Верблюжий глаз», Шепитько сразу же согласилась. Вместе с Ириной Поволоцкой они начали писать сценарий будущего фильма. Вскоре группа вылетела к месту съемок.

Съемки проходили в трудных условиях. Заболели оба постановщика. Заболела исполнительница глав-

трудности бескомпромиссного комсомольского активиста, нет инфантильного, засыпавшегося на экзаменах в институт маленького сына, нет традиционно перевоспитывающегося в конце хулигана, нет торжественной встречи с оркестром по случаю приятия, нет головокружительных рекордов... Вся ситуация выглядит не только не торжественной, но даже чуть заземленной.

Герой повести — вчерашний школьник Кемель — решает ехать на целину, работать в бригаде трактористов. В отличие от своих экранных предшественников он не провалился в институт — он просто туда не поступал. А торжественная встреча героя и вовсе не состоялась, так как по дороге Кемель заснул и проснулся только по приезде.

В центре фильма, как и повести, отдаленная колхозная бригада из пяти человек. Там Кемеля встретили без особых восторгов, кое-кто просто враждебно. И работать ему пришлось не прицепщиком, как было сказано в комсомольской путевке, а водовозом, на старенькой, потрепанной бричке.

Казалось бы, события повести лишены масштабности. Сюжет фильма — камерный: объект режиссерского внимания — область человеческих взаимоотношений, анализ нравственного микроклимата, сложившегося в этой оторванной от людей бригаде.

Стержень фильма — конфликт между Кемелем и Абакиром, между двумя непримиримыми характерами. Даже внешне Кемель — небольшого роста, угловатый, совсем мальчишка (в этой роли снялся молодой Болот Шамшиев, ставший позднее кинорежиссером), в то время как Абакир — настоящий богатырь, широкоплечий, сильный (актер Нурмухан Жантурин). Он опытный тракторист, прекрасный работник, а Кемель не знает поначалу, как правильно запрягать лошадь.

Марина БАЗАВЛУК

# ВОСХОЖДЕНИЕ

ПОРТРЕТ РЕЖИССЕРА ЛАРИСЫ ШЕПИТЬКО

увидели глазами Довженко не только таинственный мир кино, но и открыли для себя всю красоту его, поэзию, гармонию. Обучить нас профессии кинорежиссера было для него не самым главным. В каждом из нас он видел прежде всего человека, исходя из известной истины: фильм — это прямая проекция личности художника. В этом причина фантастического экстремизма Довженко в отношении всякого рода приспособленцев, ремесленников, рассматривавших кинематограф как средство делания денег, карьеры. Он считал это преступлением. Такой режиссер не просто «разденет» самого себя, что стало бы фактом только его биографии, но, самое главное, дискредитирует искусство, передав миллионам людей ложное восприятие истин. Этим объясняется поразительная категоричность его нравственных требований к режиссеру. Естественно, что заданный им камертон максимализма в отношении к искусству и к самому себе — это, конечно, то, что каждый из нас старался сохранить. Кстати, я тогда не предполагала, как трудно следовать советам учителя на протяжении всей жизни.

Курс, где училась Лариса Шепитько, оказался для Довженко последним. Его не стало, когда студенты были еще только второкурсниками. Но и за столь короткий срок общения Довженко стал для них тем, с кем советуется и мысленно соизмеряют свои поступки — житейские и творческие. На своей первой лекции Довженко сказал, что в искусстве имеет смысл работать только тому, кому есть что сказать зрителю. И эти в общем-то не новые, часто повторяемые в стенах ВГИКа слова имели особый смысл для Шепитько. Студенческие годы Ларисы в полном смысле слова годы поисков своей темы, своего материала. Экранизация рассказа К. Паустовского, одного из любимых ее писателей, и первые пробы пера (попытка создать фильм по собственному сценарию), обращение к документальному материалу и поиски возможных его сочетаний с игровым, — думаю, что еще во вгиковских короткометражках, несовершенных, не во всем удавшихся, Шепитько состоялась как режиссер. Хотя сама она нередко возражала против этого,

новой роли. Работу пришлось приостановить. Поволоцкая уехала в Москву. Шепитько осталась и, едва поправившись, продолжила работу над фильмом.

«Зной» вышел на экран через три года после того, как Лариса окончила институт. Не все и не сразу приняли этот фильм, отмеченный позднее всесоюзными и международными наградами.

Что привлекло Шепитько в повести Чингиза Айтматова? Только ли то, что кинематограф почти не обращался к его прозе?

В повести «Верблюжий глаз» писатель увидел знакомую ситуацию — молодежь на целине — по-новому. В повести нет многочисленных эшелонов, спешащих на целину. Нет легко преодолевающего



КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМОВ ЛАРИСЫ ШЕПИТЬКО: «ВОСХОЖДЕНИЕ», «ТЫ И Я», «ЗНОЙ».

Когда-то судьба улыбалась Абакиру: трудовые победы, слава, почет; сейчас от всего этого остался небольшой альбомчик с вырезками из газет, печатавших его портреты. Но за ошеломляющими цифрами рекордов никто не разглядел да и не мог разглядеть человека. Ведь если бы кто-нибудь заглянул в душу Абакира, то обнаружил там духовную черствость, грубость, эгоизм — все, что писатель назвал одним словом «байство». И в повести Абакир — олицетворение предрассудков. Шепитько по-своему переосмыслила этот образ. Ее Абакир — продукт неправомерно возвеличивания нравственно незрелого человека, уверовавшего в собственное превосходство, собственную непогрешимость.

Поэтому финал фильма отличается от финала



повести. В повести Абакира «уводит» из бригады золотой слиток, случайно отрубый мелехом и сулящий легкую, «чистую» жизнь. В фильме Абакир уходит, потому что посрамлен нравственно, духовное превосходство осталось за сопляком-мальчишкой, разрушившим в глазах людей и, главное, самого Абакира пьедестал, на котором тот возвышался по инерции уже много лет. Уход Абакира — первый его шаг к нравственному осмыслению самого себя.

Шепитько переакцентировала конфликт старого и нового, который в повести Айтматова был предельно конкретен. Новое в жизни начинается с преодоления старого в человеческой душе — об этом говорилось в фильме «Зной», говорилось прямо, открыто и своевременно.



Творчество Шепитько всегда отличала способность ощущать пульс времени, умение из множества проблем, стоявших перед современным человеком, выбрать самую актуальную. Для нее понятие «художник» было нераздельно связано с понятием «гражданин».

— Что такое, по-вашему, художник? — спросила ее и получила такой ответ:

— Это человек, живущий в определенном времени и так или иначе выражающий себя и свое время, человек, который находится в определенных взаимоотношениях с обществом, реагирует на все процессы общественной жизни. Если так понимать гражданскую направленность этой профессии, то совершенно естественно предположить, что обращение режиссера к какому-то материалу, каким-то проблемам — следствие его реакции, потребности высказаться по некоторым вопросам, волнующим его как члена общества. Это абсолютная аксиома. Можно уходить от современных проблем и заниматься только классикой, используя ремесло и совершенствуя свою руку, но это не для меня. Для меня кино не профессия, а способ существования в жизни. Есть круг проблем, мимо которых я как человек не могу пройти, и я обращаюсь к ним в работе, я их по-своему осмысливаю, у меня появляется естественное желание поделиться своими размышлениями с другими людьми. Как человек, я усматриваю какую-то тенденцию в определенных явлениях, здоровую или нездоровую. По этому поводу и высказываюсь. Я естественно существую в своих фильмах. По крайней мере старалась не нарушать естественности своего дыхания и не совершала насилия над собой ни ради деловых, ни ради меркантильных соображений.

Когда смотришь фильм «Крылья», сделанный двадцатисемилетней Ларисой Шепитько, поражает гражданская зрелость режиссера, обращающегося к зрителю от лица своего поколения, глубина понимания внутренней сущности героини, которая по возрасту годилась бы Шепитько в матери.

Кто хоть раз видел картину, не забудет Надежду Степановну Петрухину. Некрасивая, угловатая, рез-

кая, с громким голосом, в уродливом костюме мужского покроя — такой увидели ее режиссер и исполнительница главной роли Майя Булгакова. Первое ощущение от встречи с ней — неприязнь. И только позднее узнаешь, что Петрухина — бывшая летчица, гвардии капитан (кстати, так первоначально назывался сценарий Валентина Ежова и Наталии Рязанцевой), что единственную в ее жизни любовь унесла война, что приемная дочь (Петрухина взяла из детского дома девочку в надежде, что та будет «ближе к матери») сбежала из дому.

Петрухина в мучительном разладе с настоящим. Она осталась в прошлом, живет им, сверяет по нему свои поступки и мысли. Ко всему, что не укладывается в критерии этого прошлого, она относится нетерпимо. Петрухина одинока, потому что своими руками выстроила стену, отгородившую ее от людей.

Она директор профессионально-технического училища, лучшего, образцового в городе, с самым современным оборудованием, с самыми красивыми классами, с самой лучшей художественной самодеятельностью. Петрухина старается не для себя: грамоты на конкурсах, статьи в газете — все это для ребят, для ее воспитанников. А в ответ на свежеспеленной стене одного из классов появляется ее «портрет» с перекошенным от злости лицом.

Ей безразлична судьба ее учеников. Она искренне хочет помочь мальчику из «неблагополучной» семьи, но делает это бестактно, напролом вторгаясь в его жизнь. А в ответ получает: «Я вас ненавижу!»

Петрухина горячо любит дочь, хочет видеть ее счастливой. Но то, что кажется бесспорным матери, не разделяет дочь. Постепенно они отдаляются. И повзрослевшая Таня начинает избегать, стесняться своей старомодной, привыкшей «резать правду в глаза» матери.

Фильм Шепитько сложен, как неоднозначна и его героиня.

По-настоящему Петрухину начинаешь понимать после полного драматизма эпизода в маленькой «забегаловке», где две женщины — она и буфетчица, за внешней грубоватостью которой угадывается такая же, как у Петрухиной, надломленная судьба (в этой роли ярко, неожиданно выступила Римма Маркова), — кружатся, напевая «Сказки Венского леса» («Большой вальс» был одним из популярных фильмов военного времени).

Что-то важное осталось бы недосказанным в судьбе героини, не будь в фильме сцены в городском краеведческом музее, куда приходит Петрухина на встречу с прошлым: здесь фотографии ее однополчан, здесь ее молодость, здесь можно забыть, успокоиться. Но как успокоиться, когда в ушах неотвязно продолжает звучать вопрос, заданный экскурсоводу ничего не подозревавшим мальчишкой: «А Петрухина погибла?»...

Финал фильма метафоричен. Петрухина приходит в безлюдный ангар городского аэроклуба, садится в самолет и взмывает в небо. Крупным планом — счастливое, улыбающееся лицо героини, у которой вновь «выросли крылья», вновь возродилась нерасторжимая связь с миром.

Надежда Петрухина стала первой большой ролью Майи Булгаковой, до того много снимавшейся в эпизодах. Шепитько в полном смысле слова открыла эту актрису, которая, пользуясь скудными, неяркими красками, сумела точно раскрыть сложность, внутреннюю противоречивость характера своей героини. Такую тональность актерской игре задавала жесткая режиссура. В свое время Михаил Ромм назвал «Крылья» — исследованием жизни мужским способом. Да и многие из тех, кто писал о Шепитько, отмечали, что у режиссера «мужская рука». Я знаю, что она не считала это комплиментом.

— Есть кинематограф, — чаще всего отвечала на это Шепитько, — и есть «дамское рукоделие». Кинематограф доступен и женщинам и мужчинам, как, кстати, и дамское рукоделие. А поскольку женская часть в кинематографе малочисленна, всегда больше на виду, то любая попытка сделать серьезное кино встречается с некоторой осторожностью, а любое среднее существование вылетает в разряд «дамского рукоделия» и подвергается тройному остракизму. Я, женщина, рассматривала свое существование в кинорежиссуре все-таки как случайное. По всем ныне существующим требованиям эта профессия больше под силу мужчине. Ведь, как известно, кино не только вид искусства, но и производство. С одной стороны, чисто физическая выносливость, организационные способности, деловые качества, умение так спланировать работу группы, чтобы вовремя выполнить производственный план, с другой — творческое соответствие профессии кинорежиссера. Эти, казалось бы, несоединимые кривые должны пересечься в

одном человеке. Такого сочетания очень трудно добиться от женщины, которая, занимаясь творческой и организационной мужской деятельностью, должна еще оставаться собой. Мне это почти не удавалось. Во время работы все мои естественные женские качества, которые в другой ситуации могли бы оказаться достоинствами, начинали мне мешать, я отменяла их как недостаток. В этом смысле существование у меня было неполным. Я становилась жестче, суше, замкнутой, я целиком и полностью, как в пропасть, бросалась в кино и видела окружающий мир только после окончания фильма. Все «радости жизни» были для меня недоступны, пока я работала. В этом смысле профессия режиссера неорганична для женщины.

Как-то Шепитько сказала, что ни один из своих фильмов не стала бы снимать заново. Размышляя над ее творчеством, приходишь к убеждению, что это не эффектно брошенная фраза. Каждая ее картина — срез определенного времени, зеркало интересов, нравственных и эстетических постижений, идей, которые владели в тот период режиссером.

«Ты и я» — фильм об ответственности человека перед самим собой и перед людьми за каждый, иногда кажущийся малозначительным, поступок, фильм о тридцатилетних, о поре подведения первых итогов. Сценарий, написанный с Геннадием Шпаликовым, рассказывал о врачах-нейрохирургах. Герои фильма — Петр (Леонид Дьячков) и Саша (Юрий Визбор) вместе учились в медицинском институте, вместе работали над интересной и перспективной научной темой. В фильме друзья встречаются, когда каждому из них уже за тридцать, а о юности напоминает лишь старая фотография: счастливые, радостные лица, а в центре ее виновник торжества — серый, невзрачный пёс с перебинтованной головой, первый, выживший после операции.

Работа так и не была закончена. Петр уехал за границу, работал врачом в медпункте посольства — отрывал от дел занятых людей, по собственному его свидетельству. Саша ушел в министерство — так сложились обстоятельства. Тридцать лет — критический возраст, когда вопрос: «Правильно ли я живу?» — встает перед человеком и требует ответа. И Петр и Саша отвечают на него одинаково отрицательно. Но лишь у одного из них хватает сил начать все сначала. Петр бросает спокойную работу и уезжает в Сибирь, чтобы работать там врачом «Скорой помощи». Постепенно приходит уверенность, что он на своем месте, что делает нужное людям дело. Но вот в больницу поступает худая, изможденная болезнью девочка с большими черными, молящими о помощи глазами. Помочь ей невозможно. Она обречена на смерть. Такую операцию, которая необходима ей, Петр пробовал делать десять лет назад, на собаках... Но так и не довел начатое дело до конца.

Финал фильма — глаза девочки, как вечный укор нашей совести, напоминание: живи этой жизнью, радуйся ей, цени ее, не имейшь права прожить ее вполовину.

Шепитько не считала «Ты и я» творческой удачей, хотя признавалась, что эта картина была для нее самой поучительной. Действительно, фильм не был похож ни на одну из ее предыдущих работ. «Ты и я» не вписывался в рамки жанра социально-бытовой драмы. Режиссера перестала устраивать старая документальная стилистика, впервые найденная в «Зное», а затем блестяще развитая в «Крыльях». Новый фильм индикатор, по жанру приближается к притче. Если в «Крыльях» режиссер расставляла все точки над «i», зритель оставалось только соглашаться с этим или не соглашаться, то «Ты и я» активно включал зрителя в свою образную структуру, приглашал размышлять вместе с авторами фильма.

Картина была, пожалуй, самой дискуссионной работой Ларисы Шепитько. Не все приняли фильм. Но творческую биографию режиссера трудно представить без этого глубоко личного, откровенного произведения.

По собственному ее свидетельству, Шепитько начала следующую свою работу, только если ощущала, что интересующая ее сейчас проблема стала жизненно важной, захватила все ее существо.

— Я могу умом оценить прекрасный сценарий с талантливыми актерами, — часто любила повторять она, — но никогда не стану его снимать, пока вдруг не почувствую, что если не сниму, то умру. Это, конечно, непрофессиональный подход к кино. Но этим объясняется моя устремленность к одной какой-то теме. Если она захватила меня, если я вся в нее ушла, остановить меня уже невозможно, я сама себя не могу остановить. И в этом смысле я делала каждую картину как последнюю.

В 1976 году Шепитько закончила съемки фильма «Восхождение» по повести Василя Быкова «Сотников». Может показаться, что в этой картине режиссер впервые «изменила» современному материалу. Но обращение Шепитько к прозе Быкова закономерно. Описывая события военного времени, писатель обращается в первую очередь к сегодняшнему поколению,

измеряя нравственным опытом, извлеченным из огня войны, наши сегодняшние побуждения, поступки. Духовные возможности человека безграничны — эта главная мысль «Сотникова» оказалась близкой режиссеру.

Шепитько увидела в материале войны те необычайные, экстремальные ситуации, которые обнажают в людях все, что ранее тщательно скрывалось от чужого глаза, все личные сокровенные уголки человеческой души. Писатель и режиссер отказались от привычных стереотипов «военного героизма». Их герои, партизаны Сотников и Рыбак, выполняют самое прозаическое задание, отправляясь на соседний хутор за продуктами для партизанского отряда. Им приходится долго плутать по заснеженному полю. Но когда, наконец, задание выполнено, их настигает полиция.

На карту поставлено самое дорогое — жизнь. И Рыбак, сильный, криксивый, физически выносливый, не выдерживает. Слепленный страхом, предает Сотникова, предает товарищей-партизан, спасая свою жизнь, вступает в полицию. А Сотников, щуплый, больной, измотанный переходами, Сотников, от которого меньше всего ожидаешь чего-либо героического, находит в себе силы выстоять. Ни страшные физические мучения, ни угроза близкой смерти не в силах угасить в нем огонь духовной веры. Жизнь, купленная ценой предательства, не имеет для него смысла, и Сотников предпочитает умереть. Духовная сила героя помогает не только ему оставаться до конца человеком. Ни один из тех, кто провел рядом с Сотниковым последнюю ночь перед казнью, не становится предателем...

«Восхождение» — жестокий фильм, но жестока и рассказанная в нем правда. Фильм Шепитько предельно лаконичен. Не случайно режиссер отказалась от ретроспектив в прошлое героев, которые были в повести. В картине характеры Сотникова и Рыбака спрямлены. В каждом подчеркнута и абсолютизирована одна черта, перекрывающая все остальные.

Духовная сила Сотникова и предательская слабость Рыбака разрастаются до вселенских масштабов. «Восхождение» — это фильм о подвиге и предательстве, в центре которого нравственный поединок героя с предателем.

Фильм «Восхождение» с большим успехом прошел у нас и за рубежом. Конечно, в этом заслуга не только режиссера. Василь Быков — писатель прекрасный. Можно было поддаться силе таланта и сделать экранный перевод его повести, не более. Но режиссер прочитала ее по-своему, расставив в картине новые по сравнению с прозой, неожиданные акценты.

Исполнители главных ролей Борис Плотников и Владимир Гостюхин Сотниковым и Рыбаком представили перед широким зрителем. Увидев их в фильме, трудно представить себе более точный режиссерский выбор. Поэтому «Восхождение» справедливо связывают в первую очередь с именем Ларисы Шепитько.

Шепитько была одержима своей профессией. Она часто повторяла, что не работает в кино, а живет в нем. Это не кокетство, Шепитько ни разу не «изменила» режиссуре: не снялась ни в одном из своих фильмов, а могла бы — к тому у нее были все основания.

«Зной» и «Крылья», «Ты и я» и «Восхождение» — разный жизненный материал, разные проблемы. Что же связывает их? Мне кажется, что за внешней непохожестью ее работ скрыто внутреннее их единство.

Война, целина — события масштабные, героические. Художник обратился к ним, когда уже оттремели фанфары, сложились легенды и начались неромантические будни. В привычных обстоятельствах все зависит только от самого человека. Его исключительность проверяется буднями. И настоящим героем оказывается тот, кто внутренне, духовно готов совершить поступок. Духовные возможности человека беспредельны — это тема всего творчества режиссера.

Когда мы очередной раз увиделись с Ларисой, я не знала, что эта наша встреча окажется последней. В то время уже шла работа над фильмом «Прощание с Матерой». Шепитько была захвачена прозой Распутина, рассказывала о предстоящих съемках, верила, что «наконец-то прорвалась к себе»...

Через месяц я узнала о том, что она погибла в автомобильной катастрофе.

Пять фильмов (съемки последнего продолжил режиссер Элем Климов) — не так уж много для человека, проработавшего в кино около двадцати лет.

Однажды я спросила об этом Ларису.

— Дорога к реализации замысла не всегда короткая, — ответила она мне. — Она требует того, чтобы и другие, помимо тебя, поняли и приняли его. За это дорого платишь, платишь временем. Вот почему фильмов мало. Но я не жалею. Это дало мне возможность делать только то, что хочу я, что исходит от меня, что является моей внутренней потребностью.

Недавно Ларисе Шепитько была посмертно присуждена Государственная премия СССР.

Пока Женису Монтелье удавалось ловко избегать расспросов о том, как он провел рождество: вместо ответа он подмигивал. Мирей едва взглянула на него.

— Прошу прощения за тот вечер, — сказал он, — но я не мог освободиться...

— Тот вечер? Ах! Аперитив в честь окончания года... Велика важность.

— Надо бы на днях сходить куда-нибудь вместе вечером, — сказал Женис, чтобы искупить вину.

— Сожалею, но мой муж возвращается сегодня...

— Однако Мирей не могла долго думать.

— Берегитесь, — тихо проговорила она. — Против вас что-то затевают.

Затем отошла и завела разговор с коллегой, а Женис, не имея возможности ждать, отправился в юридический отдел.

— Для вас ничего нет, — заявила ему секретарша начальника отдела.

Женису не слишком понравился ее торжествующий тон. Секретарша люто ненавидела Жениса, а он понятия не имел, по какой причине. Мелкие служебные дрязги всегда принимали в В. Р. Н. преувеличенные размеры. Психолог стал бы утверждать, что виновата в этом нечистая совесть служащих, занимающихся такого рода работой.

— Ну, что ж, отдохну, — сказал Женис, улыбаясь во весь рот.

— Возможно, отдыхать придется дольше, чем вы думаете, — бросила секретарша, выходя из комнаты.

Сначала Мирей, а теперь эта? Что-то тут было не так. Придя в общую комнату, Женис увидел, что его коллеги появляются нагруженные, как мулы, папками с делами.

— Вижу, для вас отдыха не предвидится!

Но на него лишь бросали равнодушные взгляды. Все были погружены в изучение бумаг. Скоро Женис оказался в одиночестве. Он испытывал некоторое беспокойство, курил сигарету за сигаретой, пока не зазвонил телефон и его не пригласили к патрону.

Дардьё более чем когда-либо выглядел суровым воином.

— Отдайте мне формуляр, подписанный мадам Давьер, и тексталон на ее машину.

Несколько секунд Женис ошалело молчал.

— Не пытайтесь ни отрицать, ни искать объяснений.

— Хорошо, — произнес Женис, с трудом переводя дух. — У меня есть только формуляр, тексталона нет.

Дардьё взял бумагу кончиками пальцев и бросил на стол, словно комок нечистот.

— Вы использовали свое служебное положение и то доверие, которое вам оказывают, чтобы с помощью грязной махинации заработать несколько грошей...

— От мадам Давьер поступила жалоба?

— Ничего подобного... Вы думаете, я сам не сумею узнать, какие делишки делаются за моей спиной?

Жюйе из кредитного общества или же Лебланк из страховой компании? Нет, Женис так не думал. Дардьё располагал собственными источниками информации, был в наилучших отношениях со Службой общей безопасности, имел связи в полиции.

— Да, — признался Женис, — я хотел немного подработать... Но не в ущерб В. Р. Н. Тут вам не в чем меня упрекнуть...

— Вы использовали конфиденциальные сведения. Я этого не потерплю. Вы будете работать до 31-го, а затем ищите себе другое место. Вы получите за месяц вперед и компенсацию за отпуск, но я лишаю вас годовой премии за служебное нарушение.

— Когда-то вы относились к таким проступкам более снисходительно, — спокойно заметил Женис. — Я не ищу оправданий, просто я удивлен.

— Можете идти, — сказал Дардьё. — Вы уладите несколько мелких дел и будете приходиться на работу до последнего дня.

— Любопытно, — проговорил Женис. — У меня было какое-то предчувствие, и мне кажется, что все началось с того дела.

— Какого дела? — спросил Дардьё. В его взгляде сверкнула угроза.

— Гийоз, дело Давьер... Должно быть, я сунул нос, куда не следовало, и эта история с фиктивной продажей всего лишь предлог...

— Вы несете чушь. Идите занимайтесь своей работой.

У себя на столе Женис увидел стопку папок, но

вся эта работа была простой писаниной. И не было никакой возможности отлучиться в город. От него требовалась писарская работа.

Час спустя в комнату вошла Мирей. Она принесла ему на подпись разные документы, связанные с его увольнением.

— Мне очень жаль,— прошептала она.— Что с вами будет?

— Такую грязную работенку, как эта, всегда можно найти,— бросил Женис,— хуже не будет... Жаль только, годовой премии не получу...

— Это полицейские позвонили... Некий комиссар Эстев, знаете?

— Понятия не имею.

— Из Службы общей безопасности. Патрон с ним накоротке... Я могла слышать разговор, потому что прихожу на службу первой и тогда работаю на коммутаторе... Комиссар сказал Дардые: «Этот дурак совершил ошибку, которую не следовало допускать... А из остального я ничего не поняла.

Женис похлопал Мирей по пухлой щеке.

— Очень любезно...

— Ох! Это естественно, я буду так сожалеть о вас.

Она наклонилась и поцеловала Жениса в губы с чрезмерной, на его взгляд, страстью.

— Я идиотка,— проговорила Мирей,— питаю к вам слабость... Мы все же будем видеться?

— Конечно... Теперь у меня будет свободное время... Не думаю, что мне удастся найти работу в городе. Дардые мне всюду напакают.

Несколько позднее Женис отправился в кассу узнать, сколько он получит в конце месяца. Главный кассир, добрый малый, быстро сделал предварительный расчет.

— Спасибо,— поблагодарил Женис.— Конечно, без премии это не бог весть что...

Он направился к выходу, затем вернулся, улыбаться, и небрежно спросил:

— Кстати, насчет этих ассигнаций по пятьсот франков. Вы не вспомнили, где видели их номера?

Кассир с беспокойством оглянулся по сторонам, нагнулся к Женису:

— Я знал, что могу положиться на свою память... Я еще ни разу не ошибся.

— Краденые деньги?

— Нет,— ответил кассир с оттенком сожаления в голосе,— это были деньги из моей собственной кассы. Забавно, а?

— Потрясающе!— Женис был восхищен.— Наверное, вы выдали их мне в качестве аванса в середине декабря... Но странно, что три ассигнации сохранились неразменными.

— Не вам,— возразил кассир, сияя.— Это было неделю назад, не больше... В этом я совершенно уверен.

Монтелье протянул ему свою пачку сигарет, дал прикурить.

— Не больше недели? Ну надо же, какая память... У вас глаз наметанный.

— И я уверен, что вспомню в конце концов, кому я выдал целую пачку кредиток. Они были новенькие, только из банка, и номера шли подряд.

К ним приближалась одна из служащих, и Женис счел за лучшее уйти. Про себя он решил, что вернется к этому вопросу: было по меньшей мере странно, что деньги, которые дал ему бармен Барон, чтобы погасить задолженность, вышли из кассы В. Р. Н.

Женис направился прямо в электронную картотеку, набрал фамилию Барон и его имя Шарль. Но экран оставался мутным, а печатающее устройство — неподвижным. Женис попытался еще дважды добиться результата, прежде чем ему стало ясно: Барона в картотеке больше не было.

Оставшись один в кабинете, Женис потер руки, криво усмехаясь. Постепенно все вставало на свои места. Судьба всучила ему дело, которым он слишком поторопился заняться и которое потом закрыли. Опоздай он немного — и избежал бы неприятностей, но ничего бы не узнал об этой замысловатой махинации. Теперь у него не было сомнений: В. Р. Н. оказалось замешанным в каких-то темных делах. По правде говоря, он всегда подозревал об этом, но не слишком стремился знать истину. Разумеется, сюда относилось и активное участие в предвыборной кампании, но это ни для кого не являлось тайной. Левые газеты открыто указывали на В. Р. Н. как на неисчерпаемый резерв телохранителей, расклеивщиков афиш и могучих головорезов.

Барон, Жаки, Жерар...

Почему до прошлой недели Барон значился в картотеке? Женис держал в руках его досье, ходил к нему, чтобы потребовать задолженность за «Порш». А Барон, известный своим вспыльчивым характером, заплатил без разговоров. Ну, ладно, допустим, у него карманы были набиты деньгами. Но в картотеке он не должен был значиться. Если только не участвовал совсем недавно в каких-нибудь таинственных операциях. Да, должно быть, так. И только Жаки и Жерар могли его использо-

вать, а потом попросить Дардые уничтожить все сведения, касающиеся бармена.

Это логично. Но не дает ответа на все вопросы. Женис размышлял о продаже краденого в крупных масштабах. У нефтяной компании украли цистерну с 30 тысячами литров бензина. В другом месте это могла быть партия виски или меха. В некоторых случаях стоимость товара превышала 20 миллионов старых франков, иногда и больше. Это происходило довольно часто, и, как правило, потом находили пустые, но невредимые грузовики. Надо было перечитать сообщения о различных происшествиях, чтобы определить приблизительную цифру.

Женис чувствовал, что идет по ложному следу: В. Р. Н. и Дардые не стали бы впутываться в подобную историю, если только это не принесло бы им огромную прибыль.

В полдень Женис первым ушел на перерыв, и ему повезло: он поймал Жюйе, когда тот выходил из здания, где помещалось кредитное общество. Инвалид встретил его холодно.

— Вы должны были закончить это дело как можно быстрее.

— Кое-какие слухи просочились,— сказал Монтелье.— Не беспокойтесь... Я единственная жертва.

— Жертва?

— Дардые выгнал меня. Полицейские подслушали телефонный разговор с этой женщиной.

— Вы не преувеличиваете? Вы воображаете, что ваш телефон прослушивается?

— В сущности, мне ничего не известно... Все может быть...

— Или же эта женщина на заметке у полиции... Извините, меня ждут.

С этого дня он постарается, чтобы его не видели в обществе Монтелье. Женис понимал его реакцию. Ничто их не связывало, кроме надежды заработать немного денег. Уволен из-за нескольких кредиток... Наказание было настолько несоразмерно с проступком, что Женис никак не мог в это поверить, представить, что ему придется, возможно, встать на учет как безработному, согласиться на любое предложение, лишь бы заработать на жизнь.

Зная, что Барон приходит в бар лишь около 16 часов, Женис отправился в «Хоккей», заказав горячий сэндвич с сыром и божоле.

— Барон здесь?— спросил он у молодого официанта.

— Он уволился,— ответил тот.— Накануне рождения... Ну и паника была!

— Нашел, наверное, работенку повыгодней?

— Да нет. Форсит на своем «Порше», девочка катает... Может, капиталчик сколотил или в лотерею выиграл...

Поднявшись, Женис подошел к стойке, чтобы рассчитаться, заказал коньяк для себя и угостил официанта. В это время в баре почти никого не было, а в соседних кафе толпились посетители, которые пришли позавтракать.

— Возможно, он вернулся к своему старому занятию,— бросил Женис наугад, ни на что особо не надеясь.

— Барон? А чем он занимался?

— Водил грузовики, разве нет?

— Вы что-то путаете.

— Возможно.

Женис как раз успевал заскочить к Барону домой. Из его карточки он хорошо запомнил название улицы, но номер дома точно не знал: 17 или 71. У Жениса была прекрасная память, к тому же прошло всего четыре дня с тех пор, как он изучал сведения о бармене в электронной картотеке.

Тот жил в квартале, расположенном между Соной и Роной, в доме под номером 17. Часть здания была отремонтирована, но жилье Барона находилось в мрачном заднем дворе. На четвертом этаже Женис постучал в дверь, к которой была прищиплена визитная карточка. Никто ему не открыл. Помня о желании Барона работать в В. Р. Н., Женис уже приготовил было предлог для своего визита: он хотел сообщить Барону, что его увольняют и что тот может предложить свою кандидатуру на его место.

Женис вернулся в канцелярию, мило подмигнул Мирей и без всякого энтузиазма продолжил работу. Иногда он прерывал ее, чтобы поразмышлять. Жаль покидать фирму в момент, когда он получал запах денег, которые были бы нетрудно заработать. Пока он еще на месте, у него есть прекрасная возможность составить представление о подпольной деятельности общества. До 31 декабря! Осталось четыре полных дня, чтобы максимально приблизиться к золотому дню. Когда он будет располагать неоспоримыми доказательствами, он принудит Дардые взять его в дело. Он не позволит провести себя дважды.

Женис попросил через коммутатор соединить его с Клер Давьер, то есть по номеру мадам Руссе. Голос матери Клер произнес «алло», затем наступила тишина и раздался едва слышимый щелчок.

— Алло?— нетерпеливо повторила мадам Руссе.

Женис с облегчением положил трубку на рычаг: значит, прослушивается этот телефон, а не его, как он было испугался. Разумеется, трудно утверждать наверняка: для этого кто-то должен был снять трубку у него дома. Разве что посвятить в это дело приятеля, но этого Женису не хотелось, а другой возможности не было.

Чуть позднее его осенила одна мысль, и он бросил заполнять очередной формуляр. Не мешкая, Женис с непринужденным видом направился в картотеку. Проходя через помещение, где сидели секретари, он остановился около Мирей.

— Я хочу несколько минут спокойно поработать...

Он незаметно указал на дверь, на которой со времен создания Общества висела надпись «Архив».

— Там никого нет... Если кто-нибудь придет, я позвоню вам туда по внутреннему телефону.

Женис, не медля, набрал фамилию Эстев. Но машина не приняла его заявку. «Неполная формулировка» — прочел он на экране. Значит, Эстев было несколько, а он не знал имени комиссара. Женис взял телефонный справочник и выписал имена всех Эстевов. Он вновь составил заявку и получил первую карточку на имя Жюльен — водопроводчик. Женис посмеялся невольным шуткам электроники. Наконец, оказалось, что комиссара зовут Этьен и он, как и все, значится в электронной памяти. Никто и не подумал убрать его карточку, и Женис испытал редкое наслаждение, читая сведения о полицейском из Службы безопасности. Сорок два года, главный комиссар уже в течение двух лет, живет в квартале Бротто; хорошее местечко. Естественное, впрочем, местожительство для того, кто хочет ощущать, как бьется пульс жискаровского общества. Идеальное и предвостительное место.

Но разочарование было полным: ни малейших неприятностей с кредитным обществом у комиссара, ни подозрительных политических симпатий, ничего компрометирующего!

Выходя из помещения картотеки, Женис прошел мимо Мирей и, едва шевеля губами, попросил ее зайти к нему, как только она сможет. Он вновь принял за работу, а шеф юридического отдела даже удостоил его визитом, с молчаливой враждебностью проверил законченные дела и унес их с собой, так и не произнеся ни слова.

Сразу после его ухода появилась Мирей. Женис схватил ее в объятия и пылко поцеловал. Он почувствовал, как она слабеет в его руках, прижимаясь к нему.

— Ты с ума сошел,— прошептала она.— Нас могут увидеть... Но как мило, что ты позвал меня за этим.

Видя выражение его лица, она хитро улыбнулась: — Ты думаешь, я не понимаю? Давай, выкладывай.

— Может ли карточка содержать лишь ложительные сведения?

— А почему нет?

— Какая от этого польза?

— Я думала, ты похитрее,— хихикнула Мирей.— Ты так и не понял многого за то время, что здесь работаешь?

— Я многих вещей не понял,— произнес Женис, как бы не договаривая главного.— Например, то, какое место ты занимаешь в моей жизни.

— Ну, ты уж перехватил... Для карточки такого рода есть особый код. Но не спрашивай, какой,— я его не знаю. Его не знает никто, кроме Дардые и начальников отделов.

— Код,— повторил Женис задумчиво.— Цифры?

— Скорее слово. До прошлого года было слово «Мафусаил». Но как-то одна сотрудница захотела получить информацию о кабаре, которое только что открылось под таким названием... Это была катастрофа: сбита с толку машина выдавала из своего двигателяского мозга кучу маленьких секретов. Пришлось запрограммировать другое слово, а я не знаю, какое. Им пришлось поломать голову, чтобы избежать подобных совпадений.

В конце дня один за другим начали возвращаться сотрудники, изнеможенные, преисполненные невинности ко всему человечеству, однако тщательно скрывающие это. Все делало вид, что обожают свою работу, но Женис-то их хорошо знал. Только он один владел умением расслабиться. А они страдали и от презрения и от страха, вызываемого их появлением в некоторых домах.

Спокойно покуривая, Женис смотрел на них с чувством глубокого презрения. Они напоминали червей, которые никогда не узнают, что лучше всегда скрыто в глубине. Да, червей, созданных для пожизненной гнусной работы. Даже не личинок, способных однажды чудесно преобразиться, а ограниченных слепых и нелепых червей. Как это он работал, смеялся, жил рядом с ними и не испытывал отвращения?

— Кончено,— сказал он.

# МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ

# ТВ



ОЛЬГА ЗЮЗИНА: «ДЛЯ ДИКТОРА ВЛАДЕНИЕ РЕЧЬЮ, УМЕНИЕ ДОНЕСТИ МЫСЛЬ — ОСНОВА ОСНОВ».

**В** Москве ночь. Но в огромном здании Останкинского телецентра свет не гаснет никогда. Дневное многолюдье схлынет, автобусы и троллейбусы развезут по домам тех, кто придумывает, организует, снимает передачи, а телецентр не опустеет. В эту позднюю пору за тысячи километров от Останкина люди привычно включают телевизоры. И на экранах телевизоров где-то в дальневосточном поселке или на Сахалине появляется бодрый, улыбающийся, как всегда, красиво причесанный диктор и сообщает программу передач.

— Так у меня сложилась эта неделя, — сказала Оля Зюзина, когда мы встретились в перерыве между ее «выходами в эфир», — работаю на программах «Орбита» и «Восток», по ним передачи идут в отдаленные районы, а для нас это — ночные смены.

Оля говорит быстро и деловито, четко, «дикторским» голосом, а глаза смеются, словно она все время радуется своей молодости, своей льющей через край энергии.

У диктора вообще не бывает однообразных дней, одинаковой работы. Эфир бесконечно многообразен: сегодня она рассказывает об «Отдыхе в выходные дни», завтра отвечает на вопросы «Справочного бюро» или ведет концерт. Оля Зюзина пришла на телевидение после актерского факультета Государственного института теат-

рального искусства и не жалеет, что сменила профессию.

— Меня, собственно, всегда привлекало слово, художественное чтение. На этом «специализировалась» в институте, а для диктора владение речью, умение донести мысль — основа основ.

Телевизионный диктор. В его появлении на экране есть что-то сказочное, волшебное. Хотя мы прекрасно знаем, что он находится где-то за тысячами километров, но всегда такое ощущение, что это друг, который запросто зашел на огонек. Он приятен нам своей доброжелательностью, искренностью, подтянутостью. Он придает атмосферу дружелюбной, теплой встречи вечеру, проведенному у телевизора. Он приносит в наш дом торжественную приподнятость праздничных дней. С каким бы настроением мы ни садились смотреть передачи, диктор умеет найти с нами контакт и незаметно переключить внимание на то, что происходит на экране. Таков, пожалуй, коллективный портрет «хозяев» некогда голубого, а теперь все чаще цветного телеэкрана. А ведь каждый из них — индивидуальность, каждый — неповторимая черточка в многоликом мире телевидения.

— Если рассказывать о молодых дикторах, — советует мне художественный руководитель дикторского отдела, заслуженный артист РСФСР Игорь Леонидович Кириллов, — то давайте остановимся на тех, кто при-

шел на телевидение совсем недавно, два-три года назад. Это наше новое пополнение, которое только осваивает секреты профессии. Среди них не только актрисы, но и историки, психологи, педагоги, врачи... Как становятся дикторами? Это долгий процесс. Сначала бывает конкурс. Те, кого комиссия отбирает, год находятся в стажерской группе, лишь после чего получают право называться дикторами. Но и здесь учеба не прекращается: каждый молодой наш коллега прикреплен к педагогу, у них есть наставники, наиболее опытные мастера, с которыми хорошо знакомы телезрители. — Нина Владимировна Кондратова, Людмила Васильевна Соколова и другие. Регулярно проводятся занятия по сценической речи, мастерству, но эстафета опыта, которую передают молодежи старшие товарищи, — один из главных элементов воспитания.

Инна Ермилова на экране выглядит строгой, сдержанной. Сейчас, без легкого грима (а во время передачи диктору без него нельзя: беспощадное студийное освещение ищет недостатки даже на самых юных лицах), она оказывается хрупкой, очень жен-

спорьем в работе. Удивительная это профессия, при которой надо иметь представление обо всех сферах человеческой деятельности, быть любознательным, постоянно стараться расширять свой словарь...

Молодых дикторов часто приглашают участвовать в передачах разных редакций Центрального телевидения. Вот, например, «Адреса молодых» — один из циклов молодежной редакции, где диктор Инна Ермилова выступает в роли хозяйки. Герои передач — молодые наши современники со всего Советского Союза. Трудиться, дерзать, выдумывать, пробовать они умеют, а вот перед телекамерой порой тушуются.

— Сценарий у передачи, конечно, всегда есть, в нем главное — тема, сюжеты, а как это все получится, зависит от ведущего. Надо суметь подойти к человеку, вызвать его доверие, симпатию, желание поделиться с тобой, а значит, и со зрителями своими мыслями. Вот недавно были мы со съемочной группой в Красноярском крае у лесорубов. Работа у ребят тяжелая, но и интересная, конечно, им приходится управлять сложнейшими механизмами, а вокруг

**ЕЛЕНА ЗУБАРЕВА: «ДИКТОРСКОМУ МАСТЕРСТВУ МЕНЯ ОБУЧАЛА ЛЮДИЛА ВАСИЛЬЕВНА СОКОЛОВА... И ВОТ СЕГОДНЯ — ПЕРВЫЙ ВЫХОД В ЭФИР.»**



стенной, а глаза на немного усталом после ранней смены лице словно стали еще огромнее.

— Наша профессия в общем-то мало изучена. По-моему, диктор — это сплав актерского мастерства, тележурналистики, художественного чтения, педагогики, психологии и многого другого. А самое главное — от диктора требуются внутренняя культура и широкая эрудиция. Мы, молодые, видим, сколько же еще надо постичь, сколькому научиться.

Инна не профессиональная актриса, но за ее спиной театральная студия, куда она пришла еще школьницей.

— С нами занимались артисты МХАТа, мы ставили спектакли, с энтузиазмом овладевали актерским мастерством по настояющей вузовской программе. Я с головой ушла в это увлечение, но все-таки поступила в педагогический на истфак — историю любила всегда, а главное, ощущала недостаток фундаментальных знаний. Училась, преподавала в школе, занималась в студии. А потом открыла для себя еще одну профессию — журналистику. Так получилось, что вместе с мужем, радиожурналистом, ездила на репортажи, помогала ему брать интервью, делать радиопередачи и очень увлеклась этой бесплокойной, трудной работой. И вот тогда пришла мысль пойти на телевидение. Теперь все, что приобретено за время моих «метаний», часто оказывается под-

красота — леса, воздух чистейший... Пришли мы в семью, которую решили снимать. Тут и началась моя работа: надо познакомиться с людьми, постараться стать для них своей, чтобы на передаче мы уже были хорошими друзьями. Я провела в этой семье почти весь день, съемочная группа уехала по делам, и я была рада, что осталась одна. Дети перестали считать меня чужой тетей, а с хозяйкой дома мы по-дружески разговаривали и сблизилась. Передо мной раскрылись интереснейшие люди, влюбленные в свой край, в свой нелегкий труд и умеющие «заразить» своим отношением к жизни. Немного обидно, что на записи нашей беседы их «гипнотизировали» свет и телекамера, но все-таки наш взаимный контакт вырвался. Ведь главное — не просто добиться ответов на вопросы, а суметь показать, что за человек твой собеседник.

Татьяна Веденеева, Оля Зюзина, Инна Ермилова, Елена Коваленко, Марина Бурцева, Елена Зубарева, Ирина Паузина — молодые дикторы, только начинающие восхождение к вершинам мастерства. Ориентирами в этом восхождении для них служат основные «дикторские заповеди», открытые, сформулированные и тысячекратно проверенные мастерами.

Вот некоторые из этих «заповедей»: — Помни, на тебе огромная ответственность — обращаться к многомиллионной телеаудитории;

— Экран — сродни рентгену. Он показывает не только твою внешность, он высвечивает твоё внутреннее состояние. Зрителя не обманешь: если ты по-человечески несостоятелен и неинтересен, он тебе не поверит, и никакие ухищрения здесь не помогут.

— Актер на сцене должен уметь перевоплощаться, «умирать» в образе героя, диктору играть противоположно. Его задача — максимально быть самим собой, найти себя.

— Никакого самолюбования, всегда помни, что ты «делаешь дело». Будь искренним и доверительным со зрителями.

— Умей моментально отбросить все посторонние эмоции и сосредоточиться на том, что ты должен сказать людям.

— Нам было легче, с одной стороны, — считает Игорь Леонидович Кириллов, — нас было меньше, а передач у каждого больше. Профессионализм приобретался значительно быстрее. С другой стороны, нам многое пришлось открывать самим. У нынешней молодежи есть «школа», наставники, есть у кого учиться. Мы им многое доверяем, но и спрашиваем строго.

даже дыхание перехватило. Мы, молодые дикторы, будем поздравлять всех зрителей нашей страны на самой главной новогодней передаче! Все тогда казалось особенным в студии, мы очень старались и, хотя работа шла всю ночь, просто не замечали усталости.

...В этой части телецентра не встретишь актеров в гриме или оркестрантов во фраках. Здесь передачи не снимают, как на нижних этажах, где расположены студии. Но работа над ними продолжается: здесь идет очень важный этап, который на телевидении называют коротко — «озвучка». Все, что составляет звуковое оформление передачи, здесь окончательно «доводится», документальные, мультипликационные фильмы приобретают «звуковой ряд» — текст, прочитанный за кадром. Озвучивание требуется и таким передачам, где все, казалось бы, уже записано на студии. Но после монтажа видеоленты появляются паузы, несовпадения, все это и должен свести диктор или ведущий.

Лену Коваленко в этот день вызвали для озвучивания передачи «Москвичка». В аппаратной за пультами сидели режиссер, звукорежиссер, редактор и

это меня и подстегнуло. На третьем туре страх исчез, и я легко выполняла перед телекамерой все задания приемной комиссии. Конечно, имея актерское образование, диктору легче овладеть нашей профессией. Но все-таки этого недостаточно, необходимо много знать, уметь использовать свои знания, уметь находить верную тональность в любой передаче. Мне, например, очень помогает прежняя специальность, но я чувствую, что и этого мало. Мечтаю поступить в МГУ на отделение тележурналистики, хотя, конечно, будет трудно совмещать работу, учебу, семейные «нагрузки» — дочка на будущей год идет в школу. Теперь, когда нередко передачи ведут журналисты, редакторы, специалисты, мне кажется, диктор тоже должен владеть пером, участвовать в создании передач, а не только зачитывать готовый текст. Но это право еще надо заслужить.

Работа диктора требует постоянного тренажа. Казалось бы, что тут сложного: если есть приятная внешность, обаяние, голос, совсем нетрудно прочесть перед телекамерой готовый текст. Но с «другой» стороны экрана

всегда удается — разное время передач, занятия да плюс еще общественная работа. Все молодые дикторы участвуют в шефских концертах, многие ведут активную комсомольскую работу. Например, Таня Веденева — член горкома ВЛКСМ, меня избрали в Москворецкий райком комсомола... Но коллектив у нас дружный, жизнерадостный, и, когда собираемся все вместе, бывает по-настоящему весело и интересно. У нас принято отмечать юбилейные даты товарищей выпуском стенгазеты — обязательно шутивной и затейливо оформленной; сложилась традиция для праздничных вечеров сочинять и разыгрывать «капустники» — веселые представления со стихами, песнями, скетчами на близкие нам дикторские темы. Находятся свои певцы, поэты, драматурги, и заводилами, конечно, бывают молодые.

А собираются они все вместе и вправду нечасто, и постороннему странно видеть такие знакомые лица без привычного «экранного» фона. Это напоминает известную сказку Маршака, где сходятся вместе все двенадцать месяцев.

...В этой небольшой студии редко



### ИННА ЕРМИЛОВА: «ДИКТОР — ЭТО И АКТЕР, И ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ, И ПЕДАГОГ, И ПСИХОЛОГ...»

Художественный совет — главный профессиональный арбитр и «оракул» дикторского цеха. На его заседаниях можно услышать критический разбор работы любого из 55 дикторов Центрального телевидения. Здесь все на уровне современной телевизионной техники — разговор не голосовен, он «подкрепляется» видеозаписью (фрагменты передач фиксируются на видеоманитофоне). Здесь молодые слышат обязательно доброжелательные, но и строгие, и взыскательные слова коллег в свой адрес. Здесь обобщается опыт, намечаются главные пути усовершенствования искусства теледиктора.

Те, кто смотрел новогодний «Голубой огонек», наверное, заметили, что в этом году он открылся не совсем традиционно. В самом начале этого большого праздничного вечера, на фоне украшенной елки перед зрителями предстали молодые дикторы — Елена Коваленко, Марина Бурцева, Юрий Николаев.

— Нас вызвали на «Огонек» неожиданно, — рассказывает Марина Бурцева, выпускница театрального училища имени Щукина, одна из самых молодых дикторов. — Просто позвонили и сказали: немедленно приезжайте, возьмите с собой вечернее платье (есть у нас и такая «спецодежда»). Я в этот момент, честно говоря, квартиру убирала к Новому году. Конечно, сразу же все бросила и примчалась. От волнения и радости

смотрели видеозапись передачи. Лена пришла в джинсах и свитере (сегодня ей не надо выходить в эфир), но на всякий случай причёсанная и в рабочем гриме (а вдруг придется кого-нибудь заменить). Пока шел просмотр, мы могли поговорить. Лена лишь поглядывала на экран, замечая, где надо записать новый текст. «Москвичка» — это встреча представительниц разных профессий, и круг тем, затронутых в разговоре, бывает очень широк — от семейных проблем до проблем научных. Москвички говорят обо всем, что волнует современную женщину. Ведущая такой передачи должна быть и достойной собеседницей, и хозяйкой, и организатором.

— Надо уметь «вытягивать» общую ниточку разговора, чтобы тема передачи объединила всех присутствующих. — Лена Коваленко уже два года выступает в роли ведущей «Москвички». — Раньше мы вели ее вместе с Олей Зюзиной, но теперь делаем это по очереди — у каждой своя передача.

Я смотрю, как раскованно, как уверенно и доброжелательно держится она в кадре, и спрашиваю, есть ли у нее актерская выучка.

— Нет, я, знаете ли, психолог. Да, да, окончила педагогический, отделение психологии. Потом предложили попробовать на диктора. Во время конкурса так разволновалась, что на двух турах ничего у меня не получилось, и стало ясно: провал. Наверное,

узнаешь, как нелегка эта «простая» профессия. Она сродни балету, где немисливо выйти на сцену без обязательного «класса». У диктора в понятие «тренаж» входит чтение стихов и отрывков прозы, статей из газет. С этого начинается профессиональное становление. И тут неопределима роль педагога-наставника.

— Я в первое время никак не могла найти верный тон на экране, говорила низким голосом, старалась быть очень серьезной и значительной, даже причёску делала какую-то громоздкую, — вспоминает Марина Бурцева. — Нина Владимировна Кондратова подошла ко мне и говорит: «Ты же в жизни веселая и живая, как обезьянка, зачем тебе эта напыщенность? Давай попробуем и причёсаться и говорить по-другому». От этих ласковых слов, потом и наших занятий во мне что-то повернулось, и я стала проще и раскованнее.

О младших коллегах заботятся и все старшие коллеги. Всегда внимательны к молодым, готовы помочь советом Валентина Леонтьева, Анна Шилова, Светлана Жильцова, Светлана Моргунова, Ольга Кулешова...

Непрерывный поток передач. Он поглощает каждого диктора, ставит перед ним все новые и новые задачи.

— Вы только не подумайте, что в молодежной группе дикторов мы совсем не связаны друг с другом, — продолжает разговор Марина Бурцева, — конечно, встречаться нам не

бывают посторонние, отсюда ведутся прямые передачи. До выхода в эфир остается несколько минут. Деловито переговариваются режиссер и операторы, звукорежиссер занимает свое место в аппаратной. Диктор, сидя за пультом, сосредоточенно вчитывается в текст сообщения, которое он сейчас произнесет для миллионов телезрителей. О чем он думает в этот момент?

Инна Ермилова: «Объявляя передачу, мысленно, как видеоленту, прокручиваю ее в своем сознании. Это дает нужный импульс, помогает найти правильный тон».

Лена Коваленко: «Всегда стараюсь в эфире не читать, а смотреть зрителям в лицо. Тогда все мои слова становятся более убедительными».

Оля Зюзина: «Иной раз мне советуют: поменьше эмоций. Но ведь даже в сухой информации столько интересного, что трудно оставаться равнодушной».

Марина Бурцева: «Я представляю себе зрителя. Не озорную аудиторию, которая меня увидит, а одного человека, заинтересованного именно в этой передаче, и словно обращаюсь лично к нему».

Загорается сигнальная лампочка на телекамере, на экране монитора возникает заставка, вспыхивает табло: «Микрофон включен», — и студия становится видимой в самых разных уголках нашей необозримой Родины. Передает Центральное телевидение. На экране — диктор.

Иван ПОЛУЯНОВ,  
Бронислав ГРИЩУК

# ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ И ДЕНЬ СМЕРИ

**П**олбин погиб в небе над Бреслау в день своего рождения. Перед боем он получил письмо из дома — жена и дети поздравляли его с сорокалетием. Он успел прочитать это письмо, а ответить собирался сразу, как только вернется на аэродром. Но на пути к цели Полбин не смог прорваться сквозь огневое прикрытие зениток, и его самолет, изрешеченный снарядами, упал на усталую февральским снегом польскую землю. Это был сто пятьдесят восьмой боевой вылет Ивана Полбина.

...Нам не дано знать, о чем думал Иван Полбин, несся в пылающей машине навстречу земле, навстречу последней своей черте, не дано знать, вспоминал ли он в пекле боя о прожитых годах. Но мы, ныне живущие, обязаны о них вспомнить и в меру наших способностей и сведений, которыми располагаем, поведать читателям о судьбе героя. Одного из многих, чья жизнь и смерть приблизили всечеловеческий триумф Победы.

...Подполковник Полбин, сияя белозубой улыбкой, вышел из Главного штаба Военно-Воздушных Сил. На какое-то мгновение остановился, привычным движением расправил под ремнем гимнастерку и быстро направился к запыленной «эмке»... Через каких-нибудь полчаса он уже был в воздухе, летел в родной полк. Откинувшись на жесткую спинку пилотского сиденья, всматриваясь в проплывающие под плоскостями ослепительные дюны облаков, радостно думал: «Наконец-то вырвались из резерва! Завтра снова на фронт. На этот раз Сталинград».

Еще в начале 1942 года его полк был выведен с фронта для пополнения летного состава и освоения новой боевой техники — самолетов «Петляков-2». В рекордный для авиации срок — три месяца! — полк вновь обрел боеготовность, а сам Полбин, кроме всего прочего, освоил бомбометание с пикирования, научился мастерски летать ночью. Он, как и все летчики, рвался на фронт. Еще бы: такая техника досталась им, такие ребята в его полку! Все, как один, коммунисты и комсомольцы, опытные, бесстрашные.

У штаба Полбина встречал майор Фомин.

— Ну как, товарищ подполковник, когда?

— Свертывай хозяйство, майор. Теперь скоро, — улыбнулся Полбин. И приказал построить полк.

— Нам выпала большая честь, друзья. Мы будем защищать Сталинград. Завтра на фронт... Летчикам и штурманам подготовить карты, изучить район предстоящих боевых действий. Стрелкам-радистам еще раз опробовать оружие, рации. Инженерам и техникам осмотреть приборы, проверить двигатели...

Тут кто-то в строю тихо проговорил «ура», и, не в силах сдержать радости, это «ура» потом разом выдохнули все, кто стоял на аэродроме.

В ночь, отделявшую тыловое затишье от сталинградского грохота, никто не спал. Летчики говорили о предстоящих сражениях, вспоминали о самом дорогом. Быть может, вспоминал и Полбин.

Иван батрачил на кулака Живодерова. Однажды недосмотрел за лошадьми, те забрели в живодеровские посевы, а тут и сам хозяин. Ивана избил, особенно пострадала рука. Из-за этого давнего перелома его потом не хотели принимать в летное училище. «Но почему? — возмутился Полбин. — Она у меня крепче целой, глядите!» Он схватил лежавшую в углу комнаты двухпудовую гири и легко подбросил над головой. Еще раз, еще... И комиссия не устояла, стал Иван Полбин курсантом Оренбургского летного, затем инструктором. На Халхин-Голе уже водил в атаку девятку.

Двадцать боевых вылетов. Орден Ленина. Много лет спустя прославленный воздушный ас Покрышкин скажет, что во всей нашей авиации Полбин считался непревзойденным мастером пикирующих ударов. И в этих словах не было преувеличения. Первой же бомбой он попадал в бочку из-под горячего...

...Утро 13 июня 1942 года. После двух часов полета ввиду широкой лентой заискрилась, заблестела под солнцем Волга. Впереди по курсу был Сталинград, фронтальной город. Полк приземлился на полевого аэродроме. Тут теперь предстояло жить и работать, отсюда подниматься в небо, нести к вражеским позициям смертоносный груз.

Обстановка под Сталинградом с каждым днем осложнялась. Бои шли днем и ночью. Полбинцы, так в 8-й армии окрестили летчиков полка, которым командовал Иван Семенович, включились в напряженную боевую работу. Экипажи пикировщиков бомбили железнодорожные станции, эшелоны, танковые колонны, срывали противнику подвоз резервов к линии фронта на участке Белая Калита — Морозовск — Су-

ровкино, вели воздушную разведку. Командир полка сам водил группы бомбардировщиков. Железное прикрытие «пешек» обеспечивали в воздухе летчики-истребители полка Героя Советского Союза Ивана Клещева. Стремительно катились беспокойные, напряженные, изнурительные будни войны.

Как-то утром Полбина вызвали в штаб. В кабинете командира из-за табачного дыма не видно было даже лиц собравшихся. Навстречу Полбину поднялся полковник.

— Стало быть, нашли тот склад?

— Так точно, товарищ полковник. Старший лейтенант Жолудев обнаружил. — Полбин обвел синим карандашом кружок на карте. — Вот здесь, на окраине Морозовска, в овраге. Целые штабеля из цистерн. Тут же и узкоколейка.

— Значит, будет работенка. Только, пожалуй, двух наших полков маловато. Попросите бы у командующего еще один да нанести массированный удар. Чтоб уж наверняка. Целью малоразмерная, каких-нибудь во семьдесят на сто метров.

Полбин вздохнул:

— Сегодня над складом уже побывал Жолудев, и гитлеровцы поняли, что склад горячего обнаружен. Усилят прикрытие. Возможно, часть горячего ночью эвакуируют. А на подготовку массированного удара не один день уйдет — спланировать, рассчитать, организовать.

— ...В общем, я предлагаю нанести удар сегодня.

— Сегодня? Одним твоим полком? — изумился полковник.

— Нет. Двумя экипажами. Пойду я и Жолудев. Он открыл склад, ему и закрывать.

— Ну это, брат, авантюра. Практика подобного не знает.

— Мы должны исходить из обстановки. Будем бомбить с пикирования. Возьмем по две ФАБ-250 и по две ФАБ-100 на самолет. Сделаем два захода.

— А если с двух не накроете? — спросил полковник.

— Сделаем третий...

...Полбин и Жолудев взлетели парой. За ними поднялись в воздух и заняли места по флангам «Яки». К Морозовску подошли на высоте. Снаряды разрывались выше и правее. И дальше бы так...

Зашли на цель со стороны солнца, с тыла. Полбин делает разворот вправо. Жолудев повторяет маневр с двухсекундной задержкой. И сразу полбинский самолет круто, почти отвесно падает вниз. Прицел скользит по земле, потом замирает на краю оврага, там, где отчетливо виднеется ряд цистерн. Земля все ближе. Еще секунда. Еще. Сброс... Бомбы легли с небольшим перелетом. Может быть, цель накроет Жолудев?.. Но два очередных взрыва подняли столбы пыли и дыма в сотне метров позади.

Теперь вся надежда на второй заход. Однако внезапность удара уже потеряна. Все осложнилось невероятно. Кажется, через стену заградительного огня и мухе не пролететь. Клещев со своей группой прикрытия разворачивается и уходит, сейчас «Якам» торчать в небе над объектом — бессмысленный риск.

Пара «петляковых» снова заходит на цель. Самолет командира как бы увязает в черном от разрывов небе. Это не учебное бомбометание, где сознание абсолютно спокойно и надто только сосредоточиться. Это бой, и чтобы выиграть его, надо сначала остаться живым. Полбин первым принимает на себя весь заградительный огонь. У Жолудева перехватывает дыхание. Но командир проскочил! За ним следом — ведомый. Полбин пикирует, Жолудев — тоже. Вот уже внизу обозначилась цель. Только бы не промазать!

Командир выдерживает машину строго по курсу... Сброс!

Перегрузка на выходе из пике, треск в ушах. Глубокий вираж.

А внизу уже бушует все истребляющее пламя. Цистерны раскалываются, словно спелые арбузы. За первым взрывом следует второй. Это уже работа Жолудева. Огонь разрастается. И тогда Леня Жолудев не выдерживает и начинает петь: «Широка страна моя родная...» Он поет и вытирает перчаткой холодный, мокрый лоб... «Много в ней лесов, полей и рек!» — орет во всю глотку Леня и вплотную подходит к командиру, крыло в крыло. Подполковник показывает Жолудеву большой палец.

Целую неделю на окраине Морозовска бушевало пламя. Было уничтожено больше семисот тонн горячего, сорвана заправка танков и самолетов противника вблизи линии фронта. Пролетающие летчики видели пламя за десятки километров, даже на высоте пяти тысяч метров пахло гарью. Они уже знали: работа Полбина и Жолудева.

Вскоре Ивану Семеновичу было присвоено звание Героя Советского Союза и воинское звание — полковник. (В конце войны экипаж Леонида Васильевича Жолудева, совершивший 218 боевых вылетов, также был удостоен высших наград Родины.)

Объятый дымом и пламенем, в грохоте канонады и все шрапнели ушел в историю первый год войны. 150-й бомбардировочный полк под командованием Полбина произвел около трех тысяч боевых вылетов, из них 829 — ночью. Ему в числе первых было присвоено почетное звание гвардейского и наименование — Сталинградский. Три года командовал полком Иван Семенович. Потом принял триста первую дивизию.

Однако не перестал летать сам, брал на себя самое трудное и все время искал новые тактические приемы, испытывал эффективные виды маневра, учился сам и учил летчиков. Накануне Курской битвы на фронте наступило относительное затишье, шла подготовка к большой операции, летчики производили в основном воздушную разведку. Полбина это не устраивало.

Он организовал из лучших экипажей группу охотников. Сам учил их и контролировал работу каждого пилота. Группа летала на «охоту» без конкретных заданий. Находили скопления эшелонов на железнодорожных станциях или разъездах, колонны, двигавшиеся к линии фронта, технику и наносили бомбовые удары. Словом, и во время затишья дивизия продолжала вести боевую работу. Разумеется, об этом рано или поздно должен был узнать командир корпуса. Так и случилось. Комкор вызвал Полбина и потребовал объяснения. Что это вы, дескать, партизанск, без приказа небо уютюжите.

Комкор знал, что Полбин — незаурядный пилот и командир. Что у него истинно чкаловский характер, та же неуемная страсть к небу, тот же острый, пылкий ум и открытый, прямой нрав. Но дисциплина есть дисциплина. Полбин же стоял на своем.

— Я летаю не на прогулку. Сегодня, например, обнаружил с воздуха на «железке» интенсивное движение воинских составов, а на узловой станции — немецкие эшелоны с танками, артиллерией, горючим. Вот здесь они, взгляните на карту. Их бить надо, а мы загораем, ждем крупных сражений.

Комкор покачал головой:

— Полбин, Полбин, неисправимый ты человек. Ладно, налет на станцию разрешаю. Только аккуратно. И еще вот что, сам особенно не рискуй. Ты нам живой нужен, понял?

На следующее утро полковник Полбин докладывал:

— Товарищ генерал, налет на станцию прошел успешно. Застали фашистов врасплох. В такую погоду они нас не ожидали. Даже заградительного огня не сумели организовать. В общем, станция горит. У меня потерь нет. Фотоснимки через час получите... Готовлю новый удар. Вечером будем накрывать большой аэродром. Там бомбардировщики пасутся.

— Хорошо... Спасибр, комдив, — прозвучал в телефонную трубку голос генерала. — Сейчас же доложу командующему о вашем вылете. А уж он решит, казнить вас или миловать...

За успешный вылет и отличные результаты командующий объявил Полбину благодарность.

Для Полбина слились воедино дни и ночи. Чуть ли не круглосуточно находился он в полках дивизии. Учил пилотов точному бомбометанию с пикирования, работать в воздухе ночью, проводил разборки полетов, ни на один день не забывал, что он не только командир, но и летчик. Однажды, произведя тщательную разведку объекта противника, Полбин возвращался на родной аэродром. Вдруг навстречу ему вышли из облаков два истребителя «Ме-109». Видимо, фашистские летчики не сомневались в легкой победе над одиночным бомбардировщиком и шли на Полбина в лоб. Уклоняться от воздушного боя было не в его характере. И он атаковал немецкий истребитель. Блестящим маневром зашел фашисту в хвост и с короткой дистанции дал длинную очередь из крупнокалиберного пулемета.

— Ну что, гад, получил?! — крикнул Полбин вслед объятному пламенем и падавшему на землю вражескому самолету. — Сейчас и другого накормим.

Он умело ушел от двух атак «мессера» и атаковал сам. Но фашист не принял бой, дал полный газ и скрылся... А Полбин, увидев на высоте густое облако, в считанные минуты достиг его и до самой линии фронта вел «Пе-2» в сплошной облачности. В конце пробега по дорожке заглохли моторы — кончилось горючее. Все, как говорится, тютелька в тютельку.

Осматривая машину, техники обнаружили на хвосте и крыльях рваные пробоины.



# ТИ ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

— Где это вас так?—спросили они у стрелка-радиста.

— С истребителями сцепились,—ответил стрелок.—Одного на тот свет отправили, а другой утек. Батя такие выкрутасы делал—уму непостижимо. Как заправский истребитель... Мы теперь при необходимости можем и без прикрытия летать.

Так с легкой руки Полбина и других советских асов пикирующий бомбардировщик отечественного производства превратился в боевую машину многоцелевого назначения.

В марте 1943 года генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин был назначен командиром корпуса. Утроился объем задач, неизмеримо возросла ответственность. А он оставался прежним Полбиным: рвался в бой, водил группы пикировщиков на самые сложные и опасные задания.

Во время Курской битвы корпус уничтожил с пикирования 40 танков и самоходок, 548 автомашин, 9 складов с боеприпасами, сбил 25 фашистских истребителей.

Кировоградское направление. Полбин повел на задание две группы «Пе-2». На цель вышли внезапно. Несколько эшелонов военной техники было уничтожено точными ударами. И тут Полбин заметил армаду вражеских бомбардировщиков. Тяжело груженные, они шли на восток. Сверху—истребители прикрытия... План у Полбина созрел мгновенно: не дать фашистам сбросить бомбы на наши войска. Атаковать!

И «пешки» пошли вперед. Результат превзошел все ожидания. Генерал лично уничтожил два самолета. Четыре сбили его подчиненные. Налет фашистов был сорван. В панике они сбросили бомбы куда попало. Это был беспрецедентный случай в истории военной авиации. Впрочем, со временем подобные воздушные бои уже не были исключением, многие подчиненные Полбина имели на своем счету сбитые самолеты противника.

А Иван Семенович был уже одержим новой идеей, ставшей вскоре реальностью. Следуя примеру своего командира, экипажи «Пе-2» брали не 600—700 килограммов бомб на самолет, как полагалось по инструкции, а более 1000. Полбин также предложил бомбить малоразмерные цели, пикируя под углом 60—70 градусов, то есть почти вертикально.

1944-й. Летчики корпуса в составе 2-го и 1-го Украинских фронтов участвовали в стратегических наступательных операциях. За умело проведенную ликвидацию крупной группировки войск противника в районе Львова и участие в освобождении города корпусу было присвоено наименование Львовский. Генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин награжден орденом Богдана Хмельницкого. Он продолжал летать, водить группы бомбардировщиков на самые ответственные, опасные задания. Именно в это время в полной мере раскрылся полководческий талант Ивана Семеновича. Достаточно вспомнить хотя бы так называемую «вертушку Полбина».

...Войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону врага, образовав коридор, названный Колтовским. В него входили танковые соединения, чтобы стремительным броском расцезь фронт противника, обойти Львов с запада и двинуться на Перемышль. Но вражеская артиллерия простреливала коридор буквально насквозь. Наши танкисты и пехота несли большие потери. Командующий фронтом приказал во что бы то ни стало подавить огневые точки врага.

Вот тогда-то и продемонстрировала свои преимущества «вертушка Полбина»—новый тактический метод бомбометания. Заключался он в том, что самолеты образуют над целью несколько замкнутых кругов: один выходит из пикирования, другой ведет огонь, третий пикирует, четвертый находится на боевом курсе. Ни минуты передышки врагу. Так продолжается несколько часов подряд. «Вертушки» с успехом «прокрутили» над артиллерийскими позициями гитлеровцев, на месте батарей остались только воронки...

— Полбин действовал отлично. Благодарю!—передал по радио Маршал Советского Союза Конев.

То же самое скажет маршал, когда Полбин во главе девятой бомбардировщиков под ураганным зенитным огнем противника уничтожит вражескую переправу на Западном Буге.

Год 1945-й. 11 февраля. Ивану Семеновичу исполнилось ровно сорок лет. Утром его поздравили боевые друзья, поднесли цветы—букет первых подснежников, собранных на освобожденной от врага земле. Готовился праздничный ужин, ожидали гостей. Иван Семенович был в этот день весел, много шутил...

Он еще раз перечитал полученные из дома письма. Жена, Мария Николаевна, писала: «Дорогой и любимый Ваня! Поздравляю от всего сердца с днем рождения! От всей души желаю скорой победы над проклятыми фашистами. И скорой нашей встречи... Живем мы дружно. Витя и Люда учатся на «хорошо» и «отлично». Ты бы видел сына!.. Весь в отца, и характер, и разговор, и внешне. Дети мне помогают по хозяйству. Галочка уже большая, в августе вот исполнится четыре годика, а тебя еще не видела. Знает папу только по фотографиям. Дети пишут тебе сами. Думали и сочиняли каждый по-своему. Малышка, видишь, нарисовала что-то там и говорит: «Это мое письмо папочке!» Целуем тебя все. Ждем скорой встречи. Твоя Мария».

Летать сегодня генерал как будто не собирался. Но он не забыл о звонке командующего 6-й армии: «Гибнет пехота, надо помочь». И, разговаривая с летчиками, шутя и смеясь, все время думал о том, как же подсобить пехоте. Решение пришло само собой.

Штурман и стрелок-радист, как всегда утром, ожидали в штабе указаний.

— Экипаж готов к полету?—спросил Полбин, выйдя из кабинета.

— Так точно, товарищ генерал.

— Тогда со мной в машину.

Подобрали восемь лучших экипажей. Среди них—пять Героев Советского Союза. Вести группу должен командир эскадрильи майор Плотников... Вскоре под крылом самолета Полбина собрались все экипажи, и генерал лаконично изложил суть задачи: крепостные батареи немцев не дают нашей пехоте продвигаться вперед и овладеть городом Бреслау. Надо любыми средствами подавить артиллерию противника. Поведет в бой девяточку он, Полбин.

Генералу пытались возражать. Отговаривали. Сами, дескать, справимся, день рождения ведь у вас. Вот и хорошо, отвечал он, юбилей отметим в небе.

Группа подошла к цели и сделала первый заход—удачно. Бомбы накрыли цель.

— Второй заход!—командует по радио Полбин.

И тут перед его самолетом выросла огненная стена зградительного зенитного огня. Но Полбин не пошел назад, пошел в нее, стараясь найти брешь.

Но брешу не оказалось... Из всей девяточки на родной аэродром не вернулся один лишь генерал.

В воспоминаниях Маршала Советского Союза И. С. Конева есть такие строки:

«Дважды Герой Советского Союза генерал Полбин, командир 2-го гвардейского Львовского бомбардировочного корпуса, был очень храбрым, я бы сказал даже—безумно храбрым человеком. Причем эта храбрость сочеталась у него с высокими командирскими и организаторскими качествами. Всю войну он продолжал летать на выполнение боевых задач, особенно когда эти задачи были крупные, ответственные и опасные.

Во время Берлинской операции, зная, что Полбин и теперь, под конец войны, продолжает сам летать на выполнение боевых заданий, я через генерала Красовского и его штаб приказал без моего ведома не выпускать Полбина с аэродрома, считал вполне достаточным, чтобы он с КП руководил подчиненной ему авиацией,—обстановка теперь уже не требовала его вылетов, личного участия в боях.

Аэродром Полбина был недалеко от Бреслау. Он знал и видел, что происходит в Бреслау, и, видимо, глубоко переживал, что нам так долго не удастся покончить с окруженной там группировкой. И когда командующий 6-й армией генерал Глуздовский попросил Полбина поддержать его авиацией, подавить какие-то особенно мешавшие продвижению немецкие батареи, Полбин, природный летчик, соскучившийся без боевых вылетов, поднял девяточку бомбардировщиков, сам сел в самолет и повел их на Бреслау».

Имя дважды Героя Советского Союза Ивана Семеновича Полбина носят ныне село Ртищево-Каменка, Высшее Оренбургское училище летчиков, совхоз в Ульяновской области, улицы в Москве, Ульяновске, Чите и других городах, пионерские дружины. Генерал Полбин навечно зачислен в списки одного из бомбардировочных полков.

Все это олицетворение нашей памяти, безграничной в своей благодарности, высокой в своей чистоте, мужественной в своей верности.

Один из авторов очерка, ветеран Великой Отечественной войны, офицер в отставке Иван Николаевич Полуянов, волею вместе с Полбиным на Халхин-Голе, был членом экипажа легендарного летчика.



## ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

(Продолжение.  
Начало см. в №№  
1—4 журнала)

Под редакцией  
заслуженного тренера  
РСФСР  
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

### ПЯТЫЙ ТУР I КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?



Ход черных. Могут ли они добиться спасения при лучших действиях противника? (3 балла).

II

### ВОТ ТАК ЗАДАЧА!



Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

III

### ЭТОДУ—ВСЕГДА КРАСИВО!



Белые начинают и делают ничью (2 балла).

IV

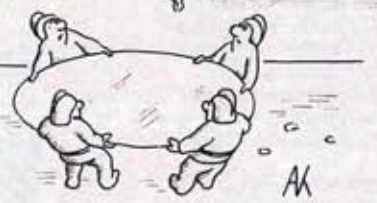
### НАША ВИКТОРИНА

Как называется дебютная система, характеризующаяся начальными ходами 1. d4 e6 2. Кс3 Кf6 3. e4 d5 4. Сg5 Сb4 5. e5 h6? (1 балл.)

Сообщаем, что в связи с большой почтой на нашу новую шахматную олимпиаду оформление и рассылка регистрационных номеров участников этого заочного соревнования завершатся несколько позднее намеченного срока. Открытки на второй тур разрешается высылать до 10 апреля 1980 года. Сроки отправления писем на третий и четвертый туры остаются прежними. Открытки на пятый тур ждем в редакции не позднее 5 мая с. г.



Рисунок Николая КРУТИКОВА



Рисунки  
Александра КОНОВАЛЕНКО

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА



## ЛИМПИЙСКИЙ ? ТУРНИР ЗНАТКОВ



Всем, кто любит и знает спорт!

Публикуя в этом номере «Смены» вопросы и задания II тура «Олимпийского турнира знатоков», мы хотели бы напомнить участникам этого заочного соревнования болельщикам, что их ждут учрежденные редакцией призы:

— Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные велосипеды марки «КАМА».

— Десять призов для активнейших участников читательского турнира — олимпийские сувениры «МИШКА».

— Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ» с автографами победителей Олимпиады-80.

К сведению тех, кто включится в борьбу со второго либо третьего тура! Авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы II тура — до 1 мая 1980 года (дата отправки письма будет определяться по штемпелю на конверте). Просим не забывать делать приписку на конверте: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие — в конце письма надо сообщить свою фамилию, имя и отчество, адрес, профессию и место работы, возраст.

### ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ II ТУРА

1. Как определялись победители Олимпийских игр древности?

3. Кто из советских легкоатлетов-мужчин стал первым олимпийским чемпионом?



4. Попробуйте предугадать состав олимпийской сборной СССР по футболу.



2. В истории Олимпийских игр был беспрецедентный случай, когда олимпийские медали, завоеванные легкоатлетом, были отобраны расистами. Назовите имя этого спортсмена и расскажите его историю.

5. Назовите имя будущего обладателя золотой медали Олимпиады-80 в плавании на 100 метров вольным стилем среди мужчин.



Рисунки  
Сергея ТЮНИНА



Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.01.80. Подписано к печати 01.02.80. А 10013. Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 508. Заказ № 1875. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

# А С ЧЕМ СРАВНИТЬ ЛЮБОВЬ...

Стихи Михаила РЯБИНИНА  
Музыка Алексея ЭКИМЯНА

Светла земля в своей красе,  
И мир цветов в живой росе,  
И каждый день и каждый час  
Любовь испытывает нас...

А с чем сравнить любовь?  
Может, с летом,  
С прозрачной тишиной рассвета,  
С полетом птиц и с медом трав,  
С зеленой песнею дубрав.

В краю Надежд и Нежных слов  
Не могут жить Печаль и Зло...

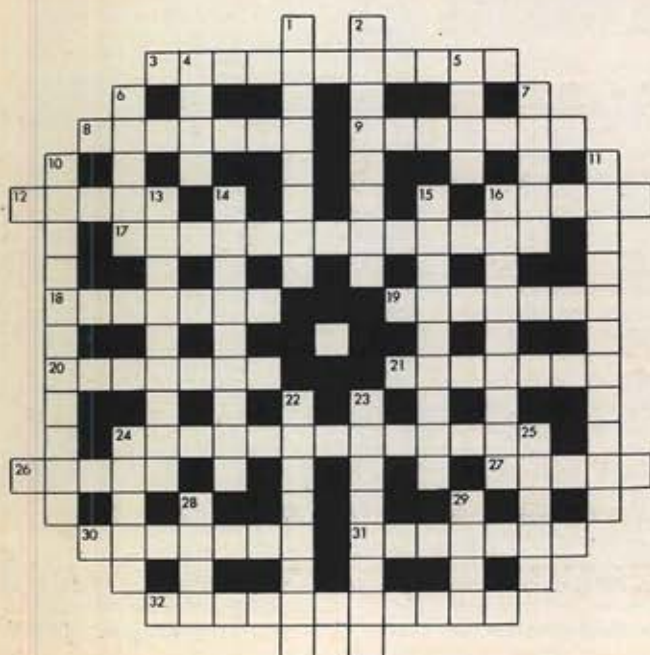
Любовь хрупка... Ее разбить —  
Всю жизнь себя потом казнить...

А с чем сравнить любовь? Может, с тайной,  
Со сказкой о мечте хрустальной,  
С мерцанием звезд, с волшебным сном  
И с белой ночью за окном.

А с чем сравнить любовь? Может, с небом,  
С колосьями, что станут хлебом,  
С глотком воды в краю песков...  
Все то, что есть, и есть любовь!  
А с чем сравнить любовь...

## КРОССВОРД

Составил Б. ЩУРОВ,  
Москва



По горизонтали:

3. Летчица, управляющая безмоторным аппаратом. 8. Песня А. Пахмутовой. 9. Певица, выступавшая на сцене Большого театра. 12. Народный духовой инструмент. 16. Композитор, автор цикла песен «Любовь и жизнь женщины». 17. Спортсменка. 18. Героиня поэмы А. С. Пушкина. 19. Композитор, автор балета «Шурале». 20. Механизм в некоторых духовых инструментах. 21. Советский актер, мастер художественного чтения. 24. Исполнительница народных эпических песен, былин. 26. Опера немецкого композитора Ф. Флота. 27. Город в Армении. 30. Героиня романа Г. Николаевой «Битва в пути». 31. Цветок тропического растения. 32. Балет С. Н. Василенко.

По вертикали:

1. Комедия Н. В. Гоголя. 2. Пушной зверек, кролик. 4. Туркменские фольклорные девичьи песни. 5. Заплетенные волосы. 6. Автор картины «Девушка, освещенная солнцем». 7. Залив Кораллового моря у южного берега Новой Гвинеи. 10. Математик, первая русская женщина-профессор. 11. Маршал Советского Союза. 13. Средства для ухода за кожей, улучшения внешности. 14. Вещество, идущее на изготовление бумаги, волокна для тканей. 15. Областной центр в РСФСР. 16. Ученица. 22. Воинское звание. 23. Белорусский актер, народный артист СССР. 24. Искусственный драгоценный камень. 25. Всесоюзный пионерский лагерь. 28. Река в Центральной Африке. 29. Садовый цветок.

ОТВЕТЫ  
НА КРОССВОРД  
НАПЕЧАТАННЫЙ  
В № 4

По горизонтали:

7. Салават. 8. Миранда. 9. «Гигант». 10. Оссиан. 11. Укроп. 14. «Манас». 16. «Идиот». 17. Милотин. 18. Локатор. 19. Авача. 21. Ишхан. 23. «Алеко». 25. «Чолпон». 26. Корнет. 27. Стрелок. 28. Базиллио.

По вертикали:

1. Радиоактивность. 2. Наташа. 3. Тарту. 4. Сироп. 5. Распад. 6. Здравоохранение. 12. «Колокол». 13. Остаток. 15. Смола. 16. Инари. 20. «Чалаев». 22. Шарнир. 23. Анион. 24. «Океан».

# ОТКРОВЕНИЕ МОЛОДОСТИ



ГОРЫ. БОЛГАРИЯ.

ПРОИСШЕСТВИЕ.



АВСТРИЙСКИЙ КОММУНИСТ.

Не часто сталкиваешься с мастером, картины которого буквально покоряют тебя, ибо автор остро реагирует на все стороны сложной и беспокойной жизни. Но когда мастеру всего лишь за двадцать, а творчество его поражает удивительным откровением правды,—невольно задумываешься, откуда такое знание жизни? По каким руслу сознания стекалось в душу молодой болгарской художницы Минны Антовой столько бескомпромиссного откровения?

Необычно сложилась биография художницы. Дочь известного болгар-

ДОМ В ДЕРЕВНЕ.



ского журналиста-международника, она вместе с отцом, многие годы работавшим за рубежом, повидала несколько стран. Родившись в 1955 году в Софии, Минна училась в школе при Советском посольстве в Стокгольме, а затем несколько лет жила с родителями в Вене. Здесь окончательно утвердилось в ней желание заниматься живописью. При жестком конкурсе—800 желающих на 15 мест—Антова проходит в знаменитую Венскую художественную Академию.

Минна Антова учится у известного профессора Густава Хессинга. Будучи антифашистом, он прививал своим ученикам ненависть к жестокому прошлому, утверждая реалистическую манеру творчества.

С художественной Академии начинается стремительный взлет болгарской художницы. Она получает награду за мастерство в 1975 году, а еще через два года после первой самостоятельной выставки специальную на-

граду от австрийского правительства как наиболее талантливый молодой художник.

Вот портрет австрийского коммуниста. Молодой парень стоит задумавшись. Он как бы на время ушел в себя. Но та внутренняя сила, решимость, что сосредоточилась в нем, может в любой момент разрядиться действием. И как это передано пронзительной кистью художника! И тонов-то в картине немного: голубой, серый, коричневый. Но психологический образ молодого, решительного парня выпукло и рельефно встает перед нами.

Но, пожалуй, самая лучшая из монументальных работ Антовой—автопортрет. Та же тональность, скупая и сдержанная, тот же темный фон, из которого выступает совсем еще юная девушка, беспредельно верящая в человеческое счастье.

Я рад познакомить советских любителей искусства с замечательными работами талантливой молодой художницы, в которых ей удалось передать прекрасное откровение молодости, созидающей новую жизнь.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

АВТОПОРТРЕТ.

